Кеммерер

Развитие стратегической науки в XIX столетии

Воениздат
1936

КЕММЕРЕР

РАЗВИТИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НАУКИ В XIX СТОЛЕТИИ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1938

КЕММЕРЕР. — Развитие стратегической науки в XIX столетии

Книга буржуазного немецкого военного писателя, генерал-лейтенанта Кеммерера, вышедшая в свет в 1904 г., представляет собой общий обзор развития стратегической мысли XIX века, начиная от Генриха Бюлова и кончая Шлихтингом. Противопоставляя два резко отличающиеся друг от друга течения стратегической мысли, родоначальниками которых являются, с одной стороны, Жомини, а с другой стороны, Клаузевиц, автор во всех отношениях отдает предпочтение последнему. Автор резко подчеркивает различие в оперативных методах Наполеона и Мольтке, обусловленное коренными изменениями в военной технике и тактике. Хотя автор признает, что в дальнейшем должны произойти еще новые изменения в тактике и стратегии, сам он, в значительной мере, продолжает стоять на позициях Мольтке, роль которого он сильно преувеличивает.

Редактор полковник *Шебалин*
Техн. редакторы: *Фрумкина* и *Горбунова*
Корректоры: *Шурыгина* и *Верболов*

Сдано в производство 8.5.38
Подписано к печати 4.8.38

Формат бумаги 84×108/32
Объем 13 печ. л., 11,4 уч.-авт. л.
В бум. листе 146.432 знака

Уполн. Главлита № Г—9680
Изд. № 251
Зак. № 319

Цена книги 2 р. 25 к., переплета 1 р. 25 к.

Текст отпечатан на бумаге Камского бумкомбината
Переплетные материалы Щелковской ф-ки

Адрес изд-ва: Москва, Орликов пер., д. 3.

Отпечатано в 1-й типографии Государств. военного изд-ва НКО СССР.
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие автора	5
I. Генрих Бюлов	9
II. Новая тактика французов	17
III. Жомини	29
IV. Эрцгерцог Карл	51
V. Клаузевиц	63
VI. Виллизен	105
VII. Техника XIX столетия	124
VIII. Мольтке в противоположность Наполеону	139
IX. Различные новейшие исследования	169
X. Развитие учения Мольтке Шлихтингом	188
Заключение	205

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Тема настоящей книги — теория войны. Я полагаю, что по этой причине она может претендовать на внимание трех групп читателей.

Прежде всего, я рассчитываю на благосклонный интерес тех старших офицеров, которым уже приходилось заниматься теоретическими вопросами. Я позволю себе обратить внимание на то, что моя работа является первым общим обзором развития стратегической науки в прошлом столетии и, кроме того, пытается научно обосновать стратегическую точку зрения, приемлемую также для современности и для ближайшего будущего. В подтверждение важности этого сошлюсь на слова Клаузевица: «Самое важное в жизни — это отыскать такую точку зрения, с которой все вещи должны быть поняты и оценены, и *придерживаться этой точки зрения до конца;* ибо только с *единой* точки зрения можно охватить всю совокупность явлений как одно целое и только единство точки зрения может гарантировать нас от противоречий»[1].

Затем я адресуюсь к молодым военным, которым знакома лишь небольшая часть широкой области военного искусства. Тот, кто пока еще не имеет перспективы практически применить полководческое искусство, кто стремится сначала только к тому, чтобы путем изучения военной истории подготовить свой ум к выполнению некоторых задач, которые может поставить перед ним наша профессия, тот не может все же обойтись без теории. Если время от времени провозглашается бесплодность и вредность теории, то это — ложное утверждение. В древнейшие времена истории человеческого рода действия могли совершаться без предварительного теоретического изучения. Но с тех пор как возникла культура, действиям предшествует идейная подготовка; ничего не меняет в этом и то обстоятельство, что иногда бывают люди, призванные действовать практически, но не могущие дать себе отчет, из какого духовного источника на самом деле почерпнуты их собственные мысли. Опасна не сама по себе теория, а схематическая система, которая связывает ум самыми тесными узами, вместо того чтобы делать его более свободным и более мощным. Само собой разумеется, что и у умных и высокообразованных людей может возникнуть сомнение: где же лежит граница между правильной теорией и неправильной схематической системой? Но тот, кто признает своим настоящим учителем и руководителем в теоре-

[1] «О войне», часть VIII, гл. 6 (русский перевод, изд. 1937 г., т. II, стр. 376. — *Ред.*).

тической области Клаузевица, тот, конечно, никогда не может впасть в тяжелые заблуждения.

Моя книга касается, в основном, только действительно руководящих идей в области стратегии XIX столетия; хотя она и затрагивает большое число стратегических вопросов, но не является учебником стратегии. В ней отсутствуют исчерпывающие материалы относительно марша, боя и расположения на отдых, относительно разведки и охранения, продовольственного снабжения, железнодорожных сообщений и транспортной службы, относительно крепостей, использования речных рубежей и гор и многого другого. Всего этого я не касался, чтобы отчетливее проявлялся лейтмотив моего труда.

Я рассчитываю, наконец, на таких читателей, которые не носят военной формы, но либо в связи со своими профессиональными задачами, либо из чистой склонности к науке хотят ближе познакомиться с самой драматической областью международных отношений — с областью войны. Этим читателям я могу сказать, что я стремился сделать свое изложение легко доступным пониманию. Я старательно исключал все понятия и все специальные термины, без которых можно было так или иначе обойтись; что касается предварительных военных познаний, то они необходимы здесь не в большем объеме, чем те знания, которые в результате отбывания обязательной воинской повинности сделались общим достоянием всех образованных людей.

* * *

Моя работа подходила уже к концу, когда появился труд 1-го (Военно-исторического) отдела Большого генерального штаба, посвященный «результатам сражений». Давая обзор оперативной подготовки ряда решительных сражений, этот труд преследует совершенно определенную цель: он стремится опровергнуть ту научную точку зрения, которая видит в стратегии Мольтке принципиальное отличие от стратегии Наполеона. Так как я в настоящей книге тоже представляю эту точку зрения, то я хочу предпослать здесь дальнейшему изложению одно общее замечание.

Известно, что осуществленная Мольтке подготовка войны против Австрии вызвала в свое время отрицательную оценку с многих точек зрения, частично заслуживающих безусловного внимания, причем с самого начала считалось твердо установленным, что она не соответствовала наполеоновскому образцу. Мнения расходились разве только в том, что часть критиков находила, по крайней мере, смягчающие обстоятельства для небезупречных действий Мольтке, в то время как другие осуждали его во всех отношениях. Даже из рядов прусского генерального штаба вышли два представителя такой точки зрения. Шерф в своем учебном пособии по тактике и стратегии пишет, что «в отношении использования масс для достижения конечной цели операции, для стратегической и тактической победы в сражении великий корсиканец до сих пор остается и должен оставаться *непревзойденным образцом*», а Йорк фон-Вартенбург в своем описании полководческой деятельности Наполеона и в других произведениях определенно заявляет, что, по его мнению, Мольтке стоит значительно ниже Наполеона.

Таково было положение вещей, когда генерал Кольмар фон-дер-Гольц выпустил труд о ведении войны. Он отчетливо показал харак-

терные черты образа действий Наполеона и Мольтке и признал, что оба различных метода имеют право на существование и могут применяться, в зависимости от обстановки, также и в наше время. Как явствует из одного позднейшего его высказывания, он исходил при этом из той точки зрения, что, например, высший командный состав турецкой армии еще не обладает той степенью тактической подготовки и выучки и той степенью подлинной самостоятельности, которые являются обязательной предпосылкой оперативного метода Мольтке.

Прежде чем было сделано это разъяснение, в обсуждении вопроса принял участие генерал фон-Шлихтинг; он высказал убеждение, что в нынешнее время руководящей может быть только одна основная точка зрения — точка зрения Мольтке, так как большая свобода передвижений и самостоятельность, предоставляемые подчиненным начальникам, безусловно требуют единства мышления в существенных пунктах и единообразной идейной подготовки. По поводу этого требования поднялся оживленный литературный спор, который продолжается уже в течение нескольких лет.

Новый труд Военно-исторического отдела стремится показать, что оба полководца были свободны от всякого методизма, от какого бы то ни было пристрастия к тому или иному образу действий, к тому или иному стратегическому правилу.

В моем труде я должен буду в отношении Мольтке определенно доказать справедливость противоположного взгляда. В отношении же Наполеона, поскольку я не собираюсь разбирать всю его военную деятельность, я должен ограничиться заявлением, что *новая* оценка личности его как полководца отнюдь не может быть принята без возражений. Она противоречит не только мнению наполеоновского соратника Жомини и всей французской школы приверженцев последнего, а также Виллизена, Рюстова, Леера и других; она не совпадает и с точкой зрения Клаузевица. Как бы сильно ни отличался Клаузевиц от Жомини, насколько глубже и основательнее ни были бы его мысли о природе войны, — его мнение относительно сущности наполеоновской стратегии полностью сходится с мнением Жомини и последователей Жомини.

Более того: по моему убеждению, сам Наполеон при различных обстоятельствах совершенно недвусмысленным образом выказал себя приверженцем того оперативного метода, который наука привыкла считать его методом. Доказательство этому можно найти в труде Йорка фон-Вартенбурга, который, основываясь на «Корреспонденции» Наполеона и на той же литературе, которая использована в труде о результатах сражений, приходит к совершенно другим выводам, чем авторы этого труда. Если действительно хотят потрясти ту силу доказательств, которая содержится в книге Йорка, то необходимы серьезные опровержения, причем специальной задачей должно было бы быть опровержение всех тех высказываний Йорка, где он из действий и слов Наполеона делает вывод о пристрастии его к определенному методу. До тех пор пока это не сделано, остается справедливым то положение, что Наполеон был представителем определенного направления, стремившегося к возможно более тесному сосредоточению войсковых масс, чтобы достигать решения мощной ударной тактикой. Эта стратегия крупных масс (Massenstrategie), которую применял Наполеон, *тогда* была, в общем, правильна; его огромные успехи служат тому блестящим доказательством. *Если бы он жил в настоящее время, то, само собой понятно, он не действовал бы таким образом.*

Он принял бы в расчет коренным образом изменившиеся условия совершенно так же, как это сделал Мольтке.

Я должен засвидетельствовать, что в книге о результатах сражений я сплошь и рядом не находил ссылок на изменившиеся условия современности, в особенности — на *огромнейший* рост действительности огня. Такие ссылки встречаются, но далеко не так часто, как это нужно. Мы знаем теперь, что Мольтке был первым военным деятелем, который правильно определил и в лапидарных выражениях формулировал эти изменения тактических основ, влияющих на стратегические соображения, и это его признание должно лечь в основу нового метода действий. Военно-исторический отдел в своем обзоре пишет: «История все время подтверждает старое, почерпнутое из опыта наблюдение, что идеи, прокладывающие новые пути, лишь медленно получают применение в практической жизни». Авторы имеют при этом в виду Наполеона и его метод ведения войны.

Я нахожу, что это положение гораздо больше подходит к Мольтке!

I. ГЕНРИХ БЮЛОВ

Понятие о базе.— Неприятельские магазины как объект операций.— Неправильная оценка Фридриха II.

У истоков XIX столетия стоит в высшей степени примечательная книга: «*Дух новейшей военной системы*, выведенный из принципа базы операций, изложенный доступно и для несведущих в военном искусстве бывшим прусским офицером». Гамбург, 1799 г. («*Geist des neueren Kriegssystems*, hergeleitet aus dem Grundsatz einer Basis der Operationen, auch für Laien in der Kriegskunst fasslich vorgetragen von einem ehemaligen Preussischen Offizier». Hamburg, 1799).

Автором этой книги был Генрих фон-Бюлов, брат Бюлова фон-Денневица, несомненно, богато одаренный, но также и весьма тщеславный человек, который рано оставил службу в армии и тщетно испытывал свое счастье в Америке, затем сделался военным писателем и через несколько лет, вследствие своих беспощадных и злобных суждений, вступил в серьезные конфликты с государственной властью. Когда он писал свою упомянутую выше первую книгу, являющуюся в то же время и наиболее значительной из его книг, позади был уже целый ряд походов против Французской республики, в процессе которых, по нашему теперешнему пониманию, военная стратегия непрерывно подвергалась крупным изменениям, пока не выросла в ту страшную силу и мощь, которые наполняют нас таким изумлением при взгляде на деяния французского императора. В самом деле, молодой Бонапарт уже в своем первом походе дал замечательнейшие образцы своего необычайного полководческого дарования. И если тогда до широкой публики доходили лишь весьма скудные сведения о военных событиях в Верхней Италии, то все же *одна* особенность французского военного героя вряд ли могла остаться скры-

гой, а именно — его необычайная смелость и готовность итти на риск, его никогда не ослабевающее стремление искать решения кровью, посредством сражения. Но ведь этим была с очевидностью создана несомненная противоположность обычной стратегии XVIII столетия. Ибо, как бы ни называть теперь эту стратегию — стратегией позиций и владения пространством, или стратегией истощения и выдержки, или же двухполюсной стратегией сражения и маневра, — одно, во всяком случае, ясно: такая непрерывная цепь кровавых решений на поле сражения была ей, безусловно, чужда. И если в 1799 г. мыслящий человек издал книгу о «Духе новейшей военной системы», то мы, конечно, имеем основания предполагать, что он воспринял кое-что от веяния нового духа и хочет теперь же поделиться этим познанием с народом своей страны.

Однако, об этом не может быть и речи даже в самом отдаленном смысле. Генрих фон-Бюлов, как раз, наоборот, в гораздо большей степени поставил себе целью привести в научную систему те воззрения, представители которых видели в сражении «вспомогательное средство отчаявшихся» и настоящей задачей стратегии считали *достижение цели войны без пролития крови.*

«Надо избегать сражений и полагаться на маневрирование»... «Если оказываются перед необходимостью дать сражение, — значит, этому предшествовали ошибки»... «Путем стратегического маневра на флангах и в тылу врага можно сделать бессильной любую его победу»... «Между тем на данном примере видно, как мало может быть успешных сражений против превосходных сил и насколько нерешителен бывает в большинстве случаев их исход в новейших войнах»... «А кроме того, при новейшем способе ведения войны поражение не является еще таким удручающим событием, как это было в древности»... «В настоящее же время, когда в пехоте только стреляют и выстрелы решают все, моральные и физические качества вовсе не принимаются во внимание. Ибо ребенок может застрелить великана...» [1].

Я сопоставил здесь несколько фраз Бюлова, которые, как рефлекторы, должны осветить его научную систему. Сама эта система начинается с установления понятия *базы* [2].

[1] Эти фразы, в соответствующей последовательности, можно найти на стр. 176, 253, 107, 256, 106 и 95 вышеупомянутой книги Бюлова.

[2] Этот термин (Basis) в нашей оперативно-стратегической литературе переводят иногда словом «базис». — *Ред.*

База — это линия, связывающая те защищенные пункты расположения армейских магазинов (крепости), из которых армия во время определенной операции может получать продовольствие и пополнение боеприпасов. Линии, ведущие от обоих конечных пунктов базы к цели (объекту) операции, образуют вместе с базой треугольник, который в известной степени представляет тот театр войны, внутри которого армия в состоянии удовлетворять свою потребность в продовольствии и боеприпасах из того или другого пункта на базе, где расположены ее магазины. Отсюда без дальнейшего явствует, что противнику будет тем труднее прервать и нарушить связь армии с ее базой, чем более растянута база и чем меньше высота треугольника (схема 1).

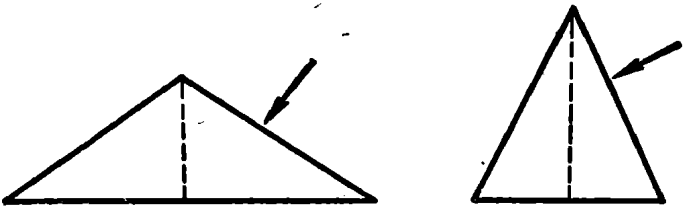

Схема 1

В одном случае, при плоском треугольнике с тупым углом у вершины, опасность для одного фланга будет иметь самое небольшое значение, так как на стороне, не обращенной к противнику, сообщение с базой может происходить без всяких помех. В другом случае, при значительной высоте треугольника и очень небольшом угле у вершины его, различные линии сообщения с базой лежат так близко друг к другу, что одно и то же действие противника угрожает одновременно им всем и тем самым, во всяком случае для армии, расположенной у вершины треугольника, создает весьма неприятное ощущение. Это — единственная истина, которая никоим образом не может быть оспорена, и если бы Бюлов удовольствовался использованием ее для объяснения понятия «базы», которое он впервые ввел в науку, то ему нельзя было бы сделать никаких упреков. Но он не ограничился такой простой мыслью. Его рассуждение развивается с большой обстоятельностью, строго математически. Он приходит к выводу, что операция только в том случае располагает достаточной базой, если угол у вершины треугольника составляет *по меньшей мере 60°*, и доходит до утверждения, что форма

базы в виде охватывающего полукруга является наилучшей, так как противник внутри такой дуги *не может занять позицию, которую он смог бы удержать*. «*Он находится в мешке, который можно завязать*». Что охватывающая база представляет собой крупное преимущество, это опять-таки не подлежит никакому сомнению. Достаточно вспомнить о 1806 годе, когда французские вооруженные силы были распределены перед войной от Нижнего Рейна до выхода Дуная из пределов Баварии, когда, следовательно, база Наполеона охватывала западную половину Пруссии широкой дугой и когда, тем самым, император мог по своему усмотрению выбрать для наступления одно из многих разнообразных направлений. Приведенная выше фраза легко могла бы заключать в себе нечто подкупающее для нашего теперешнего образа мыслей, и можно было бы склониться к тому, чтобы увидеть в ней решение о наступлении с охватом противника со всех сторон, которое в случае удачи вынудило бы его к капитуляции. Но, вникая глубже в смысл слов Бюлова и в его намерения, сейчас же понимаешь, что он и здесь никоим образом не имеет в виду грубое средство непосредственного наступления на неприятельскую армию; все время он имеет в виду только угрожающее давление на неприятельские сообщения и под «завязыванием мешка» понимает только постоянное затруднение неприятельского «существования» (der feindlichen «Subsistenz»).

Естественным следствием такого воззрения является поэтому предложение Бюлова: после возможного проигрыша сражения (ибо противник может, ведь, вынудить к сражению и можно оказаться разбитым) немедленно разделить потерпевшую поражение армию на несколько частей, которые должны эксцентрически разойтись в различных направлениях, чтобы путем угрожающего со всех сторон воздействия на коммуникационную линию одержавшего победу противника вынудить его к остановке и помешать ему использовать победу. Здесь необходимо отметить с полнейшей определенностью, что Бюлов вовсе не понимает под эксцентрическим отступлением такой образ действия, при котором вся армия уступает противнику направление на сердце своей страны, скажем, на свою столицу, и уклоняется в стороны, чтобы тем самым либо отвлечь противника с того направления, которое потерпевшему поражение должно казаться самым опасным, либо обрушиться в ближайшее же время на фланги и тыл победоносного

противника, если он будет упорно держаться направления на сердце страны. Против такой идеи, естественно, никоим образом нельзя было бы спорить. Однако, Бюлов неоднократно и совершенно определенно разъясняет, что эксцентрическое отступление, в его смысле, обусловливает разделение армии на несколько частей, расходящихся в различных направлениях. С такой же категоричностью я должен подчеркнуть, что здесь речь вовсе не идет о предварительном отходе *до* принятия решающего сражения; в этом случае эксцентрический отход нескольких частей армии в различных направлениях мог бы служить той цели, чтобы обеспечить им для последующего решения возможность охватывающего наступления. Отнюдь нет; здесь речь идет о расхождении в разные стороны *после поражения* — в фантастической надежде, что части побежденного посредством нависающей со всех сторон *угрозы* коммуникациям победителя вынудят последнего к остановке.

«Из всего сказанного явствует, — так гласит основной вывод бюловского исследования [1], — что духу новейшего способа ведения войны более соответствует, когда магазины и ведущие от них к армии линии подвоза в большей мере являются объектами операций, чем сама неприятельская армия. Причина заключается в том, что источник продвижения новейших армий лежит не внутри их, а вне их. В этом они подобны людям нашего столетия, которые свое счастье, так же как всю свою сущность, видят во внешних вещах, но не ищут их в самих себе. Магазины — это сердце, повреждением которого разрушают армию, составленную из людей. Линии подвоза — это мускулы, и, если их надрезать, военное тело оказывается парализованным. Так как эти линии тянутся только с флангового направления и с тыла, то отсюда следует, что объектом операций должны быть фланги и тыл, причем это одинаково относится и к наступательной и к оборонительной войне. В наступательной войне гораздо успешнее можно вынудить противника к отступательным движениям, если воздействовать на источник его существования (auf seine Subsistenz), следовательно, как уже сказано, на его фланги, чем если силой выбивать его с его позиции. В оборонительной войне в короткий срок будет осознана бесполезность всех параллельных позиций, всех параллельных маршей, целью которых является преграждение пути противнику. Как бы пози-

[1] Цитированное сочинение, стр. 81.

ция ни была крепка, какую бы хорошую опору она ни имела, как бы удачно она ни была выбрана в интересах прикрытия своей страны, — нет такой позиции, из которой нельзя было бы путем маневрирования на флангах весьма быстро выбить противника, даже если он располагает превосходством в силах. Отсюда я могу смело вывести правило, хотя оно и является новым, что, собственно, никогда не надо вести оборонительную войну, но сейчас же вновь переходить к наступательной войне, обрушиваясь на фланги противника и оперируя у него в тылу. Даже при собственной слабости искусный полководец может путем наступлений на магазины и линии снабжения (Subsistenzlinien) вынудить более сильную армию к отступлению и оборонительному ведению войны, тем более что к операционным линиям достаточно приблизиться лишь настолько, чтобы их «умертвить», т. е. сделать невозможным их использование. Общее правило должно быть, следовательно, такое: надо располагаться не прямо против неприятеля, но с фланга (seitwärts)».

Это, несомненно, наиболее концентрированное выражение того свойственного XVIII столетию мудрствования по вопросам военного дела, которое так часто порицалось и на которое так часто жаловались. И наряду с этим можно найти следующее суждение Бюлова относительно последних пяти походов Семилетней войны [1]:

«В последний период этой войны мы находим оборонительные кампании принца Генриха в Саксонии и такие же кампании герцога Фердинанда; затем — замечательные маневры короля Фридриха в 1761 г. в Силезии с целью помешать соединению русских и австрийцев и уничтожить превосходные лагерные стоянки их в этом походе, в особенности лагерь у Бунцельвица; наконец, замечательный проект, заключавшийся в том, чтобы вынудить русских путем уничтожения их магазинов к отступлению, — безусловно, наиболее совершенное явление в анналах новейших войн. Сражения Фридриха II не заслуживают в такой же степени восхищения знатока военного дела, хотя в то же время диспозиции к ним заслуживают хвалы. Ибо, если этих сражений можно было избежать, то их надо рассматривать как полные отчаяния попытки найти выход из неблагоприятного положения или в смерти или в победе. Смертью можно было бы избавить от неблагоприятного по-

[1] Цитированное сочинение, стр. 257.

ложения себя самого, но государство было бы разрушено, и каких только потрясений не вызвало бы это в политической системе Европы! Ибо теперь нельзя разрушить крупную державу, не вызвав потрясений и во всех остальных, так же как нельзя вырвать планету с ее места, не вызвав расстройства всей системы».

Итак, от упрека в трусости, которая в затруднительном положении хочет найти выход в смерти, не избавлен и король Фридрих, который благодаря своему никогда не ослабевавшему стремлению к победе на поле сражения был грозою своих врагов! И особенно большой несправедливостью является то, что ему в меньшей мере ставятся на вид действия, подвергавшие опасности его собственное государство, чем возможное нарушение европейского равновесия, что по космополитическим взглядам тогдашнего времени было еще важнее, чем благо своей страны. Из этих высказываний Бюлова отчетливо видно, насколько больны были вместе со всем государством также и военное дело и военное искусство как раз в то время, когда революция собирала свои силы, чтобы в скором времени применить их с непревзойденной беспощадностью для сокрушения своих врагов. Разительнейшим примером того, как велико было самоослепление этого устаревшего военного искусства, как безнадежно оно вращалось в *своем* собственном заколдованном кругу, являются позднейшие сочинения Бюлова. Если в военных действиях Бонапарта с 1800 по 1805 г. он мог обнаружить подтверждение своей военной системы, то теряется всякая возможность принимать его соображения хоть сколько-нибудь всерьез; в них можно видеть только предшественника того удивительного идейного разброда, который царил в 1806 г. в нашей главной квартире и столь плачевным образом послал на убой армию Фридриха II. И, конечно, нельзя удержаться от того, чтобы и Бюлова — писателя, произведения которого тогда много читали, — сделать ответственным за печальное крушение прусского государства.

Свою эпоху Бюлов по-настоящему понимал только в одном единственном пункте: он принципиально требовал ведения боя в рассредоточенных порядках (die Anwendung des zerstreuten Gefechts), причем не только в качестве постоянного явления, сопутствующего бою сомкнутых порядков, но и в качестве самостоятельного боевого порядка, имеющего часто решающее значение. В предложениях Бюлова имеется кое-что странное, особенно когда он обход-

ное движение фланкирующих частей хочет возложить не на конницу, а на пехоту, чтобы при движении вперед и при отходе уменьшить потери путем ведения огня на-ходу. Но этому может быть противопоставлено его требование, чтобы стрелки (Tirailleurs) подкрадывались к противнику ползком и стреляли и заряжали лежа, что в эпоху оружия, заряжавшегося с дула, было связано все же с некоторыми трудностями; это свое требование Бюлов обосновывал совершенно четко необходимостью *укрытия*. Для этого требовалось подлинное мужество в обстановке той прусской армии, которая так гордилась своим искусством «fièrement zu attaquieren» («энергично атаковать») длинными цепями или эшелонами и которая в лице подавляющего большинства своих офицеров полностью отвергала новомодные действия стрелковых цепей (das neumodische Tiraillieren), «так как это воспитывает природного негодяя». Насколько сильным было тогда это настроение, можно судить по тому, что оно и в настоящее время, в эпоху дальнобойного скорострельного оружия, еще не совсем заглохло. Оно живет еще сейчас в тех тактиках, которые с легким пожиманием плеч говорят о «боязни потерь», когда кто-либо подчеркивает невозможность одним ударом привести к победе наступление пехоты по гладкой равнине.

II. НОВАЯ ТАКТИКА ФРАНЦУЗОВ

Стрелковый бой и наступательные колонны.— Перевес сил как главное средство успеха.— Массовое применение облегченной артиллерии.— Новый способ лагерного расположения.— Разделение и соединение.— Наполеон.

К числу наиболее действенных сил, которыми располагал обновленный французский государственный организм, принадлежит и совершенно изменившийся взгляд на использование войск в сражении. Мы должны уяснить себе, как *постепенно* зарождался этот взгляд.

Обычно считают, что возникновение стрелкового боя и переход от линейной к колонной тактике произошли в революционных армиях более или менее непроизвольно, так как плохая подготовка народного ополчения сделала невозможными трудные эволюции линейных построений и еще более трудный залповый огонь взводами, полубатальонами или целыми батальонами. Эта неприспособленность добровольческих батальонов к необычайно сложному искусству тогдашней строевой школы, несомненно, также играла определенную роль. Однако, суть дела лежит все же глубже. Во французской армии уже вскоре после сражения при Росбахе проявилось своеобразное движение, совершенно уклонявшееся от того образца, который давал ей коронованный славой противник; наиболее крупным представителем этого движения надо считать герцога фон-Брогли (von Broglie), победителя при Бергене (13 апреля 1759 г.). Брогли, несомненно, один из первых ясно понял всю пользу стрелкового боя. Он уже тогда придал каждому батальону легкую роту и требовал от всей своей пехоты, чтобы она могла быть применена в бою в рассыпном строю. Необходимо отчетливо представить себе, что французская армия уже в то время была совершенно иным образом преисполнена национальным чувством, чем любая из различных

немецких армий, и что во французской армии не приходилось считаться с опасностью дезертирства, как это было в тогдашних немецких и особенно в прусских войсках, переполненных иностранцами. Поэтому во Франции можно было с полным основанием раньше достигнуть того, чтобы признать в солдате самостоятельную личность и требовать от него большего, чем чисто машинальных действий.

Наряду с ранним признанием крупного значения стрелкового боя на любой пересеченной и неровной местности, здесь в то же самое время начинает более часто применяться сомкнутая колонна; эта колонна была известна тогда в прусской армии не как построение самостоятельного значения, но лишь как кратковременная переходная стадия — для перехода из разомкнутой взводной колонны, которая, собственно, и являлась маневренным построением, в линию. Если из движения в разомкнутых взводных колоннах надо было построить линию фронтом вперед, в направлении происходившего перед тем движения, то в Пруссии охотно поступали так: батальоны подтягивали сначала части походной колонны, затем путем развертывания переходили из взводной колонны в ротную (правильнее — дивизионную), из которой после нового смыкания переходили таким же образом к построению в два полубатальона, один в затылок другому, и, наконец, могли развернуться в линию. У французов же уже маршал Саксонский последовал побуждениям кавалера Фолара (Folard) — писателя, сочинения которого тогда много читали, — и в сороковых годах ввел сомкнутую колонну в два взвода по фронту, настоящую батальонную колонну, в качестве целесообразного походного, а при случае и *наступательного построения*. В сражении при Бергене он расположил свою передовую линию, применительно к местности, частью цепями, частью стрелковыми цепями с поддержками; однако, весь второй эшелон он держал наготове в двух группах батальонных колонн, чтобы затем из обороны перейти в контрнаступление, которое обеспечило ему победу.

Выдающийся военный писатель Гибер (Guibert) представлял в семидесятых годах XVIII столетия ту точку зрения, что, хотя линия все еще должна оставаться действительно основным пехотным построением и преимущественно применяемым боевым порядком, однако, сомкнутая колонна во многих случаях полезна для движения и *наступления*; он высказывал уже столь распространенное теперь положение, что для командования необходима большая свобода

в выборе средств. Правда, Гибер (в труде «Защита системы современной войны»[1]) с большой живостью оспаривает то направление, которое идет еще дальше и хочет сделать колонну основным тактическим построением, и особенно обрушивается на мысль о том, что именно колонное построение является средством прорыва неприятельской линии в ее центре, — мысль, которой позднее суждено было получить величайшее признание. Однако, главное тактическое сочинение Гибера «Общий очерк тактики»[2] представляет собой, по сравнению с прежней линейной тактикой, значительный шаг вперед. Уже в 1764 г. во французской армии было повсюду введено, — правда, еще в скромных размерах, — использование стрелков впереди фронта каждого наступающего на противника батальона. Гибер и другие французы в своих сочинениях с полнейшей ясностью излагают сочетание стрелковых цепей и сомкнутых батальонов как форму, которая пригодна для полного овладения *любой местностью* и ее использования, а потому как раз *наступлению* обеспечивает значительное увеличение его силы.

При тех тактических формах, какие существовали до этого времени, исключительно только оборона была в состоянии извлечь преимущество из местности. Обороняющаяся сторона располагалась двумя широкими эшелонами, состоявшими из развернутых в линию батальонов, на высотах, относительно которых осторожный полководец считал весьма важной наибольшую крутизну скатов, тогда как более решительный командующий довольствовался более плоскими скатами. Как правило, охотно избирали фронтальное препятствие, которое в большей или меньшей степени затрудняло подход наступающего. Фланги, по возможности, с обеих сторон, по меньшей же мере с одной стороны, должны были быть защищены совершенно непроходимой или почти непроходимой местностью от возможности охвата их. Легкая артиллерия, приданная пехоте, стояла в промежутках между батальонами; тяжелую артиллерию располагали на позициях на удобных высотах таким образом, чтобы она господствовала далеко над впереди лежащей местностью. Наконец, части пехоты и конницы держали позади, чтобы действовать ими соответственно обстоятельствам. Однако, там, где опорой фланга не могла служить местность, конница должна была с самого начала располагаться на этом фланге.

[1] «Défense du système de guerre moderne».
[2] «Essai général de tactique».

При наступлении боевой порядок, состоявший, в основном, из пехотного центра в двух эшелонах и двух кавалерийских флангов в подобных же построениях, должен был подвести к противнику всю армию, как тесно сомкнутое единое целое, приводимое в движение командованием. В самой природе этой задачи лежало то, что всякая неровность почвы, всякий кустарник, всякое строение, всякая канава, всякая самая незначительная высота должны были представляться препятствием для движения, которое само по себе было трудным, и что для наступающего излюбленнейшим полем сражения являлась открытая равнина. Эта точка зрения была тогда распространена повсюду, но во много раз большее значение она имела в Пруссии, так как только на открытой равнине могли осуществляться те тактические эволюции большого стиля, которым там отводили совершенно исключительную роль. Необычайная искусность выполнения эволюций, проявленная прусской армией, обеспечила королю Фридриху в день Лейтена возможность принять решение, следует ли атаковать правый фланг противника или же его левый фланг, только тогда, когда его войска находились от центра неприятельского фронта на расстоянии всего лишь пушечного выстрела; существенно то, что по этой причине все сражение превратилось в столь блестящий триумф внезапности.

И далее: только на ровной местности наступающий мог рассчитывать (если только погода не была слишком неблагоприятной) подвезти к противнику артиллерию, могущую вести сколько-нибудь действительный огонь. В середине XVIII столетия артиллерия, в общем, была еще весьма тяжелой; она таскала с собой в своих чрезмерно длинных и слишком толстых стволах еще столько излишнего, не оправданного ее действием, веса, что уже средние калибры ее вообще лишь с трудом могли передвигаться вне дорог, и каждый подъем превращался для них в серьезное препятствие.

Таковы были причины, по которым чистая оборона на более или менее удачно выбранной позиции давала подлинный и значительный перевес над наступлением, и этот перевес стал действительно определяющим пунктом, из которого можно логически вывести все развитие военного искусства того времени. Теперь же, в последней трети века, французские военные писатели пришли к выводу, что в будущем должно быть иначе, и это свое учение они излагали с умом и знанием дела. Стрелковые цепи со следую-

щими за ними колоннами должны преодолевать те труднодоступные или вовсе недоступные для линий участки местности, к которым оборона любит примыкать свои фланги. Стрелковые цепи со следующими за ними колоннами должны также и перед фронтом неприятельской позиции так приспособляться к местности, чтобы найти укрытие от дальнего огня орудий обороны, и должны быть поставлены тем самым в такое положение, чтобы без особенно больших потерь ждать момента, когда окажется возможным осуществить атаку. Колонны должны, в конце концов, дать возможность в решающий момент бросить подавляющий *перевес сил, четырёхкратный, шестикратный, десятикратный перевес* в пехотных бойцах, в тот пункт неприятельской линии, где полководец хочет искать решения. Сомкнутая колонна вновь связывается с давно забытой греческой фалангой, с клином древних германцев, с ударной колонной (Gewaltshaufen) ландскнехтов; она сознает мощь своего физического удара и хочет таким путем прорвать тонкую неприятельскую линию. При этом, конечно, хорошо понимают, что сопровождающий огонь стрелков в такие моменты может представлять лишь довольно малую ценность для решения, так как он должен оставить свободным фронт колонн и ограничиться интервалами между ними. Но считаются, так или иначе, с тем, что стрелковый бой нашел тем более благодарную задачу до этого момента, а кроме того, рассчитывают на моральное впечатление, которое, безусловно, производит на противника непрерывное движение вперед тесно сомкнутых пехотных масс. Ибо новые представители тактической мысли, в противоположность некоторым писателям эпохи линейной тактики, вновь полностью осознали большое значение *численности* бойцов и рассматривали как особо важную задачу командования использование *превосходства в силах.*

Однако, в еще большей степени рассчитывают на совершенно новое и своеобразное применение наступательной артиллерии. Научному направлению в артиллерии удалось теперь, наконец, снять весь излишний вес и сделать тяжелые и средние полевые орудия, при сохранении того же действия их, гораздо более подвижными. Теперь добились того, что даже 12-фунтовые орудия можно было возить с собою туда, куда прежде едва могли попасть 8-фунтовые орудия, и уже в конце семидесятых годов родилась мысль посадить на лошадей прислугу тяжелой артиллерии, чтобы везти орудия рысью и даже галопом. Впрочем, Дю-Тейль

(du Teil), от которого ведет начало эта мысль, в своем сочинении *о применении новой артиллерии*, прежде всего, перенес учение Вобана об объединении действий артиллерии из крепостной войны в условия полевой войны, и последовавшая затем в годы 1792—1794 организация конной артиллерии (9 полков) создала в высшей степени действительное средство для превращения этих принципов в дела [1]. Привожу некоторые высказывания Дю-Тейля:

[1] Ср. вышедший в 1783 г. немецкий перевод Маль-Эрба (Mal-Herbe), лейтенанта саксонского артиллерийского корпуса, стр. 60, 66, 97, 100, 107 и др., или же цитату в книге Колена «Военное воспитание Наполеона» (Colin, L'éducation militaire de Napoléon), Париж, 1900 г.

По поводу предложенной Дю-Тейлем посадки канониров на лошадей я должен заметить следующее. У введенного Грибовалем орудия полевой артиллерии, образец которого можно видеть в берлинском арсенале, не было короба передка. Небольшая часть боеприпасов находилась в станке лафета, в коробе, который был устроен близко от шворневой лапы между станинами лафета; вообще же, как принцип, зарядный ящик следовал на огневую позицию непосредственно за орудием. У станков лафета и зарядных ящиков были крышки в форме гроба, на которых никто не мог сидеть. Следовательно, «посадка» канониров могла быть произведена только на заводных лошадей упряжки. Именно так совершенно отчетливо говорит об этом Дю-Тейль: «Большая часть канониров будет посажена на лошадей...» (Колен, стр. 79—80), но у переводчика (стр. 60—63) получается неясность, так как он говорит только о «посадке». Далее необходимо отметить, что сцепление между орудием и бескоробным передком (с передковым шворнем на оси) было весьма жестким, так что при передвижениях по неровной местности орудие отцепляли от передка и вдвигали стрелу (prolonge) между орудием и передком. Дю-Тейлю известно лишь такое применение стрелы, когда она прикреплялась к хоботу лафета. Позднее при наступательных движениях предпочитали прикреплять стрелу в лобовой части обеих станин лафета, близко от ствола орудия в направлении его дула, так что орудие двигалось дулом вперед, а хобот лафета тащился сзади.

Дю-Тейль подробно разъясняет, что при фронтальном движении большого числа орудий с боевыми интервалами можно, применяя стрелу, покрывать на галопе расстояния в 200—300 туазов, т. е. 400—600 *м*. Затем, после остановки, передки должны сделать поворот кругом, повернуть орудия и немедленно вступить в дело.

Между прочим, 4-фунтовые и 8-фунтовые орудия перевозились только 4 лошадьми, и такую же запряжку имели зарядные ящики. Следовательно, на орудийной и ящичной запряжке можно было перевозить только 4 человек на орудие.

Необходимо отметить, наконец, очень интересную статью о материальной части французской артиллерии в «Revue d'artillerie» (март, 1899 г.). В этой статье выдвигается утверждение, что в эпоху империи орудийная прислуга в тяжелой артиллерии никогда не сажалась на лошадей. Передвижения тяжелой артиллерии на быстрых аллюрах ограничивались всегда такими короткими расстояниями, что прислуга могла бегом следовать за орудиями. Так как труд Дю-Тейля автору статьи, повидимому, неизвестен, то речь идет не об опровержении

«Необходимо сосредоточивать массу войск и *превосходящую по силе артиллерию* в том пункте, где хотят преодолеть сопротивление противника, в то время как в других пунктах его вводят в заблуждение»... «Артиллерия получит превосходство над неприятельской артиллерией, если она постоянно будет сосредоточивать свой огонь в решающих пунктах»... «Необходимо умножать количество артиллерии в тех пунктах, где наступление решает победу; таким путем артиллерия обеспечивает решающие успехи»... «При наступлении на позиции противника достаточно сосредоточить свой огонь и свои усилия в нескольких слабых пунктах этих позиций, чтобы вынудить противника к их сдаче»... «Момент, когда войска должны начать действовать, определяется разрушениями, произведенными артиллерией. Когда в укреплениях проделаны бреши, а войска противника устрашены и побиты, тогда победа, подготовленная артиллерией, зависит только от храбрости наступающих...», и т. д.

Далее Дю-Тейль приходит к выводу, что орудия более тяжелых калибров и гаубицы наступающего должны видеть основную свою задачу в разрушении укреплений и сооружений, а более легкие калибры также должны без колебаний вступать в борьбу с тяжелыми батареями обороны; когда 4-фунтовые орудия развернутым фронтом на галопе приблизятся к противнику на желательное им самим расстояние, они могут, безусловно, вступать в борьбу с 24-фунтовыми орудиями, потому что первые могут за один и тот же срок сделать в 3—4 раза больше выстрелов, чем вторые.

Защитник этих взглядов незадолго до поступления Бонапарта в полк Ля-Фер (La Fère) служил в этом полку, а его старший брат был директором полковой школы в Оксонне, где молодой офицер получил свою основную специальную подготовку. Кроме того, сочинение Дю-Тейля возбуждало тогда большой интерес [1].

вывода, основанного на труде Дю-Тейля, но о воззрении, вытекающем из действовавших тогда уставов, в которых нигде не упоминается о посадке орудийной прислуги на заводных лошадей. Военно-исторический материал, характеризующий ту эпоху, естественно, настолько не полон, что простое отсутствие упоминаний о посадке на лошадей еще ничего не говорило бы о невозможности этого на практике, а исторически установленный факт, что быстрое развертывание и продвижение длинной артиллерийской линии неоднократно оказывали величайшее действие на противника, говорит *за* наше предположение.

[1] См. об этом в превосходной книге Колена «Военное воспитание Наполеона»; все содержащееся в ней свидетельства, которые я смог проверить, оказались совершенно достоверными.

Итак, Наполеону и его ставшим позднее знаменитыми артиллерийским командирам была заранее привита мысль, что артиллерия представляет собой наступательное оружие большого стиля; «использование местности», «подвижность», «внезапность» сделались их любимыми словечками. И позднее, когда Наполеон произнес свое изречение: «Огонь — все, остальное — ничто», он имел в виду только артиллерию.

Вопрос об использовании древнегреческой фаланги в качестве тактического построения для решающего удара пехотой вообще мог быть поставлен только потому, что стремились использовать артиллерийский огонь таким существенным образом.

Если таковы чисто тактические принципы нового движения, которое во Франции еще до революции отказывалось следовать старым формам и прусскому образцу, то мы должны теперь рассмотреть также некоторые явления, относящиеся уже к стратегической области.

В эпоху линейной тактики обычным, так сказать, нормальным, положением армий обоих противников было такое положение, когда каждая из них своими главными силами располагалась на позиции, пригодной для непосредственной обороны. Приблизительно в 1—2 переходах позади лагеря находилась хлебопекарня, в 2—3 переходах позади хлебопекарни — магазин; на своей территории магазин устраивали большей частью в крепости, в иных случаях — во временно укрепленном пункте.

Чтобы прикрыть сообщения между лагерем и хлебопекарней, а также между хлебопекарней и магазином от неприятельских налетов, приходилось, как правило, выделять некоторое количество сил вправо и влево. Эти войсковые соединения, называвшиеся, в отличие от армии (armées), корпусами (corps) или отрядами (détachements), — предки наших, еще и в настоящее время несправедливо пользующихся таким признанием, боковых отрядов, — подвергались, несмотря на исключительно богатое оснащение их легкой кавалерией, весьма большим опасностям. Это объясняется тем, что при их относительно большом удалении от армии и при длительном сроке их пребывания в отделе они очень легко могли быть внезапно атакованы и раздавлены превосходными силами противника. Когда Фридрих II в 1768 г. в своем «Военном завещании» излагает свои мысли о предстоящем ведении войны против Австрии, он, прежде всего, поясняет, что надо определенно считаться с тем, что австрийцы всегда будут обнаружены на очень сильных пози-

циях и что он не станет пытаться там их атаковать и побороть. Напротив, он хочет так же хорошо выбрать и обеспечить свой собственный лагерь: «Я укрепил бы его со всей тщательностью и все мои помыслы обратил на то, чтобы *основательно разбить выделенные неприятелем отряды*. Ибо, если вы уничтожаете один из выделенных корпусов, вы вносите замешательство во всю неприятельскую армию, потому что гораздо легче раздавить 15 000 человек, чем разбить 80 000, и, хотя вы меньше рискуете, добиваетесь вы почти того же. Умножать мелкие успехи — значит постепенно накоплять богатство. Со временем становишься богатым, и неизвестно, каким образом».

Вероятно, именно опасность, всегда угрожавшая боковым отрядам, заставила герцога фон-Броглие уже во время Семилетней войны перейти к тактико-стратегическому расположению сил, которое также несло в себе зародыш большого прогресса. Он перестал располагать всю свою армию на одной боевой позиции, но нижестоящим звеньям армии, которые до этого имели довольно мало значения, — дивизиям, — стал назначать отдельные места для лагерного расположения и при этом размещал их, примерно, на таком же пространстве по фронту, каким раньше обычно располагала армия вместе с обоими выделенными ею корпусами или отрядами и какое фактически должно было быть занято или надежно подчинено, если необходимо было защитить от неприятельского воздействия линии сообщений, ведущие к хлебопекарне и к магазину.

При такой системе расположения, естественно, было крайне важно, чтобы отдельная дивизия в случае нападения противника либо была в состоянии выдерживать бой на сильной позиции до тех пор, пока не подоспеют на помощь достаточные силы, либо сумела своевременно — и, в случае необходимости, с боем — отойти на главное направление армии. Распоряжения всегда должны были отдаваться таким образом, чтобы оставалось обеспеченным объединение всей армии для сражения и чтобы рост протяжения фронта не приводил к тому дроблению армии на большое число отдельных «постов» (Posten), которое известно и осуждено под именем кордонной системы. Гибер подробно разбирал эти условия, особенно настоятельно предостерегал от длительного характера, которым отличалось до этого выделение отрядов из состава армии, и требовал, чтобы протяжение армии всегда сообразовалось с обстоятельствами и, следовательно, подвергалось постоянному изменению. Но перед

сражением необходимо всегда тесно сосредоточиться, ибо при обороне надо с самого начала рассчитывать на то, чтобы своим крылом ударить во фланг противнику, который будет двигаться на наш центр. Гибер держится того мнения, что природа выдающегося полководца должна проявиться и проявится как раз в области соединения разделенных до этого дивизий.

Другой выдающийся современник, Бурсе (Bourcet), написавший сочинение о принципах горной войны, особенно тщательно вникает в вопрос об определяемых природой вещей границах растяжения и приходит к выводу, что *правильным мерилом является расстояние суточного перехода между центром и флангами*[1].

Если учесть, наконец, настоятельное требование Гибера, что *надо меньше зависеть от своих магазинов и больше черпать из местных средств, что война сама должна питать войну*[2], то мы получаем соединение всех тех элементов, из которых Бонапарт фактически создал свой метод ведения войны.

Первое произведение Гибера «Essai général de tactique», относительно которого твердо известно, что Наполеон знал и ценил его, содержит совершенно изумительное предвидение будущего. Автор с воодушевлением говорит о перевесе, который легкоподвижная армия получит при наступлении на современную армию, расположенную на позициях. Он показывает, что слишком сильные участки фронта надо не атаковать, а обходить, что во время самого сражения можно еще долго вводить противника в заблуждение относительно пункта атаки и этим обеспечить воздействие своей собственной находчивости, что подвижность является самым большим залогом успеха, что *новой* формой ведения

[1] Сочинение Бурсе не было напечатано, Колен познакомился с ним тоже только в рукописи. Однако, таких рукописных копий и извлечений было, повидимому, много, так как Бурсе в течение пяти лет был руководителем своего рода школы генерального штаба. Колен заверяет, что Дю-Тейль должен был знать сочинения Бурсе, и одно место, где Дю-Тейль говорит о прекрасном сочинении, посвященном горной войне, «опубликование которого в такой же мере необходимо, как и полезно, и которое в высшей степени содействовало бы обучению военного сословия», повидимому, имеет в виду Бурсе (см. немецкий перевод, стр. 140). Еще определеннее, называя имя, высказывается Гибер (II, 243), указывающий, что опубликование сочинения Бурсе о горной войне крайне желательно. Поэтому Колен, безусловно с полным основанием, предполагает, что это сочинение должно было быть известно и Бонапарту.

[2] Гибер, Военные произведения (Guibert, Oeuvres militaires), II, 259 и 287—300.

войны можно застигнуть противников врасплох и ошеломить их[1]. Он представляет себе такое ведение войны, при котором весь народ, полный сил, обновленных в результате улучшения государственных органов, идет за своим правительством и самоотверженно борется за достижение больших целей. Восхищаясь величием Фридриха II, он с нескрываемым пренебрежением высказывается относительно армии, которая составляется из наемников, бродят и чужеземцев и по этой причине не может обладать никакой внутренней силой. Еще задолго до смерти Фридриха Гибер заявил, что Пруссия, вероятно, снова должна будет лишиться того положения, которое она тогда заняла, и ей придется, повидимому, дорого заплатить за несколько лет славы[2].

И не только в этом отношении Гибер показал себя человеком, глядящим далеко вперед. Разбирая в своем втором военном произведении различие между теорией и практикой, он охраняет вечную справедливость науки и, тем не менее, признает, что и высшее теоретическое знание отнюдь не обеспечивает еще надежности практических успехов. Далее он пишет: «Возвысится человек, который до этого скрывался, может быть, в массе и в темноте, — человек, который не составит себе имени словами или сочинениями, но будет размышлять в тишине; человек, который, быть может, не будет знать о своем таланте и ощутит его только в действии и который очень мало будет учиться. Этот человек овладеет мнениями, обстоятельствами, счастьем и великому теоретику он скажет так, как сказал перед афинянами архитектор-практик, обращаясь к архитектору на ораторской трибуне: «То, что мой соперник предложил вам, я осуществлю»[3]. Как полагает Колен в своем труде о военном воспитании Наполеона, это было действительно пророчество о военном божестве, пришествия которого ждали, и если Бонапарт тоже читал эти строки, то они должны были произвести на него глубочайшее впечатление.

Бонапарт воспитывался на поучениях Гибера, Дю-Тейля и Бурсе; однако, с первого же своего выступления в качестве полководца он добавил к этому нечто исключительно ражное, а именно — стремление оттеснить внезапно атако-

[1] Гибер, Военные произведения (Guibert, Oeuvres militaires), II, 251—254.

[2] Там же, I, 91.

[3] Там же, IV, 74. Как любезно сообщил мне профессор Виламовиц, анекдот о двух архитекторах можно найти в сочинении Плутарха «Советы о политической жизни».

ванную часть армии от того направления ее отхода, которое ведет ее к соединению с другими частями армии. Само собой понятно, это не является чем-либо новым и неслыханным в области военного искусства. Преграждение неприятельского отступления гораздо правильнее отнести к принципам военного искусства, испытанным с древнейших времен. Здесь необходимо только подчеркнуть, что многократность и постоянство в применении этого принципа принадлежали к особым признакам необычайно смелого и отважного полководца. Это пристрастие к преграждению неприятельского отступления весьма отчетливо проявилось уже во время его походов 1796/97 и 1800 гг.; однако, в самом крупном масштабе с невиданными до этого войсковыми массами, с силой и быстротой, вдвойне удивительными именно для таких масс, это стремление Наполеона сказалось в кампании 1805 г.

И вот, в то время как Наполеон после своих первых решающих ударов в этом блестящем походе спускается вниз по Дунаю, чтобы водрузить своих орлов над неприятельской столицей, из рядов его армии выходит писатель, который исходным пунктом новой теории войны делает мысль, только что постигнутую в процессе ее осуществления.

III. ЖОМИНИ

Фронт против фланга.— Стратегический четырехугольник.— Внутренние и внешние операционные линии.— Успехи Наполеона на внутренней линии.— Нелюбовь Наполеона к внешним линиям.— Наполеоновские построения для атаки.— Новая организация вооруженных сил.— Походные движения.— Границы операции по внутренней линии.— Осенняя кампания 1813 г.— Односторонность Жомини.

«Трактат о большой тактике, или извлеченное из Темпельгофа описание Семилетней войны, комментированное и сопоставленное с операциями последних войн, с приложением очерка важнейших принципов военного искусства» («Traité de grande tactique ou relation de la guerre de sept ans, extraite de Tempelhoff, commentée et comparée aux opérations des dernières guerres, avec un recueil de maximes les plus importantes de l'art militaire») — таково было название этого нового произведения [1], выпущенного в Париже осенью 1805 г. 26-летним майором Жомини из штаба маршала Нея; экземпляр этого произведения он передал также своему императору и полководцу. Когда последний во время мирных переговоров после сражения при Аустерлице приказал, чтобы ему прочитали отрывки из сочинения Жомини, он произнес следующие слова: «А еще говорят, что время не идет вперед. Молодой командир батальона, и к тому же швейцарец, учит нас таким вещам, о которых мне никогда не говорили мои профессора и которые понимают лишь немногие из генералов. Как мог Фуше разрешить напечатать такую книгу! Ведь это значит — сделать известной врагам всю мою систему ведения войны!» А примерно через тринадцать лет после этого на острове Св. Елены многоопытный полководец называет эту книгу единственной в своем

[1] Во втором издании название было изменено следующим образом: «Трактат о больших военных операциях...» («Traité des grandes opérations militaires...») и т. д.

роде и настаивает на том, что она была ему еще неизвестна, когда он организовал и выиграл кампанию 1805 г.[1].

Более убедительных свидетельств о значении книги Жомини, конечно, не придумаешь. Молодой автор тотчас же полностью распознал творца нового метода ведения войны на основании первых же его достижений и так изложил его принципы действия, что они дополняли друг друга и могли служить руководящей линией действия и для других.

Подобно Бюлову, которого он знает и ценит, но в то же время в некоторых пунктах энергично оспаривает, Жомини хочет, чтобы его книга рассматривалась как *учение*, которое охватывает организацию и ведение войны в основных чертах. Однако, его учение не имеет ничего общего с мягкосердечным искусством угрожающего маневра, оно со всей категоричностью основывается на применении силы.

Первый принцип Жомини заключается в том, что полководец, если только это позволяют размеры имеющихся в его распоряжении сил, должен действовать наступательно и длительно сохранять за собой инициативу, которая заставляет противника подчиняться закону этих действий. Разгром неприятельской армии в сражении и преследовании сделался для Жомини единственной путеводной звездой всякого военного мышления, и его рассуждения направлены в первую очередь на то, каким образом следует вводить в дело и как надо двигать вооруженные силы, чтобы достигнуть этой большой цели с наибольшим успехом. Жомини тоже хочет дать своим войсковым массам направление на неприятельскую коммуникационную линию, но отнюдь не для того, чтобы угрожать и при случае препятствовать неприятельским продовольственным обозам, но по бесконечно более действительной причине: естественно, что неприятельская коммуникационная линия, как правило, является в то же время линией, которой противник располагает для своего отступления, а потому Жомини намеревается отрезать путь отступления противнику, которого надо разбить, и тем самым полностью его уничтожить, т. е. захватить в плен или совершенно расстроить.

Жомини неоднократно высказывал мысль, что основной принцип военного искусства заключается в том, чтобы перенести в условия стратегической обстановки образцовый

[1] По поводу первого высказывания ср. Лекомт, «Генерал Жомини» (Lecomte, Le général Jomini), стр. 29; относительно второго — ср. «Мысли и воспоминания Наполеона», по Гурго («Napoleons Gedanken und Erinnerungen», nach Gourgaud), стр. 256.

фланговый удар Фридриха II в сражении при Лейтене. Еще в своем последнем теоретическом сочинении, которое появилось в 1837 г. под названием «Очерки военного искусства» («Précis de l'art de la guerre») и в 1855 г. вышло последним изданием, Жомини возвращается к этой мысли и называет ее ключом к науке войны[1]. Это означает, что стратегически наступающий должен, *не подвергая опасности свою коммуникационную линию*, таким образом вести все свои вооруженные силы против одного фланга противника — под углом к этому флангу, чтобы охватить этот фланг и, одерживая победу, оттеснить всю неприятельскую армию от ее линии снабжения и отступления. Если же противник при своем стратегическом расположении, т. е. при распределении своих вооруженных сил, сильно растянется на всем театре войны, то уместнее будет другой образ действий. Тогда наступление должно быть направлено в центр неприятельского расположения, чтобы отделить друг от друга различные его части и бить их порознь. Однако, Жомини с полной категоричностью отметает стремление охватить противника с обоих флангов отдельными частями армии; это было бы осуществимо только в том случае, если бы можно было располагать совершенно необычным численным превосходством и если бы, тем самым, каждая из наших отдельно действующих частей армии была обеспечена от неуспеха. Относительно упомянутого выше требования — при обычном охвате не подвергать опасности свою коммуникационную линию и, следовательно, сохранять ее прямо позади себя — я должен сейчас заметить, что это требование действительно осуществимо лишь в том случае, если ведущий стратегическое наступление располагает *на театре войны охватывающей противника базой*. Где этого нет, там редко удается избежать временной угрозы собственной коммуникационной линии или даже потери ее. Поэтому осторожный полководец своевременно примет меры к тому, чтобы быть в состоянии как можно скорее и как можно лучше создать новую коммуникационную линию, по которой он в случае необходимости *должен будет* отступить. В результате такой перемены коммуникационной линии сможет быть тогда в некоторой степени обеспечен подвоз боеприпасов и жизненных средств, подход людских пополнений и т. д.; однако, этим не устраняется главная опас-

[1] Жомини, Очерки военного искусства (Jomini, Précis de l'art de la guerre), I, 16.

ность, которая заключается в потере ближайшего пути для отступления.

Что же касается техники организации стратегического движения, то Жомини хочет вести армию вперед в такой мере тесно сосредоточенной по фронту и в такой мере расчлененной в глубину, чтобы в самый короткий срок, т. е. в один, максимум два дня, она могла быть готова к сражению не только в направлении своего марша, но и в сторону флангов. Самая удобная форма построения для движения — это четырехугольник, стороны которого приблизительно равны,— стратегическое карре[1] или то, что Наполеон в октябре 1806 г. назвал «батальонным карре из 200 000 человек». Если главная масса армии разделена на центр и два крыла, которые двигаются параллельно по нескольким дорогам с интервалами между ними не свыше дневного перехода, и если каждая из этих составных частей армии в свою очередь распадается на две или три крупные составные части — армейские корпуса или дивизии, которые следуют друг за другом на дистанции не свыше дневного перехода, — то такая форма построения отвечает указанным выше требованиям и представляет собой, в известной мере, нормальный стратегический порядок, из которого переходят к сражению путем сосредоточения к одной определенной части армии или путем *развертывания*. Я изобразил здесь этот порядок схематически (схема 2). Мысленно нужно добавить перед фронтом армии или единый армейский авангард или — и этой организации Жомини отдает предпочтение — несколько отдельных авангардов, выделяемых головными корпусами (дивизиями), в обоих случаях с сильной конницей. Следует отметить далее, что если количество органических частей армии — армейских корпусов или дивизий — становится меньше, то, по убеждению Жомини, соединения, следующие во второй линии, прежде всего должны быть поставлены за центром, чтобы при всех обстоятельствах надежно соответствовать своему назначению в каче-

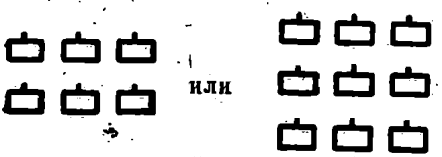

Схема 2

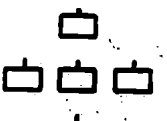

Схема 3

[1] Le carré strategique («Очерки...», гл. III, § 20).

ство резерва. Поэтому, если считается необходимым армейский авангард и если количество соединений меньше, стратегическое карре может принять и следующий вид (схема 3), также соответствующий основному требованию — одинаковой возможности использовать его и фронтально и в сторону флангов.

Далее Жомини со всей определенностью подчеркивает, что дело заключается не только в том, чтобы привести войсковые массы в решающий пункт; необходимо также уметь искусно наносить удары. С хорошими войсками наступление — лучший вид боя. Однако, можно достигнуть успеха также при оборонительном образе действий, дожидаясь противника на подготовленном поле сражения, чтобы затем в подходящий момент перейти в контрнаступление. Менее всего Жомини рекомендует чистую оборону, которая в продолжение длительного времени пользовалась большим почетом.

Основные принципы Жомини завершаются резким подчеркиванием значения преследования и указанием на то, что настоящая сила своих и неприятельских войск заключается в моральном элементе, почему и необходимо поднимать моральное состояние у себя и разрушать его у противника [1].

В эпоху опубликования трудов Жомини это ядро и основное содержание его учения целиком и полностью заслуживало того одобрения, которое великий полководец выразил его первому наброску. К сожалению, однако, оно облечено в такую оболочку, которая в высшей степени вредит ему. Очевидно, научно-математический характер бюловского стратегического сочинения так ослепляюще подействовал на Жомини, что и он счел необходимым придать своим рассуждениям подобный же вид, причем это ему не удалось. У Жомини отнюдь нет математических задатков, и поэтому его склонность пользоваться математическими способами выражения ведет к все более и более возрастающим неясностям. Бюлов назвал свою систему, исходя из понятия базы; Жомини хочет, чтобы его систему называли системой *операционных линий*. Само по себе это название имеет очень хороший смысл; в нем отчетливо выражено, насколько в новейшие времена движение стало решающим фактором в области стратегии. Собственно говоря, нет

[1] Выпуклое изложение своих основных принципов Жомини дает в IV томе 2-го издания труда «Трактат о больших военных операциях», гл. 35.

надобности объяснять, что такое операционная линия; это — то *направление*, в котором двигаются соединенные силы армии. Само собой понятно, конечно, что движение при этом не должно ограничиваться одной единственной дорогой, а можно использовать несколько соседних дорог, идущих приблизительно в том же направлении. Но если Жомини неоднократно употребляет выражение «операционная линия» применительно к обширным пространствам театра войны и если он отчетливо разъясняет, что операционная линия обладает поверхностью, то такой ненаучный способ выражения является, конечно, большой помехой. Случаев подобного применения этого понятия у Жомини очень много: например, различение территориальных и маневренных линий, противопоставление двух линий и двойной линии, введение понятия глубоких линий и случайных линий (lignes accidentelles), «открыть которые может только всеобъемлющий и деятельный гений», или, например, различение оперативных и стратегических фронтов, затем включение линии течения реки в категорию «стратегических пунктов», применение понятия «расходящиеся пункты» и т. п. Тот способ, каким Жомини при помощи фигур поясняет свои соображения относительно наступательных боевых порядков, также весьма далек от того, чтобы представлять собой действительную поучительность [1].

Я отнюдь не вникаю здесь в большое количество технических выражений всякого рода, которыми Жомини разукрасил свою систему операционных линий: я ограничиваюсь формулировкой и разъяснением одного различия, которое всегда будет связываться с его именем и которым он, несомненно, оказал науке такую же большую услугу, как Бюлов введением понятия базы. Но и при этом я передаю только смысл объяснения Жомини, но не придерживаюсь его дословно, так как оно вовсе не отличается ясностью и остротой мысли. Речь идет о различии между внутренними и внешними операционными линиями.

Вспомним выставляемый Жомини принцип, что при очень большом растяжении неприятельского стратегического фронта, другими словами, при разделении неприятельских вооруженных сил на несколько более или менее самостоятельных армейских групп, собственную операцию лучше всего направить против центра неприятельского расположе-

[1] О разделении операционных линий — см. в 4-й гл. III тома «Трактата...» или § 21 «Очерков...», изд. 1855 г. О боевых порядках.— см. § 31 «Очерков...», изд. 1855 г.

ния, чтобы прорвать его, окончательно отделить друг от друга различные части неприятельских сил и затем разбить их каждую в отдельности (en détail). Если представить себе, что в подобном случае части неприятельской армии или отдельные армии не стоят неподвижно на одном месте, но также продвигаются вперед, то графически это можно изобразить следующей простейшей схемой (схема 4). Это означает, что на одной стороне одна тесно сомкнутая армия, двигающаяся по *одной* операционной линии, вклинивается во внутреннее пространство между обеими неприятельскими операционными линиями; на другой стороне две отдельные армии двигаются вперед таким образом, что направления их движения охватывают направление движения противника с внешних сторон. Следовательно, армия, наступающая соединенными силами, двигается по внутренней операционной линии, а наступающая разделенными силами избрала внешние операционные линии. Конечно, эти последние, соответственно природе вещей, надо представлять себе концентрическими, по меньшей мере с того момента, как обнаружено продвижение соединенных сил противника и когда дело идет об объединении всех сил на поле сражения. Но сейчас же нужно учесть, что на театрах войны главные направления для движения всегда обусловливаются линиями дорог, которые никогда не бывают вполне прямыми линиями.

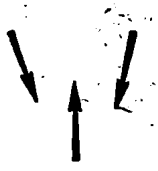

Схема 4

В приведенном выше простом примере выражение «внутренняя операционная линия» надо применять обязательно в единственном числе, так как оно должно обозначать сомкнутое продвижение единой армейской массы в промежуток между раздельно двигающимися частями неприятельской армии. Однако, во время следующих за этим решающих боевых столкновений, как правило, должно происходить перебрасывание продвинувшейся вперед нерасчлененной армии с одной стороны на другую; это означает, что противник, оперирующий по внутренней линии, должен теперь продвигаться попеременно в двух расходящихся направлениях и, при соответствующих условиях, небольшая часть армии должна быть использована на одном из направлений в качестве прикрытия в то время, пока главная масса наносит удар в другом направлении. Если при рассмотрении этого вопроса отдавать предпочтение этому периоду эксцентрического нанесения ударов по двум направлениям, то

это, конечно, близко к тому, чтобы говорить о нескольких внутренних линиях, на которых может быть достигнуто решение. Графическое изображение этого примет тогда следующий вид (схема 5), являющийся развитием приведенной выше схемы.

Жомини не довольствуется тем, что он научно освещает различие между внутренними и внешними операционными линиями; он в то же время горячо и искусно защищает положение, что внутренней линии присуще почти безусловное преимущество над внешними линиями, которое может быть поставлено под вопрос только в случае совершенно ошибочных действий вооруженных сил обеих сторон.

И прежде всего военная деятельность Наполеона I должна быть охарактеризована как почти непрерывная цепь успехов при использовании внутренней линии. Существующая во все времена и при всех обстоятельствах потребность прикрыть собственную территорию от предпринимаемых противником военных действий привела полководческое искусство старой монархии к тому, чтобы, как правило, придавать стратегическому развертыванию своих сил очень большое растяжение по фронту. Поэтому наполеоновский принцип—«бросаться вперед массой» (как он сам его формулировал) — обыкновенно находил свое лучшее применение в таком образе действий, при котором целью удара избирался центр неприятельского расположения. В ту эпоху, когда служба связи во время операций основывалась еще исключительно на выносливости лошади, можно было, конечно, спокойно рассчитывать на то, что находящиеся на значительном удалении друг от друга части армии или отдельные армии противника не в состоянии осуществлять достаточно хорошо согласованные действия. Сообщения и приказы, адресованные одной частью армии другой, в ту эпоху не могли прибывать достаточно своевременно, чтобы приниматься в расчет при постоянно изменяющейся обстановке войны. Наполеон сам говорил после окончания своей полководческой карьеры: «*Действовать в удаленных друг от друга направлениях без связи между ними — это ошибка, которая обычно заставляет совершать и вторую ошибку. Выделенная колонна получает приказы только на первый день; ее операции на второй день зависят от того, что произошло в главной колонне; следовательно, выделенная*

Схема 5

колонна или теряет время или действует за свой страх и риск». В другом месте Наполеон говорит: «*Основное положение: все колонны одной армии надо держать в такой мере сосредоточенными, чтобы противник не мог вклиниться между ними*».

Как только Наполеону удавалось вклиниться между двумя частями неприятельской армии или двумя отдельными армиями, их судьба обычно бывала решена. Одного противника он вводил в заблуждение более слабой, но решительно действующей частью своей армии, а сосредоточенной массой с такой силой обрушивался на другого противника, что тот был не в состоянии оказывать сопротивление. После того как этот противник оказывался разбитым, Наполеон обращался против того неприятеля, который до этого был только отвлекаем. Так начал действовать Наполеон в 1796 г., по таким же принципам он действовал еще и в 1815 г., и среди многочисленных его походов имеется всего лишь несколько случаев — 1800 г., 1806 г., 1807 г., весна 1813 г., когда план кампании можно рассматривать как «стратегический Лейтен» в том смысле, который придавал этому Жомини, т. е. как обход одного неприятельского фланга своими соединенными силами. Самым убедительным примером этого служит кампания 1806 г.[1]. Однако, замечательный план кампании 1805 г., который иногда тоже причисляют сюда, должен быть назван, с учетом приближавшихся русских, операцией для выигрыша внутренней линии. На *двойной* охват, на использование

[1] 15 сентября 1806 г. Жомини представил своему корпусному командиру маршалу Нею свое сочинение о целесообразном, по его мнению, способе ведения предстоящей войны; в этом сочинении он рекомендует продвижение соединенными силами из Франции в направлении на Гера — Лейпциг, т. е. операцию, которая затем была осуществлена. При этом Жомини рассматривает ее как операцию по внутренней линии, так как он с самого начала ожидает нападения русских. Во всяком случае, император был об этом лучше осведомлен, а потому приведенная выше характеристика кампании 1806 г. представляется мне правильной.

Несомненно, что сочинение Жомини является повторным свидетельством того, что он понимал своего полководца; часто, однако, это сочинение восхвалялось больше, чем оно того заслуживает. Жомини знал расположение французской армии на ее южногерманских квартирах и 15 сентября, безусловно, держал уже в руках первые указания относительно предстоящего движения, по меньшей мере, одного армейского корпуса, из которых он мог сделать вывод о намерениях императора (ср. *Леконт*, «Жомини», стр. 33 и сл. и «Корреспонденция Наполеона» («Correspondance de Napoléon»), 1806 г., письмо к Бертье от 5 сентября).

внешних линий Наполеон идет только в тех случаях, когда он с известной свободой может взять в свои собственные руки создание обстановки; с самого начала он *никогда* не идет на это, потому что он, совершенно так же как Жомини, считает ложным такой принцип действий. Если в ходе операции 1805 г. он действовал против Мака концентрически, то это произошло потому, что выгодность сложившейся обстановки позволяла уже рассчитывать на пленение его ближайшего и значительно более слабого противника. И если в отдельных случаях с ним и происходило нечто подобное, — например, при Прейсиш-Эйлау, при Ландсгут — Эгмюль и при Бауцене, — то он использовал случайно сложившуюся обстановку как раз таким образом, при котором можно было быстрее всего и самым действительным способом применить имеющиеся силы; Наполеон был, само собой разумеется, слишком большим реалистом и отнюдь не рабом определенной формы, чтобы ради нее упустить вполне достижимый успех.

В задачу настоящей работы не входит доказывать правильность такого взгляда обстоятельным разбором целого ряда примеров. С этой целью я могу просто сослаться на Йорка фон-Вартенбурга (York von Wartenburg), вся книга которого под названием «Наполеон как полководец» («Napoleon als Feldherr») посвящена доказательству того, что именно это являлось точкой зрения и постоянно также и практикой его героя. Свидетельство Йорка особенно убедительно, так как он очень хорошо знает, что со времени великого корсиканца в военной области весьма многое изменилось, и так как он, конечно, не без колебаний и раздумий пришел к тому, чтобы вновь и вновь подчеркивать внутреннее преимущество наполеоновского учения, а следовательно, и учения Жомини.

До сих пор я употреблял понятие *прорыва центра* только в стратегическом смысле, понимая под этим армейскую операцию, которая вклинивается в середину между двумя неприятельскими армейскими группами, чтобы затем попеременно наносить удары в обе стороны. Но я должен здесь сейчас же отметить, какое тесное родство существует между непосредственно тактическим, клинообразным внедрением в середину неприятельского боевого порядка и природой операции по внутренней линии. Если центральная масса бросается то туда, то сюда между несколькими противниками, то главным условием успеха является *быстрота*, ибо, когда разделенным противникам предоставляется время

для плодотворного сговора, они, в конце концов, добиваются согласованных действий. Если же необходимо в короткий срок достигнуть победы в сражении, то во многих случаях фронтальная атака против центра неприятельской боевой линии должна явиться особенно подходящим средством уже по одному тому, что фланги хорошо примкнуты или значительно усилены полевыми укреплениями. Но тактический прорыв неприятельского центра всегда обеспечивает и непосредственный боевой успех, он производит сильное впечатление на армию противника и длительно препятствует восстановлению порядка в его рядах. Следовательно, такой прорыв позволяет победителю ограничиться выделением сравнительно слабого отряда для преследования и как можно большую часть своих сил направить туда, где находится еще не побежденный противник. Неоспоримое *предпочтение*, которое Наполеон оказывал тактическому прорыву центра, является, таким образом, правильным следствием его стратегических взглядов и полностью ими объясняется. С этой целью он создавал построения, которые в настоящее время, после мощного усовершенствования огнестрельного оружия, кажутся нам прямо-таки чудовищными, но в то время были все же возможны, хотя тактик отнюдь не может считать их идеальным выражением мысли, присущей операциям Наполеона. Дивизию, представляющую собой массу из 8—10 батальонных линий, по 3 шеренги в каждой, тесно сомкнутых в затылок друг другу, можно сравнивать только с древнегреческой фалангой; такое построение даже превосходит фалангу по глубине и полностью соответствует ей по тяжеловесности. В четырех таких массивных построениях корпус Эрлона наступал в день Ватерлоо против английских линий. Но это еще отнюдь не было сильнейшим выражением идеи прорыва в боевой практике Наполеона, ибо промежутки между четырьмя колоннами были так велики, что каждую дивизию можно было бы развернуть также в две стоящие рядом бригады. В день Ваграма, где австрийцы частично и сами двигались ему навстречу, построившись в батальонные колонны, император приказал соединить 5 пехотных дивизий (56 батальонов) в 3 массированные группы, расположенные *близко одна за другой*, с фронтом, равным двойному батальонному фронту, чтобы могучим ударом этой фаланги глубиною в 80—100 шеренг пробить брешь в неприятельском боевом порядке. Естественно, что при атаке такой мощной массы огнестрельное оружие пехоты не

играло никакой роли, а 30 000 бойцов могли бы с таким же успехом быть вооружены пиками, как и ружьями.

Для наших рассуждений в настоящее время представляет интерес то, что Жомини включил разнообразнейшие формы тесно сомкнутых построений в позднейшие переработанные издания своего теоретического труда и что еще в издании 1855 г. мы находим эту дивизионную массу из тесно стоящих друг за другом батальонных линий — наиболее сомкнутое построение, в котором вообще может быть выставлено подобное войсковое соединение. Хотя под Ватерлоо это построение разбилось об огонь английских линий и хотя Жомини неоднократно замечает, что Наполеон в своем применении массированного боевого порядка (ordre profond — глубокий порядок) зашел слишком далеко, он все же не решается целиком от него отказаться. Он довольствуется тем, что называет это построение в некоторой степени беспомощным, и отдает предпочтение линии батальонных колонн с *небольшими* интервалами.

Только в одном добавлении, которое было написано после сражения на р. Альме, Жомини приходит к выводу, что построение, состоящее из особенно больших и глубоких колонн, теперь, при наличии нарезного ружья (заряжающегося с дула), сделалось совершенно невозможным. Все же и здесь он еще раз подчеркивает главный принцип всего своего учения: *все зависит от того, чтобы в подходящий момент бросить в решающий пункт поля сражения массу своих войск.* Таким образом, Жомини еще не подумал о том, что в результате растущей действительности огня прорыв центра может быть когда-либо поставлен под вопрос.

Выше уже отмечалось, что *быстрота* должна быть особым отличительным признаком операции по внутренней линии.

Французская армия наполеоновской эпохи отвечала этому требованию, прежде всего, в том отношении, что она совершенно упразднила палатки и палаточные повозки и ограничила минимумом офицерский багаж. Войска или использовали встречающиеся населенные пункты или располагались под открытым небом. Затем, все продовольственное снабжение было организовано более простым образом. В XVIII столетии центр тяжести продовольственного снабжения лежал в строго регулярной доставке положенной порции хорошего, т. е., прежде всего, не слишком черствого,

хлеба, и эта обязательность регулярной доставки хлеба являлась в полном смысле слова *первой задачей командования*. Это было важно для того, чтобы, в результате плохого соблюдения полководцем контракта, завербованный солдат не приобрел известного права на уход из рядов армии. Все остальные жизненные потребности солдаты должны были удовлетворять из своего денежного содержания, причем они обычно имели возможность приобретать необходимое на рынках внутри лагерей, где горожане и крестьяне из окрестных местностей могли выставлять на продажу свои товары.

Вместе с революцией появилось правило — брать жизненные средства там, где их находили, и в том виде, как их находили. При расположении на постой хозяин квартиры обязан был в случае необходимости помочь солдатской артели; при бивачном расположении доставали то, что необходимо, из ближайших населенных пунктов, и если солдаты не находили ничего другого, кроме живого скота, то из мяса, из носимых в ранце сухарей и риса они могли приготовить себе достаточную еду. Конечно, при таком порядке избыток пищи должен был чередоваться с умеренным питанием; однако, пока приходилось быстро передвигаться из одной местности в другую, в густо населенных областях Средней и Западной Европы только в редких случаях могло дойти до того, что угроза голода вынудила бы к другим продовольственным мероприятиям. На такие случаи крупные войсковые соединения возили с собой, в виде обозных колонн и гуртов убойного скота, продовольственный резерв; однако, размеры этого обоза отнюдь не шли в сравнение с тем огромным количеством повозок с хлебом и мукой, которые в предшествующую эпоху принадлежали к безусловно необходимому аппарату каждой армии.

Артиллерией армии оснащались не намного сильнее, чем в указанный период; в отношении комплектов огнеприпасов для орудий и ружей тоже придерживались ещё, в общем, прежних норм. Однако, как только на первый план выступил принцип быстрых передвижений, имущество армии в целом стало легче.

Для облегченного движения особенно большое значение имела совершенно изменившаяся организация армии. «Великая армия» французского императора разделялась на ряд самостоятельных армейских корпусов, — как правило, не меньше восьми, — и армейский кавалерийский резерв. Каж-

дый армейский корпус состоял из нескольких пехотных дивизий (2—5), кавалерийской бригады и артиллерийского резерва. Армейский кавалерийский резерв разделялся сначала только на дивизии; позднее, когда численность его все более увеличивалась, — на кавалерийские корпуса. Постоянное разделение на корпуса и дивизии с повышенной самостоятельностью облегчило отдачу приказов верховным командованием и сделало возможным такое расширение фронта при передвижениях войск, при котором они могли обеспечить свое довольствие, причем верховное командование не выпускало их из своих рук. *Надо рассредоточиваться, чтобы существовать, и вновь сосредоточиваться, чтобы бить противника,* — такова основная крупная идея новой ветви военной науки, которую Жомини назвал «логистикой» (logistique) [1] и которая не только заменяет устаревшую «castramétation», но охватывает в то же время и целесообразную организацию походных движений. Тщательно подобранный генеральный штаб становится постоянной организацией и вырабатывает новую технику передвижений армии [1].

Заслуживает внимания, что в блестящую наполеоновскую эпоху марши крупных войсковых масс представляли собой нечто среднее между передвижениями армий эпохи линейной тактики и нынешней практикой в этой области. В то время, конечно, уже очень далеко ушли от характерной для XVIII столетия робкой точки зрения, представители которой считали опасным каждое, хотя бы и временное, нарушение своего боевого порядка и готовы были скорее допустить движение различных эшелонов и фланговых колонн вне всяких дорог по так называемым колонным путям, чем разрешить им не придерживаться постоянно правильных дистанций или удлинить маршевую глубину отдельной войсковой части настолько, чтобы она превысила ширину фронта этой части. Армия Фридриха II осуществляла свой подход к полю сражения, зачастую на расстоянии многих миль, единой войсковой массой, которая

[1] Жомини выводит слово «логистика» из деятельности главного квартирмейстера (major-général des logis) при отводе лагерных стоянок для войск; однако, это слово — греческого происхождения и означает оно просто искусство расчета. Как известно, расчеты играют большую роль в работах генерального штаба при организации маршей, лагерей, квартирного расположения, при осуществлении мероприятий по продовольственному снабжению и т. п. Логистика — это то, что мы называем «штабной наукой».

должна была всеми своими частями выполнять одновременно одни и те же или хотя бы взаимосвязанные движения и в соответствии с прямым приказом высшего начальника, получаемым и передаваемым дальше промежуточными инстанциями, выступала в поход, останавливалась, совершала захождения или развертывалась и переходила в наступление. Наполеоновская эпоха освободилась от такого схематизма, и одной из важнейших задач новой штабной науки сделалось правильное использование дорожной сети. Вполне осознали также, что при продолжительных маршах такой порядок не только обеспечивает наибольшую быстроту, но и лучше всего сохраняет силы войск, несмотря на все неизбежные обходные движения. Если же приближался момент решающего сражения, когда дело заключалось в том, чтобы бросить преобладающую массу к одному пункту, в котором величайшим напряжением сил должна быть обеспечена победа, тогда вспоминали привычки прежнего времени и подводили войска к полю сражения не только по дорогам, но и по быстро находимым колонным путям. При этом на дорогах, используемых преимущественно для артиллерии и повозок, походные колонны делались настолько широкими, насколько это вообще было возможно; вне дорог наиболее часто применявшимся построением являлась сомкнутая взводная колонна. В этих условиях очень часто возникали серьезные трения и трудности, когда на путях движения оказывались реки, лощины и всякого рода местные препятствия; совершенно ясно, что по этим причинам некоторые марши заканчивались даже полной неудачей. Несомненно, что с тех пор, как был введен этот порядок, напряжение войск во всех случаях бывало исключительно большим, и, несмотря на признаваемые всеми маршевые способности французской пехоты, она часто вынуждена бывала, именно в результате такой организации маршей, нести наиболее серьезные потери. Но если при изучении истории наполеоновских войн мы зачастую поражаемся удивительной быстроте, с которой император перебрасывал крупные войсковые массы из одного пункта в другой, то ключ к объяснению таких явлений надо искать в обрисованном выше порядке движения. И если Жомини в своем последнем труде, разбирая отступательные движения, считает, что при движении корпуса в 30 000 человек по одной дороге следующий корпус может выступить из того же исходного пункта и к той же цели марша уже через два часа после выступления первого, то

мы имеем здесь дело не с фактической ошибкой, как мог бы легко подумать изучающий тактику в наше время: Жомини имел в виду именно те походные порядки, которые охарактеризованы выше. Он совершенно отчетливо поясняет также, что сроки выступления различных частей могут рассчитываться в зависимости от времени, потребного для прохождения их артиллерии[1]. Если не уяснить себе эту особую технику передвижения наполеоновских армий вблизи от противника, то вообще нельзя понять его оперативных приказов.

Но, конечно, и эта удивительная игра необычайно больших требований и с трудом укладывающихся в сознании достижений, в конце концов, натолкнулась на определенные границы. В осенней кампании 1813 г. операция по внутренней линии уже не успела помешать согласованным действиям нескольких неприятельских армий, и принцип попеременных ударов в разных направлениях потерпел полную неудачу. Дело заключалось не в воздействии совершенно необычных и не принимавшихся в расчет случайностей, в доказательство чего весьма часто приводят, например, поражение Вандамма при Кульме. Ибо кто хочет для возвеличения полководческого искусства Наполеона сбросить с его счета эту неудачу и изобразить его операцию так, как она могла бы развиваться при счастливом для Вандамма исходе, тот не имеет права забывать, что непосредственно перед этим Наполеону представился неслыханно счастливый случай, когда он нашел Дрезден еще нетронутым во власти его сравнительно слабого гарнизона. Если бы на стороне союзников было проявлено немного больше полководческого искусства вечером накануне сражения при Дрездене, то император оказался бы в положении, которое можно назвать почти отчаянным; действительно, счастливый выход из этого положения, во всяком случае, мог бы быть найден лишь с большим трудом.

Причина, по которой операция по внутренней линии в осенней кампании 1813 г. совершенно не удалась, заключается в росте армий, в беспомощной тяжеловесности масс, которые должны были с величайшей быстротой перебрасываться то туда, то сюда и которые, несмотря на все искусство наполеоновской маршевой техники, частью не могли

[1] «Очерк...», II, 114, гл. 38. В первом издании Жомини вместо артиллерии употреблял выражение «парки» (parcs). Естественно, что в понятие «артиллерия» надо включать также повозки с боеприпасами и самые необходимые войсковые обозные повозки.

быть приведены туда, где в них была необходимость, а частью изнурили и растратили свои силы в результате невероятно возросших напряжений. Мы имеем в сочинениях Жомини в высшей степени ценное свидетельство того, что дело обстояло действительно так.

Жомини был в это время уже не на французской, а на русской службе. После многих недоразумений, происходивших между ним и Неем, у которого он был длительное время начальником штаба, а также между ним и Бертье, Жомини уже в 1810 г. подавал в отставку, но не получил ее. После новых трений с Бертье в 1813 г. Наполеон резко порицал его и, повидимому, несправедливым образом, наказал; немилости своего повелителя, в таких случаях обычно весьма длительной, он избежал тем, что бежал к русским, т. е. перешел на сторону врага. Осенью, находясь в штабе императора Александра, Жомини принял участие в событиях, и его суждение об этом отходе особенно ценно именно потому, что, обстоятельно зная наполеоновский метод, он был теперь посвящен в руководящие мысли тех, кто одолел великого полководца. В своем труде «Очерки военного искусства»[1] Жомини приурочивает к событиям 1813 г. рассмотрение стратегической проблемы: «теряет ли система центральных масс свои преимущества, когда вводимые в дело вооруженные силы становятся слишком большими...»? Жомини пишет:

«Мне кажется бесспорным, что армия в 100 000 человек, занимающая центральное положение между противостоящими ей тремя отдельными армиями по 30 000—35 000 человек, имеет больше шансов разбить их по очереди каждую в отдельности, чем если бы это должна была сделать масса в 400 000 бойцов, которой предстояло бы победить три армии по 135 000 человек. Основания для такого вывода следующие:

1) Армия в 130 000—140 000 человек легко может противостоять и значительно более сильной армии[2], так как очень трудно найти подходящую местность и время, чтобы добиться согласованных действий такой большой массы в день сражения.

2) Армия в 130 000—140 000 человек, даже если она выбита с поля сражения, все же еще будет насчитывать по меньшей мере 100 000 человек и сможет обеспечить себе

[1] I, 283.

[2] Это значит — может противостоять в течение определенного времени.— *К.*

организованное отступление без особенных потерь, чтобы установить связь с одной из своих соседних армий.

3) Центральная масса в 400 000 человек требует такого огромного количества жизненных средств, огнеприпасов, лошадей и всякого рода материальной части, что в результате она теряет в подвижности и обладает лишь незначительной долей способности переносить свои действия из одной части района операции в другую; и это — совершенно независимо от того, что невозможно извлечь из одной, естественно слишком ограниченной, местности жизненные средства, достаточные для питания такой массы.

4) Наконец, представляется бесспорным, что обе части армии, которые центральная масса должна была бы выставить против внешних операционных линий неприятеля, во всяком случае должны были бы исчисляться в 80 000—90 000 каждая, так как при всех условиях дело шло бы о том, чтобы держать под угрозой 135 000 человек. Если же обсервационные армии будут столь неразумны, что втянутся в серьезные бои и потерпят поражение, тогда печальные последствия этого, безусловно, отодвинут на задний план те успехи, которые тем временем могли одержать главные силы армии».

По праву следовало бы теперь ожидать признания, что ведение операции по внешним линиям вовсе уже не в такой мере неприемлемо, как это изобразил Жомини в своем первом труде, и что дело заключается только в том, чтобы преодолеть невыгоды, которые, естественно, связаны с такой операцией. У союзников в 1813 г. эти невыгоды были преодолены, в основном, тем, что место диспозиции заняла директива. Не делали даже попыток заранее точно регулировать во времени и пространстве передвижения трех армий или управлять ими постоянно из общей главной квартиры при помощи повторных предписаний. Вместо этого устанавливали в основных чертах простую и ясную оперативную идею и в соответствии с этим предоставляли командованию каждой из армий действовать самостоятельно, применительно к обстановке. В трениях, конечно, недостатка не было, и если бы наполеоновская операция по внутренним линиям не страдала от обрисованной выше трудности, какую порождали *чрезмерно большие массы*, то опасности концентрического продвижения легко могли бы быть еще бо́льшими. Тем не менее, преимущество *самостоятельных действий, руководимых единой основной идеей*, исключительно велико; если исследовать вещи вплоть до

самых глубоких их причин, то позволительно будет сказать, что в осенней кампании 1813 г. самостоятельность подчиненных начальников праздновала один из самых больших своих триумфов. Если же взвесить, что к середине XIX столетия к этому добавился электрический телеграф как средство взаимного понимания, то можно было бы, конечно, думать, что теперь Жомини должен был притти к другим выводам, чем за пятьдесят лет до этого. Однако, он продолжает:

«Несмотря на все сомнения и соображения, я, если бы мне когда-нибудь пришлось командовать армией, ни минуты не колебался бы дать ей внутреннее направление во всех тех случаях, для которых я всегда считал это более выгодным. В любом другом случае я дал бы ей направление на один из флангов противника, как это разъяснено выше. Моим противникам я предоставил бы удовольствие действовать по противоположной системе».

Я полагаю, что Жомини рассматривал политическую обстановку 1813 г., гигантскую борьбу народов Европы, направленную к низвержению великого корсиканца, как исключительный случай и считал, что на будущее нет необходимости принимать в расчет массовые армии[1].

---

[1] Я не имел здесь возможности подробнее остановиться на осенней кампании 1813 г., интерес к которой в настоящее время, благодаря прекрасному освещению ее майором Фридрихом (Friedrich), вновь выдвинулся на первый план. Я считаю все же необходимым вкратце повторить то, что я однажды уже высказал в 1902 г. в № 26 журнала «Военный еженедельник» («Mil. Wochenblatt»). По моему убеждению, для Наполеона вовсе не было безусловной необходимостью строить свои операции в этой кампании по внутренней линии; наоборот, для него более богатым перспективами решением задачи было бы, если бы он мог решиться оперировать несколькими действительно самостоятельными армиями на широком фронте, т. е. принять образ действий, который применяли также его противники. Если бы большая половина всей объединенной массы французских войск, расчлененная на две армии, в начале враждебных действий держалась оборонительно за линией Средней Эльбы или Рудных гор, меньшая же половина, в качестве третьей армии, перешла в наступление с линии Гамбург — Магдебург, вклиниваясь прямо во фланг кронпринцу Шведскому, то благоприятное начало кампании было бы, во всяком случае, обеспечено. Совершенно несомненно, что шведы отошли бы тогда на Штральзунд и Рюген; другие соединения Северной армии, вероятно, после тщетной борьбы против значительного превосходства сил, вынуждены были бы отдать Берлин и отойти к Силезской армии, а французские гарнизоны в Штеттине и Кюстрине были бы вновь освобождены. Нелегко разубедить меня в том, что Наполеон в это время с двумя армиями своего правого фланга с успехом мог бы вести активную оборону позади двух сильных

На этом я могу, в общем, закончить мое схематическое изложение стратегии Жомини. Добавлю лишь, что он считает необходимым солидное укрепление базы, что он хотел бы видеть обеспеченными путем временного укрепления этапных пунктов также и те части операционной линии, которые лежат позади армии, наконец, что выделение гарнизонов в неприятельские крепости во время стратегического наступления он считает неизбежным злом, которое следует, насколько возможно, ограничивать. На пристрастие Жомини к наступлению указывалось уже выше, а потому само собою понятно, что стратегическую оборону он хочет вести с наибольшей активностью. На случай отступления в собственной стране он отдает предпочтение отходу в сторону, при котором или противник будет отвлечен от самого опасного направления или будет создана угроза его флангу.

Сочинения Жомини содержат—больше, впрочем, в тактической области — много и других весьма ценных высказываний; при его большом военном опыте иного ожидать, конечно, было бы нельзя. Но я все же не могу понять той высокой похвалы, которая расточалась ему еще совсем недавно одним особенно одаренным человеком из немецких кругов. Восхищение Йорка фон-Вартенбурга Наполеоном заставило его закрыть глаза на многие неясности и пустые фразы в трудах наполеоновского научного апостола. Толкование Жомини военной истории должно быть названо почти наивным. Он требует от Фридриха II, чтобы тот в начале Семилетней войны соединил все свои силы в Силезии и затем в четырнадцать дней дошел до Вены, вовсе не заботясь ни об Ольмюце и Брюнне, ни о чем-либо ином. Жомини нехватает, следовательно, настоящего исторического сознания, понимания условий того времени, с которыми Фридрих II, безусловно, вынужден был считаться; несмотря на то, что начало военной карьеры Жомини совпадает с периодом крупных изменений в области военного дела, он совершенно не имеет ясного представления о размерах того различия, которое отделяет военную организацию Прусского королевства 1776 г. от военной организации Французской империи в 1805 г. В извест-

участков фронта. И тогда наступил бы момент, когда усиленной средней армией он должен был бы устремиться вперед через Эльбу, чтобы установить соприкосновение с левофланговой армией и искать решения на том направлении, где находился активный противник — Блюхер — и где проходили в то же время коммуникации русских.

ной мере то же самое присуще и Наполеону, который, можно сказать, почти вовсе не занимался действительным изучением военной истории в нашем теперешнем смысле, а потому его суждения о прошлом бывали далеко не всегда правильными, хотя, конечно, благодаря его проницательному уму становились возможными случайные изречения ослепительной силы. Жомини же обстоятельно изучал, по крайней мере, Ллойд-Темпельгофскую историю Семилетней войны, которую он избрал в качестве основы для своего собственного военного учения, а потому его неспособность постигнуть условия эпохи в высшей степени поражает.

Теодор фон-Бернгарди (Theodor von Bernhardi) называет Жомини «неглубоким умом, который даже там, где он приходит к правильному заключению, собственно сам не знает, почему это правильно». Такую оценку надо признать суровой и, конечно, в известной мере преувеличенной; одно, во всяком случае, ясно, что для французов это стало бы действительно роковым, если бы их теоретическое знание сущности войны в течение нескольких поколений было основано на трудах Жомини. Ибо, хотя и справедливо было бы называть его научным поборником наполеоновского военного искусства и хотя сам Наполеон в этом смысле признал его, остается все же несомненным, что полководец был великим мастером, обладавшим совершенно удивительным чутьем фактического и реального, одним из самых одаренных и сильнейших людей всех времен, а Жомини был всего-навсего способный штабной офицер, который правильно понял основные мысли мастера. Ниже мы будем иметь случай убедиться, что Клаузевиц при рассмотрении эпохи наполеоновских войн смог проявить значительно более глубокое понимание сущности того военного искусства, огромное преимущество которого заключалось в его *способности к развитию*. Что Жомини отклоняет всякое дальнейшее развитие своего учения по мере изменения условий, это я уже доказал выше его собственными словами. Поскольку это было так, спасти французов от окостенения мог бы только полный разрыв с Жомини. (Однако, такому разрыву мешало признание, слышанное из уст самого мастера.)

Здесь обнаруживается нечто похожее на то, что было когда-то в Пруссии после Фридриха II. О своем брате Генрихе, образом мыслей которого — робким и опасающимся всяких действий — он во время самой войны весьма часто бывал очень мало доволен, король, как известно,

говорил, что принц Генрих был единственным, кто *не сделал ни единой ошибки*. Если бы Фридрих мог предугадать, что стратеги бутафорской шпаги, защитники ученых маневров, угроз, диверсий, введения в заблуждение и т. п., короче говоря, люди типа Бюлова, — будут развивать дальше военное искусство принца Генриха, он, вероятно, не дал бы ему такой характеристики.

IV. ЭРЦГЕРЦОГ КАРЛ

Прикрытие базы как первый принцип.— Чрезмерная осторожность в использовании резервов.— Стратегические пункты.— Ясность одного примера.— Опасные последствия теории ключа.— Валентини.

Теоретическое исследование о военном искусстве, которое написано многосторонне образованным полководцем на основе его собственного опыта, накопленного во многих походах, при всех условиях должно заслуживать нашего внимания. Эрцгерцог Карл вел в 1796 г. очень удачную кампанию против Журдана и Моро в Южной Германии и в 1799 г. на том же театре вновь одержал победу над Журданом; кроме того, он как полководец сражался в 1797 г. в Альпийской области против Бонапарта и в 1805 г. в Верхней Италии против Массены. Только после этого он выпустил в 1806 г. тактико-стратегическое сочинение, которое носило название «Принципы военного искусства для генералов австрийской армии» («Grundsätze der Kriegskunst für die Generale der Oesterreichischen Armee»). После того как позднее, в 1809 г., он вел борьбу с Наполеоном из-за пальмы победы, причем долгое время исход их схватки оставался неопределенным, он предпринял разработку более крупного труда, который исследует «Принципы стратегии» и связан в единое целое с критическим описанием его собственного первого и в то же время лучшего полководческого достижения — кампании 1796 г. в Германии.

Стратегическое содержание более раннего сочинения, предназначенного для генералов австрийской армии, естественно, перешло в «Принципы стратегии», и, таким образом, я могу основываться, прежде всего, на этой книге,

которая в 1813 г. сначала сделалась известной более узкому кругу специалистов, а в 1814 г. появилась и в продаже[1].

В этом сочинении эрцгерцог Карл выставляет в качестве руководящего принципа следующее: «Результаты военных событий имеют такое решающее значение, что первой обязанностью полководца является забота о наилучшем обеспечении успеха. Но это обеспечение может быть достигнуто только там, где имеются средства, обязательно необходимые для ведения войны, следовательно, только армией, владеющей территорией, из которой извлекаются эти средства, и путями, по которым подвозятся эти средства. *Поэтому каждое расположение сил и каждое движение должно гарантировать полную обеспеченность для ключа лежащей позади территории, для операционной базы,* на которой нагромождены все запасы, для коммуникаций, связывающих армию с этими запасами, и для операционной линии, по которой движется армия, чтобы, отойдя от базы, достигнуть объекта операции. Это — принцип, от которого никогда(!) нельзя отклоняться и в котором заключается самое существо стратегии».

Эрцгерцог утверждает затем, что сфера воздействия стратегического пункта простирается настолько далеко, насколько стоящая там армия в состоянии *выступить навстречу* противнику, прежде чем он переступит границу того района, который армия должна прикрывать. При помощи восьми математических фигур с углами, треугольниками и кругами эрцгерцог пытается сделать понятными для читателя все без исключения случаи этого рода. Я не собираюсь их излагать и отмечу только, что, с одной стороны, они с многими ухищрениями доказывают само собой понятные вещи, а с другой стороны, эти данные остаются в высшей степени спорными, так как на войне оказывают влияние не только расстояния, но также положение, число и качество дорог.

Далее эрцгерцог говорит:

«Если прикрытие базы и коммуникаций во всем его объеме учтено в проекте стратегического плана и полководец сумел твердо удостовериться в этом, то в наступлении надо *с самой смелой энергией* устремляться вперед, а в обороне каждая занятая позиция должна защищаться до последней крайности. Наоборот, если первым принципом бу-

[1] Заново переиздана в 1893 г. в Вене и Лейпциге: «Избранные произведения эрцгерцога Карла» («Ausgewählte Schriften Weiland Sr. Kaiserlichen Hoheit des Erzherzogs Karl von Oesterreich»). т. I и II.

дут пренебрегать, то ни то, ни другое будет невозможно, и государство будет страдать от самых губительных последствий».

Особенное подчеркивание самой смелой энергии в наступлении звучит, конечно, очень приятно для нашего современного восприятия. Нельзя, однако, удержаться от того, чтобы не назвать эти слова красивым оборотом речи без особенно глубокого смысла. Ведь главный принцип, защищаемый в сочинениях эрцгерцога, это ни в коей мере не смелость, а резко выраженная осторожность, — осторожность, которую эрцгерцог, как практический полководец, проявлял хотя и неоднократно, но отнюдь не всегда. Подобный принцип — осторожность — заслуживает великого удивления, особенно потому, что это последнее слово мудрости исходит из уст человека, обладавшего значительным практическим опытом.

Уже *первое положение* эрцгерцога Карла о том, что *каждое расположение сил и каждое движение должно гарантировать полную обеспеченность базы и коммуникаций*, ставит весьма серьезные препятствия подлинной смелости. Ибо кто хочет со всей решительностью нанести своему противнику наибольший ущерб, тот должен стремиться ударить ему во фланг и тыл, а такие действия только в самых редких случаях осуществимы без всякой угрозы для своих собственных коммуникационных линий. Итак, поскольку *полная* обеспеченность собственного тыла объявляется обязательной предпосылкой всякого действия, постольку возможность крупного и важного успеха в высшей степени ограничивается, и активное использование армии, даже при большом перевесе сил, становится совершенно необычайным дерзанием. Приведенное выше первое свое положение эрцгерцог приводит не только в начале своего труда, но повторяет его неоднократно по самым разнообразным поводам, чтобы было совершенно очевидно, что он придает ему серьезное значение[1].

«Принципы стратегии» оставляют, насколько это вообще возможно, все тактическое в стороне. Поэтому, чтобы понять осторожность эрцгерцога во всем ее объеме, мы должны рассмотреть здесь еще некоторые места из других его теоре-

[1] Стр. 245, 248—249, 283, 285, 330. Кроме того, в том же сборнике: «Принципы высшего военного искусства» («Grundsätze der höheren Kriegskunst»), стр. 6 и 50, а также «Статьи по вопросам практического обучения в поле» («Beiträge zum praktischen Unterricht im Felde»), стр. 145, 149, 151.

гических произведений. Так, в его «Статьях по вопросам практического обучения в поле», издававшихся между 1806 и 1813 гг., мы находим следующие положения:

«*Резерв может быть введен в бой только тогда, когда содействие его, вне всяких сомнений, окажется решающим* или когда есть гарантия, что резерв сможет продержаться на месте стоявшей впереди и отброшенной части до тех пор, пока эта часть вновь соберется позади него и займет его место. В любом другом случае резерв предназначается для прикрытия отступления, чтобы предотвратить полное раздробление и уничтожение войскового соединения. Эта цель важнее всех, так как легче восполнить потерю позиции, чем распад войскового соединения, за исключением небольшого числа особых случаев, когда благо целого требует принесения в жертву части...»

«Резерв следует позади центра или того крыла, которое предназначено для решающего наступления. Он может быть, конечно, введен в бой в том или ином месте, если только необходимо произвести последний нажим для завершения победы; вообще же главным назначением резерва всегда является обеспечение и прикрытие отступления».

Этими положениями значительная часть имеющихся сил вовсе исключается из борьбы за решение, и в то же время отступление выставляется как естественный, собственно говоря, исход всякого боя. Далее эрцгерцог пишет: «Часто оказывается необходимым занять пункты, позади которых находятся глубокие лощины, ущелья и т. п., так как нередко корпус выделяется для того, чтобы сохранить господство над выходами из дефиле. Следствием такого расположения может быть раздробление войскового соединения, если противник отбросит его назад в дефиле; эту опасность можно предупредить только тем, что значительная часть этого соединения остается в качестве резерва позади дефиле, для того чтобы принять на себя передовые части в случае их отхода, задержать преследующего противника и дать отброшенным частям время для отдыха и сбора». Внутренняя бессмысленность такой осторожности, достигаемой любой ценой, проступает здесь еще сильнее. Ибо если потерпевшая поражение войсковая часть только что счастливо прошла обратно через дефиле, обычно она может считать себя укрытой, так как преграждение выхода из дефиле, через который хочет прорваться противник, является сравнительно легкой задачей. Отходящая часть в состоянии сама справиться с этой задачей, и резерва для этого

ей не надо; впереди же узкого прохода резерв мог бы содействовать достижению настоящей цели.

Решительные и мощные действия никак не вяжутся со всеми этими правилами эрцгерцога Карла; однако, по его мнению, все они должны считаться твердыми и непоколебимыми. «Только в том случае, если последнему, решающему для существования государства объекту грозит опасность оказаться в руках врага и если не остается больше никакого другого спасительного средства, полководец имеет право итти на риск, давая сражение с меньшими, чем у противника, силами; *в этом случае он может отступить от всех правил* и, не обращая внимания на остальное, направить свои усилия только на тот пункт, где он может легче всего достигнуть победы. *Это — бой, вызванный отчаянием, неуспех которого пережить нельзя.* Тогда уже безразлично, как достигнуть конца, безразлично, как победить: все оправдывается победой, даже если она не имеет других последствий, кроме сохранения того объекта, за который ведется борьба, — и все потеряно, если оказываешься побежденным»[1]. Как удивительно звучат эти слова, если вспомнить, что ко времени их написания человек, который так убедительно поучал мир относительно значения тактического успеха, стоял на высшей точке своей славы и могущества! Здесь нет ничего от бодрой веры в собственные силы и способности; это — воззрения, первоисточник которых следует искать, во всяком случае, в прошлом — в главной квартире Дауна во время Семилетней войны.

Полностью в духе XVIII столетия написана глава, в которой эрцгерцог разъясняет сущность и значение «стратегических пунктов».

«Пункт называется стратегическим, если обладание им обеспечивает решающее преимущество для операций. Но обладание пунктом является решающим только тогда, когда он прикрывает ведущую к нему коммуникационную линию, когда занятие этого пункта связано с вероятностью его удержания, когда противник не может проходить безнаказанно мимо этого пункта и когда из него можно двигаться в нескольких направлениях. Такие пункты являются стратегическими одинаково и в наступательной и в оборонительной войне; в первом случае необходимо бывает овладеть ими, во втором случае — удержать их. Только при-

[1] Избранные произведения, «Принципы стратегии», I, 330.

рода, положение и характер театра войны могут создать такие пункты».

На открытой местности стратегических пунктов не бывает или бывает мало, потому что в такой местности можно двигаться свободно и без помех в любом направлении, и то же самое может относиться к высокогорной местности, так как там нет путей сообщения или имеется их мало. Чаще можно найти стратегические пункты на пересеченной местности, где условия рельефа определеннее указывают путь для военных действий, и в горных районах умеренной высоты (Mittelgebirge), особенно если при этом местность густо населена и застроена. Они характеризуются обычно тем, что несколько коммуникационных линий, больших дорог или судоходных рек встречаются в одном пункте.

Соответственно этому стратегические пункты делятся на пункты, расположенные на базе, пункты, являющиеся объектом операции, и пункты, лежащие между ними. Далее мы читаем:

«В каждом государстве имеются стратегические пункты, которые являются решающими для его судеб, так как обладание ими дает ключ ко всей стране и обеспечивает пользование ее ресурсами. Эти пункты находятся большей частью в центре, где встречаются главные коммуникационные линии, или же у основных переправ или перевалов, если большая река или горная цепь делит страну на две части. В одном государстве может быть лишь незначительное число таких пунктов; часто имеется только один такой пункт, и этот самый пункт является решающим в том отношении, что война может угрожать всегда с одной стороны и исходить от одного врага. Тем чаще встречаются пункты, которые служат целями более мелких операций...»

«Промежуточные стратегические пункты обеспечивают удержание местности, оставшейся позади, и через обладание несколькими коммуникационными линиями открывают путь для дальнейшего движения вперед и достижения главной цели или для других операций, если неожиданные обстоятельства требуют изменения задуманных операций. *Если армия оказывается перед необходимостью в ходе своих операций сделать остановку, это должно происходить только в стратегических пунктах...*»

«Пункты, удержание которых является решающим для обладания своей страной, должны всегда привлекать главное внимание полководца. К этим пунктам он должен направлять свое отступление и в них он должен сосредоточить

все свои средства, чтобы оборонять их до последней крайности, даже если бы было достаточно сил для того, чтобы с известной надеждой на успех прикрыть впереди лежащие районы. При незначительных средствах нельзя заранее раздроблять, ослаблять их и лишать их возможности удерживать решающие пункты, которые одни только имеют стратегическое значение и заслуживают внимания. В каждом государстве, имеющем свою военную систему, должны были бы быть государственные законы, по которым такие пункты и во время глубокого мира должны были бы приводиться в оборонительное состояние и сохраняться в таком состоянии, чтобы была возможность небольшими силами длительно оборонять их и, при помощи убеждения в трудности овладения ими, отпугивать от войны любого противника. Остальные стратегические пункты заслуживают внимания и обороны только в той мере, в какой овладение ими может привести противника к решающим пунктам, в зависимости от их важности в этом случае и количества имеющихся незанятых войск.

Там, где противника толкают на наступление скорее обстоятельства, чем превосходство в силах, лучше всего оборонять те стратегические пункты, из которых можно угрожать ему контрнаступлением, особенно если они дают также и тактические преимущества и если может быть полезен выигрыш времени. Однако, для того чтобы действие было полновесным, эту угрозу необходимо направлять против существенного для неприятеля пункта, не создавая при этом слабости для самих себя. Надо поставить противника в положение, при котором он не мог бы ничего предпринять, пока он сам себя не обеспечит, и это обеспечение должно быть сопряжено с трудностями. Пункт, которым противник мог бы овладеть благодаря превосходству в силах, нужно оспаривать с решающим для себя преимуществом или же отойти на другую стратегическую позицию, не терпя поражения, которое все испортило бы...»

Я привел здесь основное содержание этой главы, так как оно представляет собой в понимании эрцгерцога подлинную сущность стратегической науки. *Конечно, этим неопровержимо подтверждается, насколько прав был Клаузевиц, когда он упрекал эрцгерцога за то, что тот больше имеет в виду ценность территории, чем уничтожение врага*[1]. Этим под-

[1] Ср. Избранные произведения, т. I, стр. 6, где автор пытается опровергнуть это суждение Клаузевица.

тверждается и другое: мы видим, что такая оценка территории с необходимостью ведет к оказанию определенного предпочтения *пассивной* обороне, при которой создаваемая для противника *угроза* представляется уже активным действием.

С особенной яркостью это проявляется во второй части книги, к которой я теперь и перехожу. Имеющиеся в первой части статьи о стратегических (операционных) линиях, об операционной базе, об операциях и об оборонительном расположении не содержат ничего такого, что я должен был бы обязательно передать моим читателям.

Второй раздел книги должен показать применение стратегических принципов на условном театре войны. Эрцгерцог избирает для этого Южную Германию, причем Рейн мыслится как граница западного государства, а Швейцария и Тироль — как нейтральные государства. Удивительно, однако, что Рейн не является одновременно границей восточного государства; наоборот, последнее избрало в качестве операционной базы линию Терезиенштадт — Прага — Будвейс — Энс — Штейер, которая лежит недалеко позади действительной западной границы Австрии; относительно же государственной принадлежности собственно южногерманского театра войны не дается никаких сведений. Вся область не принадлежит ни той, ни другой стороне, но в то же время отнюдь не является нейтральной; следовательно, там господствует невозможное состояние, по сравнению с которым прежнее хаотическое состояние германского государства являлось еще образцом ясности. Но этого мало! Для восточного государства мир, собственно, заканчивается указанной базой Терезиенштадт — Штейер, и *Вена тут не играет никакой роли*. Разбирается случай, когда Западная армия после победоносного продвижения стоит на правом берегу Дуная у Энса и Линца и ничего не может предпринять против базирующейся на Будвейс и Прагу Восточной армии, стоящей на позиции на левом берегу Дуная, так как река образует здесь очень сильный оборонительный участок. Однако, не делается ни малейшего намека на то, что двигающееся с запада нашествие, так же как Наполеон в 1805 и 1809 гг., могло бы устремиться дальше вниз по реке по направлению к столице государства, лежащей на расстоянии всего лишь шести переходов. Наоборот, кульминационным пунктом в рассуждениях эрцгерцога является положение, что для Западной армии наиболее целесообразным образом действий было бы оставаться на левом берегу Дуная и как можно меньше отклоняться от своего прямого

пути на Будвейс, являющийся *естественным объектом ее операций.*

Одним словом, основа этого примера настолько неясна, что на нем никак не может быть построен действительно полезный разбор. Подробное военно-географическое описание условного театра войны превращается поэтому в высшей степени неприятное сочетание данных, которые уже легче и лучше можно было бы извлечь из карт, имевшихся в распоряжении в начале XIX столетия, и рассуждений, не имеющих абсолютно никакой военной ценности. Совершенно очевидно, что местность всегда имеет большое, очень часто решающее значение для военных действий как в крупном, так и в небольшом масштабе; однако, рассматривать ее только так, в совершенно общих чертах, — это значит погрязнуть в абсолютно неплодотворной умственной игре. Правильная оценка местности может начаться только тогда, когда совершенно определенным вооруженным силам поставлена совершенно определенная задача. Тогда речь идет о том, как для выполнения данной задачи наилучшим образом использовать местность. Но во всем рассуждении эрцгерцога ни разу речь не идет о силе Восточной или Западной армий, а насколько неопределенны исходные пункты, устанавливаемые им для целей и намерений обеих сторон, — это я уже показал раньше.

Главным результатом исследования является в «Принципах стратегии» положение, что участок Дуная между Ульмом и Регенсбургом, — дунайское дефиле, как выражается эрцгерцог, — должен играть большую роль во всех операциях в Южной Германии. С этим, именно в такой общей форме, можно, пожалуй, согласиться, хотя сам по себе Дунай является там небольшой рекой, переправа через которую становится затруднительной только в тех местах, где русло реки окаймляют обширные болотистые низменности. Но если к указанному положению сейчас же прибавляется вывод, что обе армии, продвигающиеся с востока и с запада, прежде всего имеют задачей достигнуть этого участка реки и обеспечить себе пункт, пригодный для переправы на другой берег, — внутренняя справедливость уже совершенно определенно исчезает и начинается ошибочный образ мыслей, при котором смотрят больше на землю, чем на противника.

Если условиям территории придается такое решающее значение, то, естественно, не приходится удивляться тому, что оборона простирается на исключительно широкое про-

странство. До 1812 г. 200 000 человек было фактически самой большой численностью армии, и не подлежит никакому сомнению, что эрцгерцогу в его соображениях представлялись меньшие количества. Если же он неоднократно предлагает для своей Восточной армии оборонительное расположение протяжением около 200 *км* по фронту, например, от Оксенфурта-на-Майне до Меммингена-на-Иллере или близко позади этой линии — от Нейштадта на Айше до Мендельгейма, — то это, во всяком случае, очень широкое, кордонное расположение; следует, по справедливости, удивляться, что такой взгляд все-таки еще мог поднять голову, после того как Наполеон уже в течение пятнадцати лет с величайшим успехом применял прорыв центра и после того как Жомини претворил эти действия в научную систему, которая, несомненно, была известна эрцгерцогу.

Нет необходимости продолжать анализ «Принципов стратегии»; точно так же я могу оставить в стороне критическое описание кампании 1796 г. и позднейшие военно-исторические сочинения эрцгерцога. О чем здесь должна итти речь, это уже достаточно ясно, а именно, что теория «ключа» («Schlüssel»-Theorie) представляет собой ложную науку. Так же как туманные идеи Бюлова несут свою долю ответственности за поражение Пруссии в 1806 г., так и идеи эрцгерцога Карла, очевидно, оказали свое гибельное влияние даже там, где он сам и не являлся действующим лицом. Во всяком случае, медлительная осторожность при ведении войны, свойственная Шварценбергу, целиком отвечает правилам эрцгерцога, а марш на Лангрское плато вполне соответствует его учению о стратегических пунктах, которые являются решающими для обладания страной. Кто глубже вглядится в историю войны 1859 г., тот обнаружит в весьма странных зачастую действиях австрийской оперативной канцелярии определенное доказательство того, что стратегические принципы эрцгерцога Карла оказывали тогда существенное влияние на подготовку генерального штаба. И тот почти необъяснимый день сражения при Монтебелло, когда терпит поражение более чем тройное превосходство сил, потому что в результате непрерывного выделения резервов, остающихся бездеятельными, в решающем месте и в решающий момент не оказывается достаточных сил, — этот случай становится более понятным, если знать, насколько категорично звучат правила эрцгерцога об обеспечении стратегических пунктов и угрожаемых линий отступления, а также о неприкосновенности резервов.

Да, влияние эрцгерцога Карла сказывается даже и в 1866 г., когда, в общем, в австрийской армии господствовал столь достойный похвалы наступательный дух. Ибо оборонительная позиция на Эльбе севернее Йозефштадта казалась начальнику штаба Северной армии *стратегическим пунктом решающего значения*, а так как полководец сам лично не обладал достаточной научной подготовкой, чтобы опровергнуть подобные заблуждения, то это теоретическое воззрение его первого помощника висело, как свинцовая гиря, на его ногах и мешало ему развернуть свои лучшие силы. Я считаю историю главной квартиры Бенедека в 1866 г. одним из самых поучительных примеров, на котором можно уяснить себе значение теории для практики. Этот пример показывает беспомощность силы воли, воспитанной *только* практически, при серьезных обстоятельствах и показывает, насколько она может попасть в зависимость от направлений, которые, безусловно, противоречат ее внутренней сущности. И именно поэтому этот пример подтверждает также, как исключительно велика общая заинтересованность в господстве правильных и здоровых теорий и опровержении ложных и нездоровых теорий. Мы живем сейчас в эпоху, когда исключительные успехи в технике огнестрельного оружия приносят с собой опасность переоценки значения оборонительных позиций и когда такие учения о значении территории в стратегии, какие развивал эрцгерцог Карл, вновь могут стать той серьезной опасностью для слабых характеров, в качестве которой они достаточно проявились в многочисленных войнах XVIII столетия. Поэтому представлялось необходимым в данном случае не оставить никаких сомнений в исторической несостоятельности этих учений.

Что в Австрии поучения эрцгерцога Карла оказывали длительное влияние, это зависело прежде всего от принадлежности его к правящей династии. Однако, и дальше, в Германии, популярность «победителя при Асперне» являлась причиной того, что его мыслям придавалось чрезмерно большое значение.

Прусский генерал фон-Валентини (v. Valentini), который во время освободительных войн прошел в качестве офицера в штабе Йорка превосходную школу Гнейзенау, излагает в своем появившемся к началу двадцатых годов труде «Учение о войне» («Lehre vom Kriege») в общем весьма правильные принципы и обнаруживает, особенно в сравнении с принципами Бюлова и Жомини, свободу воззрений.

производящую весьма отрадное впечатление. Однако, эрцгерцогская теория ключа все же повлияла на Валентини, и с ее помощью возвращение в мир идей XVIII столетия оказалось слишком легким. Можно радоваться тому, что влияние военного писателя Валентини продолжалось только короткое время и вскоре после него появился более крупный писатель, который тотчас же отодвинул его в тень.

V. КЛАУЗЕВИЦ

Незаконченный труд «О войне».— Практическое учебное назначение труда.— О принципах военного искусства.—Присущий Клаузевицу метод мышления.—Война не есть нечто самостоятельное, это средство политики.—Ошибочное мнение Мольтке.— Уничтожение неприятельских вооруженных сил, как главный принцип.— Оценка Дауна.— Противоположность наступления и обороны.— Тактическая оборона.— Стратегическая оборона.— Способы противодействия.— Стратегическое наступление.— Двойственный характер войны.— Разгром противника.— Наступление с ограниченной целью.— Превосходство внутренней линии и прорыва в центре.— Расчленение армии.

Карл фон-Клаузевиц, ученик и друг Шарнгорста, доверенное лицо Гнейзенау, в Германии пользуется всеобщим признанием как выдающийся военный теоретик, как подлинный философ войны, которому победители на новых полях сражений обязаны своей идейной выучкой.

Еще в 1793—1794 гг., будучи молодым юнкером, Клаузевиц получил боевое крещение, причем был участником осады и взятия Майнца — одной из немногих заслуживающих внимания военных операций того времени. Позднее, в 1806 г., в качестве личного адъютанта молодого батальонного командира принца Августа Прусского он был свидетелем сражения при Иене и того ужасного отступления, которое через четырнадцать дней после этого закончилось капитуляцией в Пренцлау. В 1812 г. Клаузевиц поступил на русскую службу, использовался на штабной работе и смог, таким образом, накопить богатый опыт в величайшей войне той эпохи. В весенней кампании 1813 г. он в качестве русского офицера был прикомандирован к штабу Блюхера; во время осенней кампании он был начальником штаба графа Вальмодена, который действовал против Даву на Нижней Эльбе, и блестящий бой в Гёрде является самым непосредственным плодом его искусных распоряжений. В 1814 г.

русско-немецкому легиону уже не пришлось участвовать в настоящих боевых действиях. В 1815 г. Клаузевиц — снова на прусской службе в качестве начальника штаба 3-го армейского корпуса Тильмана, который при Линьи составлял левое крыло боевой линии, а при Вавре — тыловое прикрытие армии Блюхера. К этой, по современным понятиям безусловно значительной, практической школе присоединяется у Клаузевица еще широкое и основательное знание военной истории, так же как и необыкновенная ясность общих исторических воззрений его, — исторический ум, позволивший Гансу Дельбрюку причислить его к великим историкам.

И этот солдат, обладающий практическим опытом и отлично образованный, в мирной обстановке чувствует, по его собственному признанию, настоятельную потребность «развить и систематизировать» тот мир идей, в котором он жил. Однако, он тут же решает сохранить плоды этой мыслительной работы в полной тайне до своей смерти, чтобы его жаждущая истины душа была надежно и безусловно защищена от всех искушений, порождаемых побочными интересами.

Так появился, наряду с несколькими военно-историческими сочинениями, его трехтомный труд «О войне», который был издан вдовой генерала Клаузевица вскоре после его преждевременной смерти (1831 г.). Труд, к сожалению, не окончен; в двух пояснениях к своему труду, написанных в последние годы жизни, автор называет его даже «собранием отдельных частей, из которых должна была быть построена теория большой войны» [1], а в другом месте — «бесформенной массой идей», которые, «подвергшись превратным толкованиям... могут послужить материалом для злословия многих незрелых критиков» [2]. Но в тех же «Пояснениях» он указал нам также общее направление, в котором он хотел двигаться при окончательной обработке своего огромного материала, и если с добросовестной самоотверженностью погрузиться в весь ход его мыслей, то можно, конечно, заполнить имеющиеся пробелы и внести изменения, предлагаемые последним планом труда.

При этом будет, безусловно, достигнута полная ясность относительно *цели*, которую Клаузевиц преследовал, в ко-

[1] Клаузевиц, О войне (Klausewitz, Vom Kriege). Пер. с немецкого, изд. 4-е. Воениздат, М. 1937, т. I, стр. 25. В дальнейшем все цитаты приводятся по этому изданию. — *Ред.*

[2] Там же, стр. 24.

нечном счете, своей писательской деятельностью. Ровно двадцать лет назад [1] я написал небольшую работу о плане кампании, разработанном Фридрихом II на 1757 г.; этой работой я включился в разгоревшийся тогда спор о стратегии Фридриха II, причем я выступил против высказанного Дельбрюком предположения, что Клаузевиц при намеченной им переработке хотел ввести в свое изложение, наряду с новой стратегией, также и стратегию XVIII столетия. Я высказал мнение, что Клаузевиц предназначал свой труд для военных и для государственных людей современной и будущей эпохи и что соответственно этому надо понимать и «Пояснение» об основных идеях переработки. Дельбрюк тогда во время одного обсуждения моей работы объявил эту точку зрения «несомненно ошибочной» и прибавил при этом: «Клаузевиц хотел дать диалектическое развитие понятия войны, а не только практические правила для нынешнего и будущего времени. При правильном развитии понятия войны обязательно должны понадобиться и формы этого понятия, действительные для той или иной эпохи. Пробел, который получился вследствие того, что сам Клаузевиц не успел заняться этим, до сего времени не восполнен».

Я не продолжал тогда дискуссию, так как перевод на другую должность, требовавшую очень большой работы, вырвал меня из всего этого круга идей, но сейчас я должен вновь вернуться к этим противоположным взглядам. Укажу, прежде всего, на то, что Клаузевиц в том же пояснении совершенно ясно говорит: «Надеюсь, что этой книгой мне удастся разгладить кое-какие складки, образовавшиеся в мозгах стратегов и государственных людей; по крайней мере, она точно выяснит, о чем, собственно, идет речь и что следует учитывать при ведении войны» [2]. В другой заметке относительно своего труда он говорит о трудностях, представляемых теорией большой войны, и подчеркивает, что полководцы испокон века следовали, как правило, только интуиции [3], которой оказывалось достаточно для их действий. «Однако, когда стоит вопрос не об единоличных действиях, а о том, чтобы на совещании убедить других, тогда необходимы ясность представления и способность усмотреть внутреннюю связь рассматриваемых явлений. Но так как люди мало развиты в этом отношении, то большинство сове-

[1] Т. е., повидимому, в 1884 г. — *Ред.*
[2] Русский перевод, т. I, стр. 24. — *Ред.*
[3] Дословно: «такту суждения» (einem Takt des Urteils). — *Ред.*

ланий сводится к беспочвенным пререканиям, причем они заканчиваются либо тем, что каждый остается при своем мнении, либо соглашением, по которому одни уступают другим и останавливаются на среднем пути, по существу не имеющем никакой ценности. Поэтому ясные представления в этих вопросах небесполезны; кроме того, человеческому разуму вообще присуще стремление к ясности и установлению необходимой причинной связи»[1]. А при изложении сущности теории Клаузевиц говорит: «Она должна воспитывать ум будущего полководца, или, вернее, руководить им в его самовоспитании, но не должна сопровождать его на поле сражения; так мудрый наставник направляет и облегчает умственное развитие юноши, не ведя его, однако, всю жизнь на помочах»[2]. В другом месте к понятию теории он делает следующее выразительное добавление: «которая должна быть пригодной для действительной жизни»[3]. Наконец, касаясь значения примеров, Клаузевиц высказывается в том смысле, что «история *последних* (подчеркнуто Кеммерером. — *Ред.*) войн всегда должна представлять наиболее естественную область для выбора примеров»; он находит, что войны XVIII столетия «...по крайней мере в смысле вооружения, еще имеют значительное сходство с современными... несмотря на значительные изменения, происшедшие за это время как в крупных, так и в малых вопросах... Чем дальше мы отходим назад, тем менее пригодной становится военная история и тем она делается беднее и малосодержательнее. Наиболее непригодной и скудной надо признать историю древних народов»[4].

Из этих выдержек, которые можно было бы еще умножить, для меня с несомненностью вытекает, что Клаузевиц в своих исследованиях в первую очередь всегда думал о практических потребностях людей, призванных к военной деятельности, в настоящее время и в будущем. Однако, ради диалектического развития понятия войны он был, по моему мнению, так же мало обязан изображать формы боевых действий XVIII столетия, как мало он касался тех форм, при помощи которых достигали своих побед Александр, Ганнибал и Цезарь. Наконец, мы увидим дальше, что именно практическая потребность служит также исход-

[1] Русский перевод, т. I, стр. 26. — *Ред.*
[2] Часть II, гл. 2, § 27 (русский перевод, т. I, стр. 132. — *Ред.*).
[3] Часть VI, гл. 28 (русский перевод, т. II, стр. 207. — *Ред.*).
[4] Часть II, гл. 6 (русский перевод, т. I, стр. 182—183. — *Ред.*).

ным пунктом для того, чтобы добиться восполнения пробелов, имеющихся еще пока в труде «О войне».

Клаузевиц требует от пригодной к жизни теории, чтобы она «воспитывала ум будущего полководца». Но совершенно определенно и категорически отвергает он всякую попытку создать учение, «которым вздумали бы предопределять планы войны или кампании и поставлять их как бы штампованными из-под станка»[1]. Он иронизирует над тем, что Бюлов сперва соединяет в одном понятии базы множество различных элементов — питание армии, пополнение армии и ее вооружения, обеспеченность ее сообщений с отечеством и, наконец, обеспечение ее отступления, — чтобы затем вновь ввести понятие величины базы вместо самой базы, а в конце концов эту величину заменить углом. «...И все это проделано было для того, чтобы дойти до чисто геометрического результата, не представляющего никакой ценности. Последнее, конечно, неизбежно должно было случиться, ибо ясно, что ни одна из этих подстановок не могла быть произведена без насилия над истиной и без изъятия части содержания предшествующего понятия»[2]. По той же причине, из-за чисто геометрической его природы, не может удовлетворить Клаузевица и принцип внутренних линий, хотя он и признает в данном случае, что «этот принцип опирается на правильное основание — на ту истину, что бой есть единственное решающее средство на войне»[3].

Все подобные теоретические попытки представляются Клаузевицу совершенно непригодными потому, что при этом стремятся к установлению определенных величин, тогда как на войне все неопределенно и суждения и размышления должны производиться исключительно с переменными величинами; потому, далее, что рассуждения направляются только на материальные объекты, тогда как вся военная деятельность пронизана моральными силами и влияниями; наконец, потому, что они имеют в виду действия только одной стороны, тогда как война представляет собой постоянное воздействие противных сторон друг на друга.

На войне при принятии решений играют роль степень и сила враждебного чувства и мужества, так же как сознание высокой ответственности. Должно приниматься во внимание различие психических индивидуальностей тех, кто

[1] Часть II, гл. 4 (русский перевод, т. I, стр. 151. — *Ред.*).
[2] Часть II, гл. 2, § 10 (русский перевод, т. I, стр. 123. — *Ред.*).
[3] Часть II, гл. 2, § 11 (русский перевод, т. I, стр. 123. — *Ред.*).

стоит против нас и рядом с нами. Однако, реальные основания для наших действий обычно погружены в таинственную дымку неизвестности. Поэтому позитивное учение, определенные указания для действий невозможны, и теория может быть только размышлением. «Оно является аналитическим исследованием предмета, ведет к точному ознакомлению с ним, а при условии проверки опытом, т. е. в нашем случае военной историей, — к полному усвоению его. Чем больше рассмотрение достигает этой конечной цели, тем оно более переходит из объективной формы знания в субъективную форму умения. Таким образом, оно сохранит свою действительность и там, где природа дела допускает решение лишь при наличии таланта; в нем самом скажется действенность достигшего своей цели рассмотрения. Если теория исследует предметы, составляющие сущность войны, если она более отчетливо различит то, что на первый взгляд кажется слившимся, если она укажет с достаточной полнотой все свойства средств и предусмотрит вероятные результаты их действия, если она ясно определит природу целей и осветит разумной критикой всю область войны, — то она этим выполнит существеннейшую часть своей задачи»[1].

Однако, сейчас же вслед за этим Клаузевиц продолжает свою мысль в таких выражениях: «Если из соображений, выдвигаемых теорией, сами собой сложатся принципы и правила и если истина сама собой отольется в их кристаллическую форму, то теория не должна противиться этому естественному закону ума; наоборот, там, где свод завершается таким замком, она его еще более выдвинет на первый план, но сделает она это лишь для того, чтобы удовлетворить философскому закону мышления и отчетливо указать на тот пункт, к которому устремлены все линии, а не для того, чтобы построить алгебраическую формулу для пользования на поле сражения; ведь эти принципы и правила также должны скорее определять главные линии внутренней, самостоятельной работы мыслящего ума, чем представлять при выполнении задачи вехи, точно указывающие путь»[2].

Конечно, не было недостатка в возражениях против того тонкого различия, которое Клаузевиц делает между своей собственной системой мышления и теориями других авторов, и как раз Жомини пытался выставить это как резуль-

[1] Часть II, гл. 2, § 27 (русский перевод, т. I, стр. 132, 133. — *Ред.*).
[2] Там же, стр. 132—133. — *Ред.*

тат особого тщеславия. Однако, различие это, безусловно, правильно, и неизмеримо большая заслуга Клаузевица заключается в том, что он с такой осторожной сдержанностью выставлял определенные положения и правила, прежде чем соглашался считать их действительно надежными. Его метод мышления фактически рассматривал существо войны совершенно равномерно со всех сторон, и, по его представлению, в центре стоит борьба умственных и моральных сил обоих противников — тех факторов, которые Бюловым и эрцгерцогом Карлом вовсе не принимаются во внимание, а у Жомини не получают полного значения, потому что он превыше всего поставил геометрический закон форм.

«Таким образом, в стратегии все оказывается чрезвычайно просто, но из этого не следует, чтобы все было и чрезвычайно легко. Раз из состояния и отношений государства определилось, чего должна и чего может достигнуть война, то найти к этому путь нетрудно; но неуклонно следовать по этому пути, проводить план до конца, не позволять себе тысячу раз обиваться с него под влиянием различных побуждений — для этого, помимо большой силы характера, требуется еще и большая ясность и уверенность ума. Поэтому из тысячи людей, из которых один отличается умом, другой — проницательностью, третий — отвагой и силой воли, может быть, ни один не соединяет в себе все те качества, которые выдвинули бы его на стезе полководца из ряда посредственностей»[1].

Клаузевиц подробно показывает, какими ненадежными бывают всегда на войне все известия и предположения, как непрерывно вмешивается случай и наполняет ум полководца всевозможными беспокойными представлениями. Чтобы счастливо устоять в этой борьбе с неожиданным, полководцу требуется, во-первых, ум, который и в этом усилившемся мраке сохранит некоторые признаки внутреннего света, а затем мужество, чтобы следовать за этим слабым светом. Этим особым видом мужества является решимость. «Итак, решимость, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением. Мы утверждаем, что наличие широкого кругозора в соединении с мужеством еще не составляет решимости. Бывают люди, обладающие самым проницательным духовным взором; при решении труднейших задач у них нет недостатка в мужестве, они готовы многое взять на себя,

[1] Часть III, гл. 1 (русский перевод, т. I, стр. 187—188.— *Ред.*).

но в трудные минуты они все-таки не могут принять никакого решения. Их мужество и проницательность стоят порознь, не протягивают друг другу руки и потому не производят третьего свойства — решимости. Последняя порождается лишь *актом* разума, осознавшего необходимость риска и тем побудившего волю. Этот своеобразный склад ума, побеждающий в человеке всякий иной страх страхом перед *колебаниями* и *медлительностью*, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах решимость; поэтому люди, обладающие ограниченным умом, не могут быть решительными в нашем смысле. Они могут действовать в затруднительных случаях без колебаний, но тогда они это делают *необдуманно*, а у того, кто действует необдуманно, не может быть борьбы с самим собой вследствие каких-либо сомнений. Такой способ действия может порою казаться удачным, но мы вновь повторяем: только *общий уровень успехов* указывает на наличие военного гения»[1].

Охотнее всего я привел бы здесь всю главу о военном гении, а также и некоторые другие, например раздел о «трении на войне» или раздел «о напряжении и покое — динамическом законе войны», чтобы путем сопоставления различных примеров показать, в чем заключается оригинальное значение свойственного Клаузевицу метода мышления. Но я могу рассчитывать, что в дальнейшем труд «О войне» получит еще более широкое распространение, а потому ограничусь ссылками преимущественно на эти главы, а также вообще на I и III части. Если мы сейчас внимательно перечитаем их, то, оглядываясь на прошлое, мы должны сказать, что именно благодаря таким размышлениям Клаузевиц сделался самым настоящим учителем прусской армии. Они освободили нас от искусственности, широко распространившейся в области военной теории, и показали нам, от чего все зависит.

Само собой разумеется, что для исследования хода развития всей стратегической мысли в течение столетия, особенную важность должны представить те принципы и правила, в кристаллических формах которых, по выражению Клаузевица, истина складывается как бы сама по себе. С их помощью можно набросать схему, которая, конечно, не в состоянии заменить полной картины, но может быть достаточной для того, чтобы в известной мере разъяснить

[1] Часть I, гл. 3 (русский перевод, т. I, стр. 81—82.— *Ред.*).

нам значение Клаузевица среди всего его окружения и его ценность для нас.

Итак, в первую очередь и прежде всего надо привести положение, в котором сущность войны разъяснена с поразительной сжатостью: «*Война есть не что иное, как продолжение политики иными средствами*», или в другом месте: «...Война является лишь частью политических отношений, а отнюдь не является чем-то самостоятельным»[1].

Для наших целей нет надобности основательно углубляться в блещущее умом философское исследование понятия войны, которое составляет первую и, по мнению Клаузевица, единственную полностью законченную главу его труда. Оно показывает, что хотя насильственный акт (der Gewaltakt), который мы называем войной, и должен был бы всегда в максимальной степени определяться самим собой, но действительность не соответствует этому требованию. На нашей планете два вооруженных противника на войне представляют собой не отвлеченные понятия, а живые индивидуальности, каждая из которых знает другую или думает, что знает; вдобавок они стоят друг против друга не в одиночестве, а среди других государственных организмов, поведение которых в ходе войны должно получить огромное значение; таким образом, вероятности действительной жизни приходят на место предельного и абсолютного, и степень собственных усилий определяется по законам вероятности. Война есть инструмент политики, и «только при этом представлении возможно не избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию»[2]. Поскольку дело обстоит именно так, то войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, из которых они зарождаются, должны быть безусловно различны. «Первый, самый великий, самый решительный, акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов»[3].

[1] «Пояснение» и ч. VIII, гл. 6 (русский перевод, т. I, стр. 23 и т. II, стр. 373—374.— *Ред.*).

[2] Часть I, гл. 1, § 27 (русский перевод, т. I, стр. 56.— *Ред.*).

[3] Там же, стр. 56—57.— *Ред.*

А в разделе, посвященном плану войны, где этот вопрос освещен подробнее, Клаузевиц пишет: «Словом, военное искусство на своей высшей точке становится политикой, дающей сражения, вместо того чтобы писать ноты. Согласно этому взгляду недопустимо и даже вредно устанавливать такое различие, что крупное военное событие или план операции допускают обсуждение *с чисто военной стороны*. Более того, привлечение военных к обсуждению планов войны, чтобы они высказались *с чисто военной точки зрения* о том, что следует делать правительствам, представляет прием, противоречащий здравому смыслу; и еще нелепее требование теоретиков, чтобы имеющиеся для войны средства передавались полководцу, а последний в соответствии с ними вырабатывал чисто военный план войны или кампании... Ни один из основных планов, необходимых для войны, не может быть составлен без учета политических условий. Обычно выражают нечто совсем другое, чем то, что хотят сказать, когда говорят, — а это часто имеет место, — о вредном влиянии политики на ведение войны. Следует в этом случае порицать не это влияние политики, а самое политику. Если политика верна, т. е. если она ведет к своей цели, то соответственное ее воздействие может быть лишь благотворным для войны; там же, где ее воздействие удаляет нас от цели, корень зла надо искать лишь в ошибках политики» [1].

До этого пункта рассуждения нашего военного философа, в общем, принимаются без серьезных возражений. Но в другом месте он совершенно определенно говорит, что «политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние» [2], и против этого со стороны военных уже часто и в решительной форме поднимались протесты.

Для нашего теперешнего времени имеет значение, прежде всего, то, что и Мольтке, который основательно знал Клаузевица и охотно и часто называл его теоретическим учителем, в этом пункте не идет за ним. В 1871 г., в своей статье о стратегии Мольтке следующим образом сформулировал свою точку зрения: «Политика использует войну для достижения своих целей; она решающим образом влияет на ее начало и конец, однако таким образом, что она не должна увеличивать свои претензии в ходе войны или, наоборот,

[1] Часть VIII, гл. 6 (русский перевод, т. II, стр. 379.— *Ред.*).
[2] Часть I, гл. 1, § 23 (русский перевод, т. I, стр. 54.— *Ред.*).

довольствоваться меньшими успехами. При такой неопределенности стратегия может направлять свое устремление только на наибольшую цель, которой вообще можно достигнуть при имеющихся средствах. Таким образом, она лучше всего действует на пользу политике, только в ее целях, но в своей работе совершенно независимо от нее».

Я воздерживаюсь от подробного освещения этого вопроса, так как совсем недавно он был тщательнейшим образом рассмотрен генералом фон-Верди (von Verdy) в его «Исследованиях о войне» («Studien über den Krieg»). Хотя он признает, что Клаузевиц в своем тезисе, по которому война, безусловно, не является чем-то самостоятельным, заходит слишком далеко, однако в то же время он не может целиком согласиться и с Мольтке. В частности, на примере событий 1864 г. он с убедительной ясностью показывает, что влияние политики и в процессе операции может быть не только значительным, но во многих случаях даже и решающим.

Признаюсь, что именно благодаря этому сочинению я вновь убедился в том, что концепция Клаузевица во всех отношениях правильная. По моему убеждению, на Мольтке, когда он писал приведенные выше строки, продолжала влиять его размолвка с Бисмарком во время известного конфликта в версальский период[1], причем мы имеем дело этот раз с совершенно исключительным случаем, когда Мольтке недостает полной объективности. В данном столкновении мнений Бисмарк требовал скорейшего начала действительной осады Парижа, ибо овладение неприятельской столицей в кратчайший срок было одинаково важной целью и в политическом и в военном смысле. С другой стороны, неоспоримо то, что Мольтке во второй половине сентября верил в *непосредственную близость* окончания войны и что он ожидал возвращения в Германию даже в октябре месяце. Известно также, что он лишь постепенно изменял этот свой взгляд. В качестве главного возражения против осуществимости бисмарковской идеи обычно приводят то соображение, что нельзя было к достаточно раннему сроку подготовить в осадном парке такое количество боевых припасов, которое при введении его в дело при любых обстоятельствах обеспечило бы настоящий успех, а неудача атаки и тем самым известный триумф осажденных были бы

[1] В 1870 г., во время франко-прусской войны, в период, когда главная квартира пруссаков находилась в Версале.— *Ред.*

исключены. По моему убеждению, это, безусловно, неправильно. Наоборот, достаточно было установить такую пропускную способность железной дороги и конных транспортов, чтобы можно было ежедневно подвозить суточную потребность в боеприпасах. Как только это было бы достигнуто, безусловно достаточно было бы одного артиллерийского парка соответствующего масштаба. И такая пропускная способность железнодорожной коммуникации и конных транспортов, конечно, могла бы быть достигнута раньше, чем это произошло в действительности, если бы только главное командование, будучи само убеждено в настоятельной необходимости таких мер, бросило все свое влияние на чашку весов. Поэтому, несмотря на все основания, которые приводились против этого, я не могу удержаться от утверждения, что твердая надежда Мольтке на быструю капитуляцию Парижа при этом, совершенно очевидно, должна была оказать свое влияние. Однако, кто живо ощущает те заботы, которые давили на ответственного руководителя германской политики, когда с французской стороны делались все возможные попытки, чтобы вызвать постороннее вмешательство в борьбу Пруссии с Францией, тот не сможет оспаривать права Бисмарка вмешаться в обсуждение таких вопросов, где *стратегия сама становится политикой.*

Сразу после этого, на втором месте, в моем очерке теории Клаузевица должно стоять следующее положение: «*Уничтожение неприятельских сил составляет основной принцип войны и главный путь к цели во всей области позитивных действий*» [1].

Мы знаем эту истину и ее значение уже из прежних наших соображений относительно наполеоновской стратегии и относительно Жомини, а потому, собственно, для меня уже нет необходимости снова заниматься этим. Однако, как я уже указывал, Ганс Дельбрюк защищает теперь мнение, будто Клаузевиц хотел переработать свой труд в том направлении, чтобы в нем получил полное признание своеобразный оперативный метод XVIII столетия, т. е. та избегающая сражений стратегия, которая, по объяснению самого Дельбрюка, «*больше рассчитана была на измор и истощение противника, чем на его разгром*», и для которой факторы, играющие сейчас второстепенную роль, — владение территорией и прикрывающими позициями, — имели дей-

[1] Часть IV, гл. 11 (русский перевод, т. I, стр. 297; слова эти подчеркнуты Кеммерером.— *Ред.*).

ствительное значение, так что они могли и должны были приниматься во внимание стратегией наряду с тактическим решением[1]. Как это надо понимать, мы можем заключить из того, что, по мнению Дельбрюка, действия Дауна при проведении стратегического наступления, когда об уничтожении неприятельских вооруженных сил, собственно, и речи-то не было, безусловно, оправдываются тогдашними условиями. А так как Дельбрюк, несомненно, является одним из выдающихся знатоков военной истории, а в области военной теории с полным основанием встречает уважение в широких кругах, то я должен здесь доказать, что Клаузевиц отнюдь не разделял того мнения относительно Дауна, которое защищает Дельбрюк, и что Клаузевиц, исходя из того принципа, который мы сейчас обсуждаем, безусловно отвергал поведение Дауна.

Прежде всего там, где Клаузевиц разбирает стремление, направленное к сохранению собственных вооруженных сил, мы находим такое место: «Таким образом, было бы коренной ошибкой полагать, что негативное стремление непременно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения неприятельских вооруженных сил и к предпочтению бескровного решения. Перевес негативного стремления, конечно, может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено с риском не попасть на правильный путь; последнее зависит от условий, находящихся не в нашей власти, а во власти противника. Этот иной, бескровный, путь борьбы никоим образом не может рассматриваться как единственное средство удовлетворения преобладающей заботы — сбережения наших вооруженных сил; напротив, если этот путь не будет соответствовать обстановке, то поведет только к их полной гибели. *Очень многие полководцы впадали в такую ошибку и губили себя*»[2]. И далее: «Комбинируют марши и маневры, достигают намеченной цели, и при этом нет и речи о бое; отсюда заключают, что будто бы существуют средства одолеть противника и без боя. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность указать всю чреватую последствиями значительность этого заблуждения»[3]... «Такое упущение (т. е. принцип уничтоже-

[1] «Прусский исторический и географический журнал («Zeitschrift für preuss. Geschichte und Landeskunde»), 1881 г., № 11/12, стр. 555 или 568 и 572.

[2] Часть I, гл. 2 (русский перевод, т. I, стр. 74; подчеркнуто Кемперером. — *Ред.*).

[3] Часть II, гл. 1 (русский перевод, т. I, стр. 144; подчеркнуто Кемперером. — *Ред.*).

ния. — *К.*) привело *во времена, предшествовавшие последней военной эпохе, к совершенно ложным* взглядам и тенденциям, породило обрывки систем, при помощи которых теория рассчитывала тем выше подняться над простым ремеслом, чем меньше в ней будет стремление пользоваться подлинным инструментом, т. е. уничтожением неприятельских боевых сил»[1]. ...«Таким путем в наши времена мы приблизились было к тому, чтобы во имя экономии войны смотреть на генеральное сражение как на зло, делающееся неизбежным из-за допущенных ошибок, как на болезненное явление, к которому правильно организованная осторожная война никогда не должна приводить; лишь те полководцы должны заслуживать лавров, которые умеют вести войну без кровопролития, а теория войны, подлинное учение браминов, как раз для того и существует, чтобы научить такому искусству. История нашего времени разрушила эти *фантазии*, но ни один человек не может поручиться за то, что они снова не воскреснут на более или менее продолжительный срок и не увлекут руководителей судеб к подобным *сумасбродствам*, потворствующим человеческой слабости, а следовательно близким сердцу человека. Может быть, еще настанет время, когда на походы Бонапарта и его сражения будут смотреть как на проявление трубости и глупости и снова благосклонным и доверчивым оком будут любоваться салонной шпагой устарелых заскорузлых порядков и приемов. Если теория может от этого предостеречь, то она окажет ценную услугу тем, кто захочет внять ее предостережению. Да удастся нам протянуть руку помощи тем, кто в нашем дорогом отечестве призван высказывать решающее мнение по этим вопросам, послужить им проводником в этой области и побудить их к добросовестной оценке существа дела!... Мы и слышать не хотим о тех полководцах, которые будто бы побеждали без пролития человеческой крови. Если кровопролитное сражение представляет ужасное зрелище, то это должно служить основанием лишь к тому, чтобы смотреть на войну более серьезно, а не к тому, чтобы из чувства человеколюбия дать своим мечтам мало-помалу притупиться, пока, наконец, не появится вновь кто-нибудь с отточенным мечом и не отрубит нам руки»[2]. После всех этих высказываний о принадлежащем

[1] Часть IV, гл. 3 (русский перевод, т. I. стр. 255; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

[2] Часть IV, гл. 11 (русский перевод, т. I, стр. 299—300; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

истории военном искусстве XVIII столетия не может быть неожиданностью, если Клаузевиц в своей стратегической характеристике Густава Адольфа говорит о *полном мужества* духе века, «который, конечно, более ценен, чем *ложное искусство позднейших войн*».

И, наконец, его суждение персонально о Дауне: «Если во многих войнах, отличавшихся слабостью проявлений стихийной силы, часто встречается подобное стратегическое маневрирование, то оно, конечно, бывает не потому, что уж так многочисленны случаи, когда можно видеть полководца, стоящего у предела своих наступательных достижений, а потому, что *недостаток решимости, мужества и предприимчивости, страх перед ответственностью* часто заменяют истинные и веские основания; достаточно напомнить о фельдмаршале Дауне»[1]. «Даун переходит в наступление почти исключительно в те моменты, когда его на это провоцирует Фридрих Великий своей преувеличенной дерзостью и пренебрежительным отношением к противнику (Гохкирх, Максен, Ландсгут). Напротив того, Фридриха Великого мы почти всегда видим в непрерывном движении, стремящегося своими главными силами разбить тот или другой корпус Дауна. Правда, это ему удается лишь в редких случаях, — по крайней мере, результаты никогда не оказывались значительными, ибо Даун *при большом превосходстве сил* отличался удивительной осторожностью и предусмотрительностью; однако, отсюда не следует заключать, что усилия короля оказывались совершенно бесплодными. Напротив, эти усилия представляли весьма действительное сопротивление, ибо благодаря заботам и напряжению, которые противник был вынужден проявлять, дабы избегать чувствительных ударов, нейтрализовалась сила, которая иначе способствовала бы прогрессу наступления. Вспомним хотя бы о Силезской кампании 1760 г., когда Даун и русские не могли продвинуться ни на один шаг вперед, будучи озабочены, как бы король не обрушился на них и не разбил бы их в том или другом пункте»[2]. Замечу по этому поводу, что по всему смыслу учения Клаузевица такая осмотрительность и осторожность при наличии большого перевеса сил должны рассматриваться как полная негодность полководца; потому-то заключительное суждение

[1] Часть VI, гл. 24 (русский перевод, т. II, стр. 171; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

[2] Часть VI, гл. 30 (русский перевод, т. II, стр. 249; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

относительно Дауна и звучит следующим образом: «Таким путем (т. е. в результате свойственных эпохе ложных взглядов. — *К.*) составлялись различные репутации и выдавались патенты на мастерство; даже фельдмаршал Даун мог прослыть великим полководцем, *хотя ему, главным образом, и обязан Фридрих Великий достижениями своих политических целей, а Мария Терезия — своей конечной неудачей*» [1]... «Вспомним только успехи Семилетней войны, где австрийцы пытались достичь цели с такой медлительностью, осмотрительностью и осторожностью, что *потерпели полную неудачу*» [2].

Если Дельбрюк держится того мнения, что всей военной системы XVIII столетия вообще не было бы достаточно для того, чтобы побороть Пруссию, что и гораздо более выдающийся человек, чем Даун, не был бы в состоянии опрокинуть на землю Фридриха II, то Клаузевиц, как мы видели, во всяком случае, не разделяет такого взгляда. Размер имевшихся средств, конечно, позволил бы союзникам одержать победу, но их боязнь риска, связанного с сражением, помешала им вступить на единственно возможный путь. В приведенном выше отрывке Дельбрюк поднимает вопрос: что́ могло бы произойти, если бы Даун со своим большим перевесом сил двинулся прямо на короля? И он отвечает на этот вопрос так: Даун был бы великолепнейшим образом побит. Однако, этот ответ я ни в коем случае не считаю окончательным решением. Можно, конечно, согласиться, что Фридрих, пожалуй, еще имел бы возможность одержать одну или две победы; вообще же не может быть сомнений, что энергичное использование вооруженных сил союзников было бы действительно достаточным средством для того, чтобы в конце концов свалить и его. Если бы Даун имел охоту к драке, то он мог бы рассчитывать на победу. Следовательно, приведенное выше положение — «Уничтожение неприятельских сил составляет основной принцип войны и главный путь к цели во всей области позитивных действий» — имело бы значение и для Дауна, если бы он хотел достигнуть своей цели в наступательной войне, политически направленной к сокрушению врага. Именно для большой позитивной цели Австрии недостаточно было направлять свое стремление больше на измор и

[1] Часть VIII, гл. 8, раздел Б (русский перевод, т. II, стр. 352; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

[2] Часть VIII, гл. 9 (русский перевод, т. II, стр. 410; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

истощение, чем на сокрушение противника; недостаточно было довольствоваться владением территорией и прикрывающими позициями.

Если в этой гигантской борьбе, происходившей в XVIII столетии, один из противников временами и мог ограничиться таким стремлением, то это был Фридрих, *так как он находился в положении обороняющегося.* Справедливость этого замечания выяснится из рассмотрения того своеобразного противопоставления наступления и обороны, которое составляет следующую важную часть учения Клаузевица и пронизывает всю его систему мышления [1].

Оборона — более сильная форма войны, преследующая негативную цель; наступление же — более слабая форма, имеющая позитивную цель [2].

Поразительно! Клаузевиц считается в Германии самым глубоким и острым мыслителем в военной области, благотворное влияние его умственного творчества всеми признается и восхваляется, однако более или менее энергичные возражения против приведенного выше положения не прекращаются. Наиболее выдающиеся немецкие военные писатели следующим образом формулируют свою, противоположную Клаузевицу, точку зрения. Генерал Меккель (Meckel) говорит: «Решение обороняться — это первая сту-

---

[1] Я умышленно не касаюсь более подробно точки зрения самого Фридриха II на военное искусство его времени, так как это и вовсе вывело бы меня за намеченные пределы. Дельбрюк защищает в этом отношении тот взгляд, что превосходство Фридриха над его современниками заключалось не столько в его своеобразном и опережавшем эпоху *понимании* существа войны, сколько в большей силе его *характера.* Еще и двадцать лет назад я не отвергал целиком этого мнения; сейчас я могу пойти еще на один шаг дальше и признать, что характеристика Фридриха, принадлежащая Дельбрюку, рисует короля как безусловно цельную личность, в то время как противоположная точка зрения все же должна считаться с некоторыми внутренними противоречиями в его словах, сказанных в разное время и по различным поводам. Поэтому я не хочу выдвигать никаких возражений, если Фридрих рассматривается как подлинный и настоящий представитель той стратегии, которая *действительно соответствовала* XVIII столетию. Однако, тем большее значение приобретает тогда то обстоятельство, что противники Фридриха были далеки от этой стратегии, как небо от земли, и Даун не в меньшей мере, чем все остальные. Они были на самом деле больны тем пристрастием к маневру, которое Бюлов позднее привел в научную систему, а потому они и не достигли своей цели.

[2] «Пояснение» и ч. VI, гл. 1 (русский перевод, т. I, стр. 26 и т. II, стр. 7. — *Ред.*).

пёнька к беспомощности»[1]. Генерал фон-Блюме (v. Blume) поясняет: «Стратегическое наступление является поэтому *самой действительной* формой ведения войны, которая одна только ведет к конечной цели, независимо от того, является ли цель войны позитивной или негативной»[2]. Генерал фон-дер-Гольц (v. d. Goltz) в своем труде «Вооруженный народ» («Volk in Waffen») высказывает мнение, что «представление о большей силе обороны покоится, помимо всего прочего, на заблуждении», и он заканчивает эти свои слова таким выводом: «Вести войну — значит наступать»[3]. В новом его труде «Ведение войны и вождение армий» («Krieg- und Heerführung») я не нашел такой резкой противоположности Клаузевицу, но та же основная тенденция выдержана и в этой книге.

Конечно, не без колебания решаюсь я выступить против таких авторитетных голосов, причем я, несомненно, подвергаюсь опасности прослыть сугубым «теоретиком». Однако, я хочу итти на этот риск, так как считаю такое заступничество за Клаузевица настоятельно необходимым.

Прежде всего, мне представляется делом серьезного значения не разрушать доверия к обороне. Ни один полководец и ни один командир, какого бы ранга он ни был, не в состоянии все время действовать наступательно, и если он обстановкой вынуждается именно к обороне, то в высшей степени желательно, чтобы и он сам и его подчиненные питали к ней доверие.

Я не понимаю также, почему не хотят позволить Клаузевицу понимать вещи именно так, как он о них думает. По его объяснению, часто им повторяемому, оборона состоит не только в защите, но в это понятие входит обязательно также и контрудар, так же как в учебном фехтовании оборона складывается из выпадов и парирования. Оборона характеризуется ожиданием первого наступления, но не тем, что приходится терпеть и страдать. «Быстрый, могучий переход в наступление — этот сверкающий меч возмездия — составляет самый блестящий момент обороны. Кто мысленно не связывает с ним оборону или, даже более, кто не включает этот момент непосредственно в понятие ее, для того превосходство обороны никогда не будет ясным»[4]. Ведь

---

[1] «Общее учение о вождении войск» («Allgemeine Lehre von der Truppenführung»), стр. 35.

[2] «Стратегия» («Strategie»), стр. 201.

[3] Там же, стр. 276 и 284.

[4] Часть VI, гл. 5 (русский перевод, т. II, стр. 23. — *Ред.*).

это понятие обороны, установленное Клаузевицем, фактически вошло в практическую жизнь германской армии, как это обнаружилось в блестящем сохранении ею наступательного духа во всех оборонительных положениях 1866 и 1870—1871 гг. и как это постоянно доказывают упражнения на местности и на картах. Каждый, кто оказывается вынужденным занять оборонительное положение, — будь то стратегическое или тактическое, — всегда, прежде всего, думает о том, как организовать контрнаступление; действительно, мы все время убеждаемся, что охарактеризованная выше точка зрения была высказана слишком поспешно и без учета весьма существенных соображений. Поэтому я могу совершенно не опасаться, что тот способ, каким Клаузевиц противопоставил наступление и оборону, каким-либо образом может ослабить дух предприимчивости и заставить командование отказаться от больших целей. «*Раз оборона — более сильная форма ведения войны, но преследующая негативную цель, то из этого следует само собой, что ею должно пользоваться лишь в течение того промежутка времени, пока в ней нуждаются вследствие своей слабости, и от нее надо отказаться, раз только налицо будет достаточная сила, чтобы поставить себе позитивную цель*»... «*Кто чувствует в себе излишек сил, чтобы пользоваться слабейшей формой, тот вправе стремиться к более крупной цели; тот же, кто задается более мелкой целью, может это делать лишь для того, чтобы использовать выгоды более сильной формы*» [1].

Предпосылкой вышесказанного является, конечно, то, что превосходство оборонительной формы над наступательной действительно существует само по себе. Я хочу только добавить, что основания, которые Клаузевиц приводит в той части своего труда, которая посвящена обороне, не вполне убедительны. Он, повидимому, и сам это чувствовал, так как в последнем пояснении к своему труду он совершенно определенно говорит об этой VI части, что ее надо рассматривать лишь как опыт и что ему «хотелось бы ее совершенно переработать и найти для нее другое русло» [2]. Однако, под этим он мог понимать только ход доказательства, ибо самый тезис, вызывающий сомнение, он формулирует совершенно ясно в той же заметке среди прочих истин, которые могут быть установлены с полной очевидностью.

[1] Часть VI, гл. 1 (русский перевод, т. II, стр. 7 и 9; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

[2] Русский перевод, т. I, стр. 25. — *Ред.*

Поэтому я могу, не колеблясь, назвать в известной мере ошибочной главу вторую этой части, где характеризуется соотношение наступления и обороны *в тактике*. Клаузевиц рассматривает там же моменты, обеспечивающие превосходство, в правильном использовании которых, собственно, и заключается искусство командования, а именно — преимущество местности, внезапность и нападение с нескольких сторон. Численность и качество войск он при этом не принимает во внимание, так как они даются полководцу как определенные величины. Те же три момента, которые обеспечивают превосходство, он хочет принимать в расчет преимущественно только для обороны.

Верно, конечно, что выгоды местности идут на пользу, главным образом, обороне. Она выбирает себе позиции таким образом, чтобы ее огневые средства могли быть применены наиболее эффективным образом и чтобы свои войска одновременно получили наилучшее укрытие. Это преимущество в течение XIX столетия возросло в такой степени, о какой в начале века не имели совершенно никакого представления. Правда, Клаузевиц уже ожидал, что «особенности местности и почвы теперь более, чем когда-либо, будут влиять на военные действия», но он не мог знать, в какой мере этот тезис будет подтверждаться усовершенствованием огнестрельного оружия. В настоящее время *укрытие* играет прямо-таки решающую роль во всех боях. Именно оно позволяет использовать дальнобойное скорострельное оружие и дает возможность слабому померяться с сильным. Сейчас каждый пехотинец прекрасно знает, какое огромное преимущество бывает на его стороне, если, лежа за хорошим укрытием, он может с выгодой применить свое ружье против неприятельских бойцов, которые вынуждены преодолеть сперва большое открытое пространство, прежде чем их огонь по маленькой цели принесет хотя бы минимальный результат. Преимущество местности сейчас целиком на стороне обороны, и в тактическом отношении *одного этого достаточно, чтобы оправдать изречение Клаузевица.*

Однако, Клаузевицу не удалось показать с достаточной убедительностью, что внезапность и нападение с нескольких сторон тоже действуют в значительно большей мере в пользу обороны, чем в пользу наступления. Он представляет себе оборону, внутренне связанную с избранным ею полем сражения, а потому чрезвычайно искусную в использовании выгод местности, и полагает, что вследствие этого оборона имеет возможность в ходе боя, используя силу и форму

ударов, наносимых ею противнику; в большей мере воздействовать на него внезапностью и охватывать его, чем это может сделать наступление при организации объединенных действий. Клаузевиц не учитывает, однако, что при правильной подготовке наступающие войска тоже могут обладать высоким искусством в использовании местности, и при этом условии они также не упустят возможности в отдельных случаях действовать с помощью внезапности и нападения с нескольких сторон. В особенности это касается нападения с нескольких сторон при объединенных действиях, так как значение этого за полстолетия возросло в невиданной ранее степени. *Концентрический огонь* из орудий и ружей стал средством, с помощью которого наступление могло победоносно преодолевать даже сильнейшие преимущества местности, занятой обороняющимся.

При противопоставлении наступления и обороны *в стратегии* Клаузевиц опять-таки выдвигает сначала бесспорно правильное положение, когда он выгоды местности и в этом случае приписывает обороне. Все наиболее значительные местные предметы и особенности рельефа — линии рек, болотистые низменности, значительные лесные пространства, горы — являются, прежде всего, препятствиями для движения, затрудняющими наступление, а потому благоприятствующими обороне; это отнюдь не исключает того, что оборона в результате *неправильного* использования этих особенностей местности может потерять свое преимущество. Такое неправильное использование обычно бывает тогда, когда оборона пытается использовать участок местности непосредственно в качестве позиции для боя своих главных сил. Обороне приходится тогда на опыте убеждаться, что она сама может быть успешной только в том случае, если сохранит в своих руках всю линию, тогда как наступающий достигает победы, если ему удается осуществить прорыв в одном месте. Для *правильного* использования такого оборонительного участка надо расположиться позади них, совершенно запереть, может быть, один или несколько проходов, а остальные оставить открытыми или организовать у них ложную оборону; центр тяжести действий надо перенести на контрнаступление против первой же крупной неприятельской части, которая, преодолев оборонительный участок, появится перед нашим фронтом.

В непосредственной связи с выгодами местности надо сказать о поддержке, которую оборона находит в собственной стране в результате предварительной подготовки театра

войны, т. е. благодаря крепостям и укреплениям, а также благодаря близости и изобилию ее ресурсов. В этом отношении к числу преимуществ обороны в настоящее время прибавляется, в качестве весьма важного и в высшей степени действительного фактора, *железнодорожная сеть*. Оборона рассчитывает, кроме того, на всю силу народа; она может использовать войсковые формирования второй, третьей и четвертой очереди, резервные, ландверные и ландштурменные войска, в такой мере, какая никогда не может быть достигнута стратегически наступающим; оборона может также гораздо легче организовать расположение войск на отдых и продовольственное снабжение их и совершенно иначе обслуживается сведениями о противнике. Когда Клаузевиц писал свою книгу, теперешнее понятие вооруженного народа только еще возникало и степень современной подготовки к войне лежала далеко за пределами его мышления. Полное же применение во всем своем объеме эти народные силы могут получить только при обороне собственной территории.

Сложнее обстоит вопрос, когда дело идет о нападении с нескольких сторон, осуществляемом в стратегической области. Клаузевиц держится в этом отношении целиком точки зрения Жомини: «В стратегии,— пишет Клаузевиц,— благодаря большим пространствам с большей силой выступает значение внутренних линий, т. е. линий более коротких, что служит значительным противовесом нападению с разных сторон»[1]. «Раз оборона воспримет принцип движения (это движение хотя и начинается позже, чем движение наступающего, но должно быть всегда достаточно своевременным, чтобы скинуть с себя оковы застывшей пассивности), то преимущество большей сосредоточенности и внутренних линий становится в высокой степени решающим и по большей части скорее ведущим к достижению победы, чем концентрическая форма наступления. А победа должна предшествовать успеху последней: надо преодолеть противника, прежде чем думать о том, чтобы его отрезать. Словом, мы видим, что здесь существует такое же соотношение, как и вообще между наступлением и обороной: концентрическая форма ведет к блестящим успехам, форма эксцентрическая более надежно обеспечивает свои успехи, наступление представляет собой более слабую форму с пози-

[1] Часть VI, гл. 3 (русский перевод, т. II, стр. 15.— *Ред.*).

тивной целью, оборона — более сильная форма с негативной целью»[1].

Здесь я ограничусь замечанием, что выше, касаясь Жомини, мы все время рассматривали операцию по внутренней линии, главным образом, с точки зрения наступления, которое ведется против центра широко растянутой стратегической оборонительной позиции. Клаузевиц показывает нам эту операцию как метод активной обороны, с помощью которого Фридрих II и герцог Фердинанд в Семилетнюю войну, Наполеон во второй половине своего похода 1796 г. и в кампанию 1814 г. достигли существенных успехов. Напомню, что до самого последнего времени положение Бенедека на Верхней Эльбе рассматривалось обычно, — совершенно в духе приведенных выше слов Клаузевица, — как безусловно выгодное. К вопросу о том, насколько справедливо это мнение для нашей теперешней эпохи, я смогу перейти лишь позднее.

Наконец, вопрос о внезапности в стратегической области. Клаузевиц хочет видеть преимущество в том, что обороняющийся может свои мероприятия приспосабливать к мероприятиям противника, что он имеет возможность делать ход *во второй руке*[2], и это утверждение издавна встречало серьезные возражения. Оно исходит от карточной игры, в которой ход во второй руке действительно дает преимущество. Но уже в шахматах дело обстоит иначе, и возможность сделать первый ход может дать искусному игроку преимущество, которое сохраняется в продолжение всей игры. В учебном фехтовании вопрос в значительной степени зависит уже от индивидуальности фехтовальщика, и это обстоятельство еще усиливается при состязаниях острым оружием. Наконец, на войне, где в душе каждого участника наряду с холодным расчетом происходит постоянная борьба противоречивых чувств, возможность первого хода, инициатива, является бесконечное множество раз испробованным средством, чтобы вызвать расстройство в рядах противника и обмануть его. Так как Клаузевиц сам придает величайшее значение борьбе психических сил, то необходимо тщательно рассмотреть, каким путем он мог притти к такому взгляду. По моему убеждению, он строго различает здесь образ мыслей (или чувства) полководца и

[1] Часть VI, гл. 4 (русский перевод, т. II, стр. 21. — *Ред.*).

[2] Часть VI, гл. 28 (русский перевод, т. II, стр. 206 и сл. — *Ред.*) и «Учебное пособие для обучения тактике», § 516 (русский перевод, т. II, приложение, стр. 505).

войск. А чтобы яснее представить себе отношение полководца к этому вопросу, он, следуя своему правилу или, по меньшей мере, своему пристрастию к такому методу мышления, обратился к примерам Фридриха II и Наполеона I. В данном случае приходится с ним согласиться, что оба эти полководца во всех бесспорно оборонительных положениях, в которые их ставила обстановка, никогда не поддавались импонирующему воздействию мероприятий, которые осуществлялись их противниками, обладавшими инициативой, и, делая ход во второй руке, всегда прекрасно умели обеспечивать себе преимущество. В одном месте Клаузевиц высказывает мысль: «...То, что делает гений, должно являться лучшим правилом, и теория ничего лучшего сделать не может, как показать, как и почему действовал гений» [1]. Однако, мы должны все же подумать, следует ли в такой мере обобщать моральное превосходство великих полководцев, как это делает учение о преимуществе действий во второй руке.

Что же касается чувств войск, то Клаузевиц не пытается оспаривать того положения, что из сознания принадлежности к наступающей стороне вытекает чувство превосходства. «...Однако, эти чувства очень скоро тонут в более общем и сильном чувстве, которое придают армии ее победы и поражения, талантливость или неспособность ее вождей» [2]. С этим тоже надо согласиться. Однако, пока образуется наиболее высокое и сильное чувство армии, привыкшей к победам, — а после каждого мирного периода оно должно создаваться заново, — до тех пор возвышающее чувство принадлежности к наступающей стороне остается все же весьма значительной силой, которую нельзя недооценивать и которая сослужила пруссакам большую службу в 1866 г.

Но если мы не хотим признать своеобразного преимущества игры во второй руке, то мы должны все же согласиться с Клаузевицем, что *выжиданию* (abwarten), этой характерной особенности обороны, внутренне присуще другое, существенное преимущество. Оно заключается в том, что «...*все время, которое протекает неиспользованным, ложится на чашу весов обороняющегося. Последний жнет там, где не сеял. Каждое упущение наступающего, происходит ли оно вследствие ошибочной оценки или от страха или инертности, идет на пользу обороняющегося. Это преиму-*

---

[1] Часть II, гл. 2, § 13 (русский перевод, т. I, стр. 124.— *Ред.*).
[2] Часть VI, гл. 3 (русский перевод, т. II, стр. 18.— *Ред.*).

ществ не раз спасало от гибели Пруссию в течение Семилетней войны» [1].

Необходимо предварительно рассмотреть здесь один вывод, который логически относится, собственно, только к рассмотрению вопроса о наступлении, но, с другой стороны, столь бесспорно подтверждается каждым экскурсом в историю, что я могу ограничиться только весьма кратким перечнем обоснования этого вывода. Речь идет о вытекающем из опыта заключении, что «*каждое наступление по мере продвижения вперед ослабляет себя*» [2]. Наступающий должен прибегать к блокаде крепостей обороняющегося и наблюдать за ними, должен занимать войсками захваченную территорию, чтобы обеспечить там свое господство и создать прикрытие для сообщений со своей собственной страной; наконец, он не может пополнять свои потери в боях и при передвижениях даже приблизительно в той же мере, в какой он их несет. Он не может обеспечить это даже и в настоящее время, несмотря на железные дороги, так как на неприятельской территории установление железнодорожного сообщения со своим глубоким тылом вряд ли может итти таким же темпом, как продвижение победоносной армии. А раз это так, то течение времени само по себе идет на пользу обороне, и она имеет полное основание включить в свой план «измор и истощение противника», которые в XVIII столетии *ошибочно* сыграли столь значительную роль также и в наступлении. Наконец, по этой причине отсрочка решающей схватки может стать для обороняющегося вполне обоснованным средством достижения более крупных успехов.

Клаузевиц различает четыре вида сопротивления противнику:

1) «Армия может атаковать неприятеля, едва только последний вторгнется на театр войны...»

2) «Она может занять позицию вблизи границы и выжидать, пока неприятель не появится перед нею с целью атаки, а в этот момент сама на него напасть...»

3) «В такой позиции армия может выжидать не только решения неприятеля дать сражение, т. е. появления его перед нашей позицией, но и фактического нападения...»

---

[1] Часть VI, гл. 1 (русский перевод, т. II, стр. 6; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

[2] Пояснение; ч. VII, гл. 1 и ч. VII, заключение (русский перевод, т. I, стр. 27; т. II, стр. 262—263, 318 и сл.; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*).

4) «Армия может перенести сопротивление внутрь страны»[1].

Первые два случая близки друг к другу, но все же должны достаточно отчетливо различаться. Самый первый случай относится к стратегической обороне только потому, что обороняющийся не переходит через границу; вообще же, это — случай самых что ни на есть наступательных действий, которые в современных условиях, очевидно, привели бы тактически к встречным боям. Во втором случае полководец считает необходимым отказаться от вторжения в неприятельскую страну, но в то же время хочет обеспечить сохранение своей территории в такой мере, в какой это невозможно в первом случае. Поэтому он располагает свои силы так, чтобы напасть на противника, который перед ним появится, в особенно благоприятных условиях, например, когда противнику приходится преодолевать такие трудности, как прохождение через горные или речные дефиле[2].

Третий случай — это настоящее оборонительное сражение, для которого местность не только выбирают, но и подготавливают и заключительный акт которого образует мощный контрудар.

Последний вид сопротивления — отступление внутрь страны — непосредственно рассчитан на уменьшение мощи наступающего и, как правило, во всяком случае при современной организации военного дела, должен вести одновременно к непосредственному увеличению своих боевых сил. В то же время это — та форма действий, с которой обороняющийся легче всего может связать стратегические действия во фланг противнику, для чего он должен уклониться в сторону от главного направления, ведущего к центру своей страны. Чем дальше в тылу лежит тот пункт, у которого оборона стремится достигнуть перелома, тем большая

[1] Часть VI, гл. 8 (русский перевод, т. II, стр. 37—38. — *Ред.*).

[2] Так как генерал фон-дер-Гольц в своем труде «Ведение войны и вождение армий» договаривается до утверждения, что лишь с трудом можно представить себе действия, являющиеся одновременно стратегически оборонительными и тактически наступательными, то я обращаю здесь внимание на то, что обстановка, в которой находится Германия, близко подходит именно к такому положению. Французская граница с Германией в такой мере усилена укреплениями, что немцам, безусловно, потребуются все их силы для преодоления в тактико-стратегическом наступлении ожидаемого там сопротивления. С другой стороны, и в войне на два фронта немцы могут рассчитывать немедленно выступить навстречу противнику и напасть на него, как только он сам выйдет из-за прикрытия своих пограничных укреплений и начнет наступательные операции против немцев.

часть страны попадает тем временем в руки наступающего и должна принять на себя тяготы войны; тем больше, однако, будут и последствия победы, достигнутой обороной, тем страшнее будет контрудар для наступающего, ушедшего так далеко от своей родной страны. Самый большой успех, которого когда-либо достигала оборона, был одержан на этом пути в 1812 г.; наградой за такой образ действия было *полное уничтожение* действительно огромнейшей наступательной армии, которую вел самый могучий, т. е. одновременно и самый опытный и самый безудержный представитель стратегического наступления. О проявившуюся здесь *силу обороны* фактически разбилось мировое владычество Наполеона.

Признание этого приобретает тем большее значение, когда убеждаешься, что образ действий Наполеона в этой гигантской борьбе был совершенно правильный и даже единственно возможный и что всякая попытка разделить решение поставленной задачи между двумя походами привела бы к тому же — к отказу от достижения конечной цели. Что дело обстояло именно так, это неопровержимо, со свойственной ему ясностью, показал военный философ Клаузевиц[1]. Я перехожу теперь к высказываниям Клаузевица о *позитивной форме ведения войны* — о *наступлении;* вряд ли необходимо при этом особенным образом обращать внимание моих читателей на то, что в этих высказываниях мы на каждой странице встречаем образ мыслей Наполеона I, практического учителя той эпохи[2].

Победа в сражении и использование победы в энергичном преследовании — таково главное содержание этих поучений; они же составляют и ядро теории Жомини. Здесь тоже неоднократно подчеркивается, что тактический успех на поле сражения должен быть первой и важнейшей целью всех усилий и что при всякой обстановке он должен сохранять свое величайшее и важнейшее значение. Также и захождение в тыл противнику рассматривается как первый шаг к могучему увеличению успеха, а *сражение с перевернутым фронтом* — как решающее средство для того, чтобы

[1] Часть II, гл. 5; часть VIII, гл. 4 и 9 (русский перевод, т. I, стр. 152 и сл.; т. II, стр. 356 и сл. и стр. 393 и сл. — *Ред.*).

[2] Молодой французский штабной офицер Камон (Camon) в «Военно-научном журнале» (Journal des sciences militaires) за 1900 г. в очерке о Клаузевице изображает дело так, как будто Клаузевиц не только абсолютно не понял Наполеона, но и вообще представляет собой совершенно туманную голову, а потому его нельзя принимать всерьез.

оттеснить противника от пути его отступления и в преследовании уничтожить его. Наконец, ясно высказывается мысль, что обложение и осада неприятельских крепостей в особенно большой степени ослабляют наступление, а потому надо их, по возможности, избегать.

Наоборот, необходимо подчеркнуть здесь весьма существенное все же различие между взглядами Клаузевица и Жомини на сущность простого стратегического обхода. Клаузевиц, безусловно, остерегается принять выдвинутую Жомини принципиальную предпосылку, что надо достигнуть неприятельской коммуникационной линии, *не подвергая опасности свою собственную;* он воздерживается, следовательно, выставлять требование, которое может быть осуществлено в действительности только при редко встречающихся благоприятных географических условиях. Он держится, напротив, того мнения, что «сражения с охватывающим или даже с перевернутым фронтом, которые по-настоящему *должны были бы* являться следствием выгодного соотношения коммуникационных линий, обычно представляют собой результат морального и физического превосходства»[1]; тем самым его учение о наступлении надежно защищено от всех преувеличений географического принципа. Но Клаузевиц, конечно, уже не считает особо замечательным проявлением гения, если полководец перед началом в известной мере рискованного стратегического передвижения так строит свои приготовления, чтобы в случае вероятной потери прежней коммуникационной линии иметь возможность возобновить сообщения с источниками своих ресурсов по другому направлению. Он не приходит в экстаз по поводу «перемены коммуникационной линии» и новой «случайной линии» (ligne accidentelle), как это делает Жомини, но видит в этом только одно из многочисленных испытаний характера, которые постоянно должен выдерживать полководец, желающий осуществить идею, которая сама по себе чрезвычайно проста.

Как в разделе своего труда, посвященном обороне, Клаузевиц весьма основательным и убедительным образом охарактеризовал оборонительное значение речных и горных рубежей, в особенности же сущность обороны речного рубежа, так и в разделе, посвященном наступлению, мы должны быть признательны ему за установление раз-

[1] Часть VII, гл. 7 (русский перевод, т. II, стр. 272; подчеркнуто Кеммерером.— *Ред.*

личного рода понятий и ряд пояснений, которые оказались в высокой степени ценными для науки. Я причисляю сюда его описание различных стадий преследования, в первую же очередь его рассуждения о *кульминационном пункте победы*[1], о том пункте, когда ослабление силы наступления (выше мы уже касались этого) угрожает опасностью перелома в развитии боевых действий и когда, вследствие этого, даже могучий и обладающий величайшей энергией победитель может оказаться вынужденным прекратить дальнейшее продвижение и удовольствоваться сохранением уже достигнутого и завоеванного. Для целей моего исследования нет необходимости более подробно рассматривать эти вопросы.

Зато я обращаюсь теперь к уже затронутому раньше вопросу: в каком плане Клаузевиц предполагал выполнить окончательную обработку своего труда? В предпосланном труду «О войне» пояснении автор высказывается в том духе, что он хотел бы резче очертить *двойственный* метод ведения войны. «Двойственность метода ведения войны выражается в следующем. Целью войны может быть *сокрушение врага*, т. е. его политическое уничтожение или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать любой мир, или же целью войны могут являться *некоторые завоевания у границ своего государства*, чтобы удержать их за собою или же воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира. Конечно, будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войны, но глубокое природное различие двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать, а их несовместимые стороны необходимо отделять одну от другой»[2]. Исходя из этой точки зрения, Клаузевиц хотел сначала переработать фактически имеющиеся беглые наброски к разделам о наступлении и плане войны и только после этого вернуться к уже обработанным первым шести частям, посвященным последовательно природе войны, теории войны, стратегии вообще, бою, вооруженным силам и обороне.

Дельбрюк полагает[3], что Клаузевиц, упоминая о втором методе ведения войны, при котором стремятся совершить

[1] Часть VII, гл. 5 и конец этой части (русский перевод, т. II, стр. 262 и сл.— *Ред.*).

[2] Русский перевод, т. I, стр. 23; подчеркнуто Каммерером.— *Ред.*

[3] «Прусский исторический и географический журнал», 1881 г., № 11/12, стр. 555 и Г. Дельбрюк. Исторические и политические статьи («Historische und politische Aufsätze»), 1886 г., раздел III, стр. 10—12.

некоторые завоевания у границ своего государства, имел в виду историческую стратегию XVIII столетия, и не только стратегию Фридриха II, но и стратегию его противников т. е. также и то военное искусство, которое видело свою задачу больше в изморе и изматывании противника, чем в его сокрушении, больше в маневре, чем в нанесении ударов. С этой точки зрения Клаузевиц при намечавшейся им переработке своего труда должен был бы, совершенно очевидно, перечеркнуть все свои резкие суждения о стратегических ошибках предшествовавшей военной эпохи и, особенно, суждения относительно Дауна, с которыми я выше уже познакомил читателей.

Я держусь, наоборот, того мнения, что хотя Клаузевиц и хотел противопоставить наступлению, направленному к полному сокрушению врага, наступление «с ограниченной целью», но он считал, что и для этого наступления с ограниченной целью сохраняет свою силу выставленное им второе фундаментальное положение: *уничтожение неприятельских боевых сил составляет основной принцип войны и главный путь к цели во всей области позитивных действий.*

Когда двадцать лет назад я высказывался по этому вопросу, я писал следующее: «У Клаузевица имеется план войны, рассчитанный на полное сокрушение Франции, для осуществления которого он предполагал наличие *объединенных* сил Австрии, Пруссии, остальной Германии, Нидерландов и Англии; может быть, наряду с этим планом он хотел выдвинуть другой план, при котором один только Германский Союз, не имеющий возможности, вследствие вероломства соседей, развернуть все свои силы к одной стороне, должен был применить свои боевые средства, чтобы в новой войне с Францией решить спор на неприятельской территории, т. е. хотя и вести войну наступательно, но, учитывая соотношение сил сторон, без вероятности третьего вступления в Париж? Может быть, идеи, кристаллизировавшиеся в таком примере, должны были сквозить затем в уже готовом материале и учитываться при обработке текста, имеющегося пока в виде набросков? Если придерживаться принятого самим Клаузевицем разделения материала, то тщательной разработке должен был бы подвергнуться вопрос о *наступлении с ограниченной целью*[1], и это оказало, в свою очередь, влияние на раздел об обороне и

[1] Понятие это встречается в наброске к VIII части, гл. 5 и 7 (русский перевод, т. II, стр. 366—369 и 383—387. — *Ред.*).

на общие разделы труда. В этом и можно было бы, в известном смысле, видеть завершение труда. Ибо для наступления, имеющего целью полное сокрушение противника, известного рода предпосылкой является наличие действительного и к тому же значительного превосходства, будь то численности войск, вооружения, организации или качества командования и войск; однако, при ревностном стремлении всех великих держав находиться в этом отношении на одинаково высоком уровне вполне мыслим случай, когда та или другая сторона чувствует себя достаточно сильной для наступления, но только для наступления с ограниченной целью, т. е. для такого наступления, которое, сознавая убывание своей силы, добровольно отказывается от распространения своих первых успехов для овладения *более обширным пространством* и придает гораздо большее значение тому, чтобы в кульминационном пункте победы располагать тесно сосредоточенными массами войск».

Изложенная в этих строках точка зрения получила за это время подтверждение, которым я могу быть очень доволен. В «Военной корреспонденции Мольтке за 1859 г.» («Militärische Korrespondenz Moltkes von Jahre 1859») была опубликована в приложении памятная записка Клаузевица, составленная им зимой 1830/31 г. Тогда в Пруссии приходилось считать войну с Францией весьма вероятной, и Клаузевиц рассчитывал участвовать в этой войне в качестве начальника штаба главнокомандующего фельдмаршала Гнейзенау. Памятная записка, написанная при таких обстоятельствах, т. е. под углом зрения чисто практических соображений, представляет собой план *наступления с ограниченной целью* в том виде, как я его считал возможным в приведенной выше выдержке; стремление к сражению является в этом плане, безусловно, центральной идеей, причем автору его отнюдь не приходит в голову искать прикрывающих позиций, при помощи которых наступление могло бы перенести центр тяжести на выматывание и истощение противника.

Противопоставление обоих планов войны против Франции, разработанных Клаузевицем, дает нам прочную опору для решения вопроса, в каком направлении должна была бы вестись обработка труда «О войне» и какая точка зрения, историческая или практически-учебная, явилась бы при этом решающей.

План, имеющий целью полное сокрушение Франции[1], предполагает общую политическую обстановку эпохи Священного Союза, которая позволяла Австрии и Пруссии почти все свои силы направить на запад. К этим войсковым массам присоединяются четыре союзных армейских корпуса остальных германских государств, войска объединенных, т. е. включавших и Бельгию, Нидерландов и вспомогательная английская армия. В целом это составляет 725 000 человек собственно полевых войск, т. е. без резервных войск и гарнизонов внутри союзных стран. Так как население всех этих стран вместе взятых насчитывало около 75 миллионов, то силы, призванные сражаться в первой линии, составляли определенное количество людей, равное приблизительно 1% населения; по той же норме, принятой тогда повсюду, следовало ожидать, что Франция сможет немедленно же выставить полевую армию в 300 000 человек. Правда, в тылу французской полевой армии не было организации, подготовленной еще в мирное время, по типу прусского ландвера; с другой стороны, приходилось считаться с тем, что многочисленные французские крепости смогут покрыть основную свою потребность в гарнизонах из состава национальной гвардии (не обученной), а кроме того, необходимо было, конечно, предвидеть, что в течение кампании полевая армия получила бы весьма значительные подкрепления за счет призывного возраста текущего года и за счет добровольцев. Французская армия в мирное время была необычайно богата офицерским и унтерофицерским составом, а потому была в состоянии обеспечить свои резервные войска и свежие формирования дееспособными командирами, кроме того, из наполеоновской эпохи были еще хорошо памятны все те широкие мероприятия, при помощи которых сотни тысяч людей в сравнительно короткое время подготавливались настолько, что в рамках опытной в военном отношении армии они, конечно, могли занять свое место.

725 000 человек союзных войск не могли все же все вместе перейти французскую северную и восточную границы. 50 000 австрийцев необходимо было на всякий случай оставить в итальянских областях империи; 25 000 англичан целесообразно было использовать для создания угрозы длинной береговой линии Франции, чтобы сковать там значи-

[1] Часть VIII, гл. 9 (русский перевод, т. II, стр. 393—428.— *Ред.*) Время написания этой главы — вероятно, 1828 г.

тельные силы противника; наконец, Клаузевиц сбрасывает со счетов еще 50 000 человек для усиления гарнизонов пограничных крепостей. Тогда остается 600 000 человек. Объединение их в одну единственную армию, что, по общим взглядам Клаузевица, было бы для него наиболее желательной организацией, не может, конечно, приниматься во внимание, так как результатом этого явились бы слишком большие обходные движения и слишком значительная потеря времени и, кроме того, серьезные трудности в продовольственном снабжении. Поэтому 300 000 пруссаков, северных германцев, нидерландцев и англичан должны собраться в Нидерландах, точнее — в Бельгии, а 300 000 австрийцев и южных германцев — на Верхнем Рейне. Первая из этих армий должна была двигаться прямым путем на тогда еще не укрепленный Париж, другая — в общем направлении через верховья Сены на Луару, выше Орлеана. При таком общем определении направлений можно быть уверенным, что по дороге удастся встретить главные силы противника, особенно если есть желание и стремление встретить их и разбить. Армия, двигающаяся из Бельгии, должна преодолеть расстояние около 30 миль, двигающаяся с Верхнего Рейна — немного более 50 миль; они могут войти в соприкосновение только после того, как первая из них после Парижа продвинется далее к югу. До этого они не должны зависеть друг от друга; каждая из них должна действовать самостоятельно, как будто она существует на земле одна. Клаузевиц рассматривает оба далеко отстоящих друг от друга района, через которые армии двигаются в начале кампании, как два совершенно раздельных театра войны. «Оба наши наступления имеют каждое свою цель; развернутые в них силы, по всей вероятности, значительно превосходят силы противника; если каждое энергично пойдет своим путем, то они, несомненно, окажут друг на друга благотворное влияние. Если бы одно из двух наступлений подверглось неудаче вследствие того, что неприятель очень неравномерно распределил бы свои силы, то можно с полным правом рассчитывать, что успех другого сам собой загладил бы этот ущерб, а в этом и заключается истинная связь обоих. Связь, распространяющаяся на события каждого дня, конечно, по дальности расстояния между ними существовать не может, да она им и не нужна; поэтому непосредственная или, вернее, прямая связь между ними не

имеет особой цены»[1]. Тем не менее, должно быть связующее звено, состоящее преимущественно из кавалерии, небольшое по численности (10 000—15 000 человек), для того чтобы очищать от неприятельских партизанских отрядов пространство между обеими армиями. Далее Клаузевиц пишет: «Мы твердо убеждены, что таким путем Франция может быть сокрушена и наказана всякий раз, как ей вздумается вновь проявить ту заносчивость, с которой она угнетала Европу в течение последних ста пятидесяти лет. Лишь по ту сторону Парижа, на Луаре, можно добиться от нее тех условий, которые необходимы для мира Европы»[2].

Теперь — о наступлении с ограниченной целью, проектировавшемся зимою 1830/31 г.

После Французской Июльской революции во всех уголках и концах Европы происходит брожение и кипение. Бельгийцы отъединились от Голландии и хотели иметь королем принца из Орлеанского дома, только что пришедшего к власти во Франции. Поляки восстали и вначале одержали успехи, которые потребовали от русского правительства больших усилий и делали весьма вероятным распространение этого движения также на бывшие польские области, входившие в состав Австрии и Пруссии. Наконец, в Италии существовала сеть тайных организаций, от которой австрийское правительство должно было немедленно ожидать серьезных затруднений для себя и для дружественных малых государств, как только оно само окажется втянутым в тяжелые бои. Следовательно, в случае войны против Франции на Австрию приходилось рассчитывать очень мало. Вооруженные силы Нидерландов значительно уменьшились, а содействие Англии Клаузевиц оставляет под вопросом. К французам же прибавились силы Бельгии, и, кроме того, следует считать, что только что удавшаяся революция побудит французский народ к горячему участию в обороне страны.

Вследствие изменившейся обстановки ранее разработанный план совершенно исключается. Необходимо все же взвесить, следует ли объединить почти все имеющиеся боевые силы Германии в одну армию на Среднем Рейне и оттуда двигаться на Париж (расстояние — 50 миль). Голландские вооруженные силы, естественно, не играют при этом никакой роли; их недостаточно даже для того, чтобы надежно

[1] Русский перевод, т. II, стр. 426. — *Ред.*
[2] Там же, стр. 427. — *Ред.*

воспрепятствовать возможным франко-бельгийским действиям против открыто лежащей прусской Рейнской провинции. При слабости общегерманской организации нельзя также надеяться на то, что южногерманские государства на Верхнем Рейне будут полагаться на ту защиту, которую образует река; напротив, следует ожидать, что они будут считать необходимым иметь там с оборонительной целью более крупные силы. Поэтому Клаузевиц сомневается в том, чтобы удалось, выступив с Среднего Рейна, появиться перед Парижем с достаточными силами, т. е. с такими боевыми силами, которые и там могли бы еще обеспечить победу в генеральном сражении и с которыми можно было бы решиться двигаться и дальше Парижа. Однако, наступление, которое должно было бы перед воротами Парижа повернуть обратно или вовсе не достигло бы столицы, означало бы полное крушение всего предприятия.

Поэтому предложение Клаузевица сводится к тому, чтобы захват Бельгии сделать настоящей целью наступления. «Эта страна, небольшая по территории и богатая ресурсами, охватывается Голландией и Германией; поэтому после завоевания ее расположенные там вооруженные силы не будут образовывать клина, глубоко врезающегося в неприятельскую территорию, а потому это завоевание при обычных условиях может быть закреплено и на длительное время. Хотя настроение в Бельгии при первом отпадении ее было еще весьма накаленным и враждебным, однако там были приверженцы различных партий, в частности в Антверпене и в Генте в этой связи можно было ожидать в ближайшее время политического переворота; это тоже облегчило бы удержание страны. Все эти обстоятельства, конечно, содействуют завоеванию, облегчают его. Какие бы силы ни выставили французы в Бельгии, все же они всегда были бы там относительно слабее, чем внутри своей собственной страны. После овладения Маасом до впадения Самбры можно считать завоевание Бельгии, в основном, совершившимся фактом, ибо, если даже лежащие по прямой линии вдоль границы крепости Монс, Турне, Куртре и т. д. не находятся в руках союзников, последние могут все же утвердиться в Бельгии. На Маасе же необходимо взять Венло, Люттих (Льеж. — *Ред.*) и Намюр, из которых только последняя крепость могла бы оказать более длительное сопротивление. Таким образом, мы думаем, что если вооруженные силы союзников должны иметь возможность где-либо одержать победу,— а это должно обязательно предполагаться при вся-

ком наступательном плане, — то при завоевании Бельгии эта победа дала бы самый легкий и более всего обеспеченный результат».

Мысль о том, что дело заключается, прежде всего, в победе, одержанной в сражении, повторяется в памятной записке еще по разным поводам с отчетливостью, исключающей всякое сомнение; однако, нигде нельзя найти хотя бы малейшего намека, из которого можно было бы заключить о склонности к пассивным формам обороны, т. е. к сильным или даже неприступным позициям. Конечно, в этом случае после победы в генеральном сражении на первый план должен выступить захват некоторых крепостей, и в продолжение этого периода основная армия должна быть готова к отражению неприятельских попыток выручить осажденные крепости. Но она может использовать в этом случае самую активную форму обороны, при которой переходят в наступление немедленно, как только противник вторгнется на наш театр войны; она отнюдь не должна ограничиваться удержанием прикрывающих позиций.

Клаузевиц считает, что Пруссия должна оставить в тылу два из своих армейских корпусов: расположенный дальше всего от Рейна 1-й корпус — для поддержания порядка в своих польских областях; затем гвардейский корпус, который позднее всего может быть приведен в боевую готовность, — для могущей понадобиться поддержки 1-го корпуса или для других непредвиденных случаев [1]. Семью прусскими корпусами и обоими северогерманскими союзными корпусами (9-м и 10-м) он хочет из прусской Рейнской провинции вступить в Бельгию и искать там решающего сражения. Он ожидает, что это генеральное сражение произойдет самое позднее при форсировании Мааса, но принимает во внимание также случай, при котором французам удалось бы продвинуться дальше навстречу союзной армии. На южногерманские вооруженные силы (7-й и 8-й союзные корпуса) и на австрийские контингенты, сила которых кажется Клаузевицу, безусловно, сомнительной, возлагается непосредственная защита Южной Германии, причем он надеется, что эта армия своими главными силами соберется в Пфальце и оттуда двинется вперед на Верхний Мозель.

[1] Из так называемого дневника Клаузевица того времени явствует, что он в соответствующей инстанции тщетно оспаривал мысль об оставлении в тылу еще одного армейского корпуса, кроме 1-го; здесь, в своей записке, он считается уже с реальными обстоятельствами. Ср. Шварц, «Клаузевиц» (Schwartz, Clausewitz»), II, стр. 308 и 311.

чтобы вынудить этим противника к разделению своих сил. Чем смелее будет проведена эта операция, тем плодотворнее она должна быть; однако, она все время должна оставаться второстепенным делом, и возможное ее крушение вряд ли могло бы иметь решающее влияние на ход основной операции в том виде, как она однажды была запланирована.

Чем больше углубляешься в этот план войны, тем больше сознаешь исключительную ясность концепции и живое чувство *действительности*, которые характерны для Клаузевица, тем более убеждаешься, что в 1831 г. именно предложенный им путь был бесспорно и единственно правильным. То, к чему в данном случае стремился Клаузевиц, осталось вне пределов возможного и все же дало толчок к крупным, может быть, блестящим победам. Для прусской армии под испытанным командованием Гнейзенау этот план установил, прежде всего, основные задачи и благодаря этому наилучшим образом подготовил дорогу прусской политике. Это было *наступление с ограниченной целью*, которое, однако, могло стать важным этапом на пути, по которому Пруссия пошла в наше время. Так как большинство наиболее авторитетных военных писателей современности категорически защищает принцип, что в войне всегда надо стремиться к наибольшему и что всякий принципиальный отход от этой линии является в большей или меньшей мере слабостью, то я не могу удержаться, чтобы не подчеркнуть со всей определенностью, что мудрость точки зрения Клаузевица вызывает во мне высокое восхищение.

Итак, если я держусь того мнения, что обработка труда «О войне» производилась бы в духе изложенного выше противопоставления двух различных методов наступательных действий — методов, основывающихся в обоих случаях на том принципе, что уничтожение неприятельских вооруженных сил является первым и важнейшим средством достижения успеха, — то можно все же сделать мне *одно* возражение, имеющее известную силу, а именно: в набросках к VII части имеется короткая глава (16-я), которая говорит о «наступлении на театре войны, когда не ищут решения»[1], и в которой сражение почти вовсе не предполагается, во всяком случае не стоит на первом плане, и это, несомненно, помогло Клаузевицу на этот раз вполне уяснить себе воззрение, господствовавшее в стратегии XVIII столетия.

[1] Русский перевод, т. II, стр. 293—297.— *Ред.*

На это возражение я могу только ответить, что эта глава в особенно большой степени принадлежит как раз к тем рабочим наброскам, которые появлялись *без предварительного плана*, как разъяснил нам совершенно отчетливо сам Клаузевиц, и что мы не должны поэтому слишком удивляться, если она *стоит в противоречии* с другими местами труда. Если же, с другой стороны, в разделе о плане войны, вернее в набросках к этой части труда, изучать те места, где речь идет о наступлении с ограниченной целью [1], то, несмотря на незаконченный характер их, сейчас же бросается в глаза, как хорошо они подходят к ставшему теперь известным плану войны, составленному на 1831 г. Поэтому для меня несомненно: при намеченной переработке VII части «наступление на театре войны, когда не ищут решения», безусловно, отпало бы и уступило бы место наступлению с ограниченной целью. *Как только это изменение было бы сделано, весь труд стал бы единым целым, совершенно законченным, внутренне согласованным зданием и тем учением для государственных людей и полководцев, которое соответствовало научному познанию и состоянию опыта 1830 г.* Дельбрюк сам подчеркивает, что Клаузевиц был прежде всего и в первую очередь военным писателем и лишь во вторую очередь историком [2]. Однако, с этой военной точки зрения Клаузевиц *должен был* намечать обработку своего труда именно таким образом, который больше всего отвечал практической потребности [3].

Этой наиболее значительной из всех военных теорий, с которой мы познакомились в основных ее чертах, можно с некоторым основанием приписать длительное значение. Теперь я должен показать моим читателям еще одну область этой теории, о которой трудно быть одинакового мнения.

Выше я уже касался того, что Клаузевиц целиком разделяет взгляд Жомини на превосходство внутренней операционной линии над внешними. Продвижение разделенных боевых сил с целью стратегического охвата он также считает весьма рискованным и рациональным только при исключительно большом превосходстве над противником,

---

[1] Ч. VIII, гл. 5 и 7 (русск. пер., т. II, стр. 366—369 и 383—387.— *Ред.*).

[2] «Исторические и политические статьи», ч. III, стр. 9.

[3] Ниже, в гл. VIII, будет показано, что Мольтке также рассматривал наступление с ограниченной целью как необходимую форму ведения войны.

под чем он понимает, конечно, не только большее количество бойцов, но и перевес всех материальных и моральных сил. Кроме того, Клаузевиц признает действительное значение внешних линий еще и тогда, когда первоначальное разделение вооруженных сил таково, что непосредственное соединение их потребовало бы слишком больших обходных движений, а потому и слишком большой потери времени [1]. Защищая точку зрения о превосходстве положения на внутренней линии, посредине между силами противника, Клаузевиц доходит до утверждения, что «начало труднее, чем осуществление» [2]. По поводу перехода через Березину он высказывает соображения, насколько трудно действительно отрезать противника, «так как отрезанная армия при самых неблагоприятных обстоятельствах, какие только можно себе представить, все же в конце концов проложила себе дорогу» [3]. В своем «Учебном пособии по обучению тактике» он с величайшей добросовестностью взвешивает выгоды и невыгоды тактического охвата и тактического прорыва. Прорыв в центре ставится при этом в зависимость от чрезмерной растяжки фронта у противника; поскольку же выдвинуто такое условие, — а при стремлении противника к охвату оно легко может иметь место, — прорыву в центре отдается несомненное предпочтение, так как влияние полководца на положение вещей в этом случае может быть бо́льшим [4]. В основных положениях, касающихся оборонительного сражения [5], выступает та же точка зрения. Правда, Клаузевиц требует большой глубины расположения, чтобы быть в состоянии ответить охватом и фланговым ударом на возможный охват со стороны противника и таким образом помешать его действиям и пресечь их; однако, настоящий контрудар, этот решающий акт сражения, он мыслит себе все же, в первую очередь, как продвижение из центра оборонительной линии против слабого места на фронте неприятельского наступления. Контрнаступления Наполеона 2 декабря 1805 г. на Праценские высоты и 16 октября 1813 г. на Либертволквиц и Грос-Пёснау, несомненно, являются для Клаузевица действительно типичными примерами, и он

---

[1] Часть VIII, гл. 9 (русский перевод, т. II, стр. 393 и сл.— *Ред.*) и многие другие места.

[2] Часть V, гл. 16 (русский перевод, т. I, стр. 424—429.— *Ред.*).

[3] Часть VIII, гл. 9 (русский перевод, т. II, стр. 413.— *Ред.*).

[4] «Учебное пособие по обучению тактике», § 500 и сл. (русский перевод, т. II, стр. 503—504.— *Ред.*).

[5] Часть VI, гл. 9 (русский перевод, т. II, стр. 52—57.— *Ред.*).

неоднократно указывает на то, что разделение разбитых частей наступающего является ценнейшим плодом победы, одержанной в такой обстановке. И Клаузевиц *должен был* так думать, если он правильно учитывал существовавшее в его время соотношение огнезого боя и боя холодным оружием! Какое же, собственно, значение могло иметь тогда двухстороннее огневое воздействие, как преимущество охвата? Гладкоствольное кремневое ружье выбрасывало свою пулю самое большее на одну десятую часть той дальности, на которую мы в настоящее время можем вести действительный огонь из нашего ручного огнестрельного оружия. Вдобавок использование этого ружья было трудным делом, подверженным различным случайностям, а при сырой погоде вообще сомнительным. Прежнее пушечное ядро могло преодолевать разве только одну пятую или одну четвертую того пространства, над которым мы господствуем теперь при помощи современных шрапнельных снарядов, и вдобавок тогда не имели еще никакого понятия о той надежности, с которой теперь можно наблюдать отдельные свои выстрелы, а следовательно, и достигать в кратчайший срок решительного действия. Наконец, тогда было значительно меньше артиллерии, и то преимущество охвата, которое теперь так высоко ценится, — *обеспечение пространства для установки большего количества орудий*, — в то время вовсе не принималось во внимание.

Таким образом, в ту эпоху было во всех отношениях правильным, когда при организации охвата живо опасались возможности подвергнуться прорыву, а при расчленении армии это опасение должно было, в основном, вести к тому, чтобы глубина построения армии была больше, чем ее фронт, и чтобы резервы располагались позади центра. Напомню, что в главе о Жомини я высказывался по этому поводу, а потому позволю себе коснуться этого здесь совсем кратко.

Клаузевиц хочет придать армии, состоящей из четырех, пяти или шести соединений (армейских корпусов или дивизий), следующее оперативное построение (схема 6).

Возможные другие части армии найдут, по его мнению, применение в качестве флангового прикрытия или для аналогичных целей. С другой стороны, наличие в составе армии восьми крупных соединений, не считая особых резервов кавалерии и артиллерии, он рассматривает как предел, превышение которого не дало бы возможности главному командованию непосредственно управлять подчиненными соеди-

нениями. Поскольку он считает обязательным принципом, что на одном театре войны, если есть хоть какая-нибудь к тому возможность, должна быть только одна единственная армия[1], постольку при очень большой численности армии он хочет усилить отдельные армейские корпуса, а при небольшой численности армии — отказаться от корпусов и подчинить дивизии непосредственно армейскому командованию. Я не углубляюсь подробнее в эти размышления Клаузевица, так как сейчас они не имеют практической ценности. Прусская военная организация, ведущая свое начало из эпохи, последовавшей за освободительными войнами, построена на твердой основе, уже в мирное время, как можно

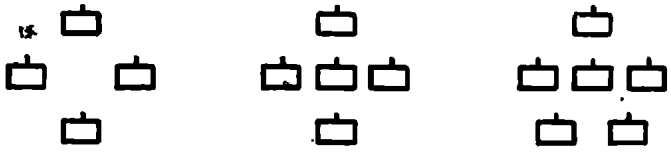

Схема 6

ближе приспособленной к организации военного времени, а именно — на основе соединений корпусного типа, причем эта организация себя, несомненно, оправдала. Ниже я еще буду иметь случай показать, что это соединение отнюдь не является чем-то произвольным, как думает Клаузевиц. Сейчас я хочу только заметить, что армия, которая хочет из приведенного выше глубокого построения для подхода к полю сражения перейти к сражению с охватом противника, безусловно, нуждается в специальной диспозиции для сражения и, вероятно, также в выдвижении одной из своих частей в сторону фланга, в непосредственной близости от противника. Стратегически самой действенной формой наступательного сражения Клаузевиц объявляет сражение с перевернутым фронтом, когда вся армия на *одном* фронте обрушивается на стратегический фланг противника и, одерживая победу, оттесняет его от пути отступления. Но в тех случаях, когда нельзя достигнуть такого положения, при котором подход к полю сражения ставит нас перед стратегическим фронтом неприятеля, Клаузевиц видит в тактическом охвате, в выдвижении наступательного фланга средство для того, чтобы эффективно подготовить оттеснение противника; он совершенно отчетливо разъясняет, что так-

[1] Часть V, гл. 2 (русский перевод, т. I, стр. 325—326.— *Ред.*).

тический охват вовсе не обязательно должен быть следствием стратегического охвата и что он вовсе не должен подготавливаться задолго путем соответствующего подхода к полю сражения расчлененной армии[1]. Следовательно, он держится того мнения, что выдвижение части армии в сторону неприятельского фланга может быть еще осуществлено без всяких затруднений путем составления диспозиции для сражения; чтобы понять эту точку зрения, мы должны еще раз вспомнить о разнице в действии огня прежде и в настоящее время. Тогда даже посредством относительно короткого движения можно было вывести значительную часть армии на фланг обороняющегося; в настоящее время для этой цели потребовалась бы длительная и обстоятельная операция, на успех которой можно было бы рассчитывать только при безусловной пассивности обороняющегося, который не думает ни о контрнаступлении, ни о передвижении своих боевых сил в сторону.

На этом я могу закончить эту длинную главу о Клаузевице. Его острое и последовательное мышление настолько ясно и просто анализировало природу войны, как это никогда не делалось до него, а его знание человеческой души помогло ему стать действительно практическим учителем в той области, где произносить суждения так легко, а действовать так трудно. В тех же случаях, когда мы сейчас вынуждены не следовать за ним, это происходит единственно только потому, что за этот промежуток времени в технике сделаны изобретения, которые в его эпоху лежали далеко за пределами всякой фантазии.

---

[1] Ч. VII, гл. 7 и 15 (русский перевод, т. II, стр. 271—273 и 288—293.— *Ред.*).

VI. ВИЛЛИЗЕН

Ошибки исторической точки зрения. — Игра понятиями.— Сражение при Идштедте.—Вершгарди о Виллизене.—Основной закон для наступления. — Оборона посредством фланговой позиции и фланговый отход. — Французская система обороны страны.— Укрепленный лагерь и группа крепостей.— Мнение Мольтке о группе крепостей.

Как ни велико было влияние, оказанное в Германии трудом Клаузевица, все же геометрическую теорию войны с строго позитивной целью нельзя было уничтожить одним ударом. Пристрастие к ученой форме и стремление найти «солидный принцип, который действительно что-нибудь утверждает», одновременно влияли на продление жизни этой теории. Появившийся новый сторонник ее особенно подходил для этой цели как тем, что у него было, так и тем, чего у него недоставало.

Вильгельм Виллизен, будучи на десять лет моложе Клаузевица, проделал кампанию 1806 г. в прусской армии, потом в качестве подданного нового королевства Вестфалии вынужден был выйти в отставку и учился в Галле, в 1809 г. уклонился от угрожавшего ему призыва в войска короля Жерома и сражался в Австрии против французов. Затем, через два года, он был вновь принят на службу в Пруссии. С 1813 по 1815 г. он принадлежал к штабу блюхеровской главной квартиры.

Его «Теория большой войны»[1], появившаяся в 1840 г., представляет собой переработку лекций, которые он за несколько лет до этого читал в берлинской Военной школе (ныне Военная академия). Книга эта свидетельствует об уме, воспитанном в школе гегелевской философии, со всеми преимуществами основательной тренировки в развитии и расчленении самого разнообразного мыслительного матери-

[1] Wilhelm von Willisen, «Theorie des grossen Krieges».

ала. Его рассуждения часто имеют в себе нечто буквально ослепительное, и так как я не могу согласиться с тенденцией, пронизывающей эту книгу, то я считаю большим счастьем, что апломб и ловкость автора во владении понятиями настолько сбили его в одном месте с пути, что он начал прямо-таки жонглировать четырьмя понятиями и, перебрасывая их туда-сюда по определенной схеме, создавать все новые и новые неожиданные фигуры. С этим индусским фокусничеством он дошел до такой крайности, что действие целого должно было стать обратным. На этом примере стало понятным, насколько надо быть осторожным, когда хотят создать учение в такой чрезвычайно практической области, как область войны. Виллизен, несомненно, прав, когда в своем предисловии говорит: «Первым везде является мысль, то, что измышлено, или то, что должно быть измышлено (а только это является теоретической стороной практического). Не может быть никакой практической истины, никакой внешней истины, которая не была бы сначала усмотрена внутренне, и это внутреннее зрение и распознание и означают буквально теорию и ничто другое... Следовательно, теория это есть учение, словесное выражение истинного, раскрытие истинного в данном предмете. Учение, которое начинает с внешнего, с опыта и все абстрагирует от опыта, также становится теорией, поскольку оно пытается притти к определенным результатам, что́ оно и должно делать для того, чтобы стать учением». Однако, — должны мы продолжить в настоящее время, — имеется все же огромное различие между системами двух исследователей, из которых один, Клаузевиц, на каждом шагу внимательно изучает опыт, в то время как другой, Виллизен, неудержимо торопится к цели, от одного заключения к другому, и только совершенно случайно бросает весьма беглый взгляд на мир фактов.

Изучающему «Теорию большой войны» сейчас же бросается в глаза, что Виллизен чаще всего приводит исторические примеры тем мимолетным образом, который Клаузевиц прямо называет злоупотреблением, так как большинство фактов при таком поверхностном затрагивании их может быть использовано для подтверждения противоположных взглядов[1]. Кроме того, надо признать, что Виллизен совершенно так же, как Жомини, безусловно, ошибочно судит о Фридрихе II. «Если бы Фридрих Великий, — гово-

[1] Клаузевиц, О войне, ч. II, гл. 5, конец (русский перевод, т. I, стр. 121. — *Ред.*).

рит Виллизен, — в своих исследованиях опирался не на безрезультатные походы маршала Люксембурга, а на походы великих полководцев XVII столетия, и если бы в результате этого его стратегические концепции приобрели такой же величественный характер, как его тактические концепции, тогда он совершил бы еще более крупные дела, чем Наполеон, так как он одновременно действовал бы решающим тактическим превосходством своих войск, чего у Наполеона, безусловно, не было. Оковы магазинной системы, которые Фридрих без нужды сам на себя наложил и которыми, на его счастье, противники, ослепленные его славой, опутали себя еще туже, делали невозможным какой бы то ни было крупный успех, достижимый на стратегических путях. Но он мог в любой час сбросить эти оковы; в его эпоху к этому было так же мало препятствий, как и в позднейшее время. Страны могли бы питать его маленькие армии во время быстрого преследования после одной из его больших побед еще лучше, чем большие армии позднейшей эпохи; тогда каждая из его трех силезских войн нашла бы свой быстрый конец в Вене. После Мольвица, после Гогенфридберга, до и после Ловозица его ничто не удерживало, кроме отсутствия идеи, сделавшей Наполеона таким великим»[1]. О том, что Фридрих во время второй Силезской войны тщетно делал попытку освободиться от уз тогдашней оперативной системы, об этом Виллизен знает так же мало, как и Жомини. И если Виллизен, который так же, как Жомини, принципиально отвергает действия по внешним операционным линиям, без дальнейших слов называет вторжение в Ботемию в 1757 г. «самым ошибочным планом, которому когда-либо следовал Фридрих Великий»[2], то этот пример показывает также, насколько Виллизену недостает спокойной объективности. Это последнее суждение тем более удивительно, что Клаузевиц уже показал, что моральные показатели превосходного командования и высоких качеств войск — ошеломление неожиданностью и вера в собственные силы — в 1757 г. играли совсем другую роль, чем геометрическая фигура подхода к полю сражения[3]; кроме того, Клаузевиц в своей превосходной главе о критике настоятельно предостерегал от того, чтобы высказывать хвалу и осуждение раньше, чем станут точно известны решающие при-

[1] I, 106.
[2] I, 68.
[3] Клаузевиц, О войне, ч. VIII, гл. 9 (русский перевод, т. II, стр. 393 и сл.).

чины. Не подлежит, следовательно, никакому сомнению, что Виллизен не достиг той свободы и верности исторического суждения, которые вновь и вновь наполняют нас удивлением в Клаузевице. Суждения Виллизена оставались в гораздо большей степени под впечатлением тех деяний, свидетелем которых он был сам.

Хотя сам Виллизен определенно называет себя ревностным учеником Жомини [1], но в нем есть все же много своеобразия, а потому я должен здесь подробнее коснуться содержания его теории.

«Армия — это, прежде всего, аппарат, состоящий из людей и животных, первое и всеобъемлющее свойство которого — иметь огромные потребности, от ежедневного или периодического удовлетворения которых зависит ее существование. *Потребление* (Bedürftigkeit) является, таким образом, первым основным свойством армии. Армия основывается на желудке, — гласит старое правило» [2]. Удовлетворению этих потребностей служат тыловые сообщения армии, и с этими коммуникационными линиями, с их использованием для своей армии, с перерывом и отвоеванием коммуникаций противника связан ряд принципов и правил, имеющих, по мнению Виллизена, вечное значение. Все вместе они составляют *стратегию*, как «*учение о коммуникационных линиях*» (Lehre von den Verbindungen).

«Но наряду со своими потребностями, от удовлетворения которых во всякое время зависит их существование, армии обладают вторым всеобъемлющим свойством: это, собственно, активное, действенное в военном смысле свойство, способность наносить удары, *боеспособность* (Schlagfähigkeit); это то свойство, благодаря которому они должны осуществлять свои действия на поле сражения» [3]. Этому второму свойству соответствует *учение о бое* (Lehre vom Schlagen), *тактика*. Ей Виллизен не приписывает категорично вечного значения; он выдвигает даже заслуживающее особого внимания положение, что «крупные открытия могли бы придать бою совсем другую форму» [4].

Обоим *свойствам* армий соответствуют два различных вида деятельности (функций) их. Один вид деятельности вытекает из потребностей, стремится к организации собственного снабжения (Erhaltung) и носит, следовательно,

[1] I, 75.
[2] I, 32.
[3] I, 35.
[4] I, 31.

защитный, *оборонительный* характер; другой вид деятельности вытекает из боеспособности, стремится к уничтожению противника и носит, следовательно, агрессивный, *наступательный* характер. Я обращаю особенное внимание на то, что Виллизен в нарочито заостренном противопоставлении Клаузевицу характеризует оборону только как защиту, но не как защиту в сочетании с контрударом. «Если оборона хочет быть чем-либо иным, она должна стать наступлением и, следовательно, перестать быть тем, чем она является. Оборонительная стратегия не хочет ничего другого, как обеспечивать свои сообщения, а оборонительная тактика — ничего другого, как сохранять свою позицию» [1].

Теперь начинается то жонглирование, о котором я говорил выше [2]. Виллизен сначала исходит от обоих свойств — потребления и боеспособности, — поочереди связывает с каждым из них функции снабжения и уничтожения и приходит, таким образом, с одной стороны, к стратегической обороне и стратегическому наступлению, а с другой стороны — к тактической обороне и тактическому наступлению. Затем он кладет в основу функции снабжения и уничтожения, связывает с каждой из них поочереди свойства потребления и боеспособности и приходит таким путем к обороне в стратегии и тактике, а затем к наступлению в той и другой области.

Третья вариация исходит снова из первой предпосылки и связывает эти данные с четырьмя *жизненными моментами* (Lebensmomenten): 1) стратегическая и одновременно тактическая оборона; 2) стратегическая оборона с тактическим наступлением; 3) стратегическое наступление с тактической обороной; 4) стратегическое и одновременно тактическое наступление.

Четвертая схема показывает затем, что, и исходя от функций, также приходят к тем же жизненным моментам.

Наконец, пятая схема представляет результаты четырех жизненных моментов в случае победы и в случае поражения. Эту схему я должен здесь привести (см. стр. 107).

После нескольких пояснительных фраз автор продолжает: «Следовательно, если есть образ действий, который в случае победы на поле сражения мне ничего не приносит, кроме того, что я уже дальше не отхожу назад, а в случае поражения полностью меня уничтожает, то это такой пло-

---

[1] I, 45.
[2] I, 40, 45.

Жизненные моменты:	а) Стратегически-оборонительно и тактически-оборонительно	б) Стратегически-оборонительно и тактически-наступательно	в) Стратегически-наступательно и тактически-оборонительно	г) Стратегически-наступательно и тактически-наступательно
Отсюда вытекают результаты:				
1. Для выигранного сражения	Полное отсутствие решительного исхода	Победа на поле сражения без результата для общего хода кампании или войны	Благоприятная общая позиция для победы, однако без результата, так как противник сохранил свою боеспособность	Уничтожение противника, завоевание его территории
2. Для проигранного сражения	Собственное уничтожение и потеря территории	Отступление, чтобы снова перейти в тактическое наступление	Ликвидация последствий при помощи благоприятной стратегической позиции	Немедленное прекращение начатых действий

хой образ действий, что я могу прибегнуть к нему только в результате крупной ошибки или вследствие предшествовавших этому неудач и ни к чему не должен так стремиться, как к тому, чтобы высвободиться из этого образа действий. Если имеются, наоборот, другие комбинации способов действий, из которых в случае победы для меня вытекают величайшие успехи, в случае же неудачи со мною ничего не происходит, кроме того, что я отбрасываюсь снова к началу, то эти способы действий, конечно, самые желательные, и я должен все свои устремления направить к тому, чтобы никогда не выходить из такого положения, или если я уже вышел из него, то как можно скорее опять попасть в него. Из обеих комбинаций, показанных в боковых графах схемы, одна характеризует самые неблагоприятные, другая — самые благоприятные последствия; наоборот, обе средние комбинации показывают результаты, которые парализуют друг друга. Ближайшее рассмотрение этой схемы вообще дает повод к интереснейшим замечаниям и в том, кто добился результатов на жизненном пути как подлин-

ного внутреннего достояния, легко порождает твердую уверенность, что в этой схеме он найдет указатель пути, который ему во всякой обстановке в крайне сжатой форме разъяснит, куда и к чему он должен стремиться. Значение же такого постоянного призыва к истинному и лучшему для действий в нашей области здесь так же мало можно отрицать, как и во всякой иной области. Во всяком случае, пришлось бы сильно протестовать, если бы кто-нибудь захотел признать эти попытки привести важнейшие обстоятельства, с которыми приходится сталкиваться, к наглядному представлению не чем иным, как игрой ума, если не опасной, то не имеющей ценности. Кто не знает, что зачастую необходимо бывает одно только правильное слово, чтобы вывести из него целый ряд счастливых мыслей. Как важно поэтому иметь перед собой самые сжатые формулировки, которые непосредственно, сейчас же вводят вас в важнейший и решающий ряд идей и даже указывают путь, на котором всегда может быть найдена самая правильная идея».

Можно ценить искреннюю и честную убежденность, которая видна из этих фраз, но как раз в этом случае необычайно легко доказать их абсолютную ошибочность.

Когда Виллизен в 1850 г. был поставлен в качестве полководца во главе шлезвиг-гольштинской армии, его правительство по политическим причинам, несомненно, недостаточным, воспретило ему начать стратегическое наступление. Он тотчас же принял решение использовать, по крайней мере, тактическое наступление, как только противник появится перед его расположением. Его первые распоряжения для состоявшегося 25 июля сражения при Идштедте в этом смысле очень целесообразны и при правильном осуществлении, весьма вероятно, обеспечили бы ему победу над численно сильнейшей датской армией. За то, что выполнение не отвечало его замыслам, он лично вряд ли может быть признан ответственным. Сначала он ошибался только в том, что слишком полагался на правильное функционирование сигнальной линии. Неудача наступления вызывалась, прежде всего, тем, что один из подчиненных командиров, призванный действовать самостоятельно, не выказал необходимой силы воли, а, наоборот, дал сковать себя более слабым неприятельским отрядом; далее тем, что в решающий момент двумя батальонами овладела паника; наконец, тем, что один из его штабных офицеров неправильно вмешался, вследствие чего успешно продвигавшаяся бригада была

отозвана со своего победного пути. В результате этих неудач шлезвит-гольштинская армия (вернее, армейский корпус) была вынуждена к обороне, и тем самым для ее командующего началось своеобразное испытание. Для осуществления тактической обороны он располагал *весьма благоприятной* местностью, сильной и хорошей артиллерией, которая до сих пор в своих действиях имела *превосходство* над противником, и численно достаточной пехотой, которая в своей подавляющей части и в этот день показала образцы самоотверженной храбрости. Положение Виллизена было поэтому отнюдь не безнадежным, хотя он, конечно, и не мог знать, что его противник в этот же самый момент был уже близок к тому, чтобы считать сражение проигранным. Если бы Виллизен организовал упорное сопротивление на своей главной позиции, а тому самостоятельному подчиненному командиру, который до этого времени не проявил нужной энергии, дал бы определенную директиву о безудержном наступлении, сражение, по всей вероятности, превратилось бы в победу. Однако, Виллизен так долго учил низко расценивать оборону, что он сам не мог иметь никакого доверия к этой форме боевых действий. Одно из главных поучений его книги гласит: «Где разыгрывается большая война, там она ведется наступательно; где не хотят ее разыгрывать, там армия располагается на неприступной позиции или уклоняется от наступления путем маневра»[1]. Так как в данном случае позиция у Идштедтского леса хотя и была хороша, учитывая же действие огня по впереди лежащей равнине, даже очень хороша, но не была неприступна, то Виллизен приказал прекратить бой и отступать, причем он отдал этот приказ как раз в тот момент, когда противник в расстоянии 1 *км* строился для наступления. Осуществление этого наступления превратило затем отход шлезвиг-гольштинцев в полнейшее поражение, и таким образом день Идштедта стал решающим днем кампании[2].

Таким образом, Виллизен потерпел крах, несомненно, вследствие *односторонности* своего позитивного учения, а потому заслуживает особого внимания тот факт, что Теодор фон-Бернгарди еще за девять лет до этого предвидел такое событие. Он тогда полностью и в резких выражениях отвергал «Теорию большой войны», но хотел доставить гегельянцам удовольствие тем, что приписывал эту теорию их вли-

[1] I, 192.

[2] Ср. приложение к «Военному еженедельнику» («Mil. Wochenblatt») за 3-й квартал 1851 г.

янию. «Если же Виллизен получил бы когда-нибудь возможность оказывать влияние на руководство германской армией, это было бы большим несчастьем. Он находится в таком же соотношении с нашим временем, как Пфуль и Массенбах со своим, и явился бы как раз подходящим человеком, чтобы вновь повторить такие дни, как дни Иены и Пренцлау».

Учение Виллизена о наступлении, к которому я теперь перехожу, выдержано в безусловно математических формах по образцам Бюлова и Жомини и поясняется многочисленными фигурами (схемами). Так как число специальных терминов недалеко отходит от соответствующих терминов Жомини, то не составляет особого труда следовать за рассуждениями Виллизена. Но я и в данном случае отказываюсь от более подробного изложения, так как этот способ рассмотрения тактико-стратегических вопросов в настоящее время, к счастью, совершенно опорочен, так что я, несомненно, не мог бы рассчитывать на то, что мое описание нашло бы читателей. Одно только должен я отметить, а именно, что Виллизен, очевидно, был весьма склонен считать правильным бюловский принцип об угле в 60° в вершине оперативного треугольника, но что он все же не решился на такое признание, после того как Клаузевиц именно в этом пункте так ясно растолковал непригодность математических абстракций, а потому в своем несколько запутанном объяснении Виллизен обходит этот, к сожалению, уже больше неприменимый принцип[1].

Виллизен тоже устанавливает в качестве трех основных форм стратегического наступления простой обход, двойной обход и прорыв (операция по внутренней линии), причем он оценивает их почти совершенно так же, как Жомини:

а) «Простой обход, который со всей мощью обрушивается на один фланг, строится на надежде разбить противника по частям; в худшем же случае он обрушивается всей своей мощью на все силы противника, причем тогда ему остается, по меньшей мере, преимущество более выгодной стратегической обстановки, т. е. такой обстановки, которая может гигантски увеличить последствия победы и, наоборот, свести к минимуму последствия поражения». (При этом надо помнить о научном требовании, чтобы обходящий сохранял свою коммуникацию прямо позади себя.)

---

[1] I, 54—57.

б) «Двойной или концентрический обход; напротив, вводит в заблуждение: рассчитывают, будто таким путем можно сразу овладеть всеми коммуникациями противника и в день сражения окружить его. На самом же деле совсем наоборот: при двойном обходе каждый раз подвергаешься опасности быть разбитым, так как согласование движения двух или нескольких, разделенных большими пространствами частей почти невозможно и так как у расположенного в центре противника нельзя предполагать полной бездеятельности. Двойной охват невольно ставит противника в положение, в котором он стремится всемерно использовать третий вид действий — прорыв — как наиболее благоприятный».

в) «Наконец, стратегический прорыв подвергает армию в день сражения другой, не меньшей опасности — опасности оказаться в тактическом окружении, тогда как на более широких пространствах стратегический прорыв бесспорно, прежде всего, показывает возможность путем быстрых передвижений разбить противника по частям — вправо и влево.

Таким образом, простой стратегический обход никогда не является ошибочным; он всегда хорош, так как не страдает никакими пороками, свойственными другим методам, и все же сулит такие же крупные результаты. Наоборот, оба других вида боевых действий могут быть хороши только вследствие ошибок, которые сделал противник, или вследствие особых обстоятельств, главным образом, в результате определенного соотношения сил. Если они не удаются, то это происходит потому, что они сами по себе ошибочны; при некоторой хотя бы виртуозности противника эти виды действий в самом благоприятном случае только оттягивают решение, т. е. обладают скорее оборонительной, чем наступательной силой»[1].

Как видно из этого последнего отрывка, Виллизен совершенно единодушен с Клаузевицем в том, что операция по внутренней линии является особенно подходящей формой для активной обороны; удивительно, однако, что он в то же время и двойному охвату приписывает такой, в известной мере оборонительный, характер. Основанием служит, повидимому, то, что так называемому трахенбергскому оперативному плану (осень 1813 г.) действительно приписывалась явно оборонительная идея уклонения от удара Наполеона,— измышление, поводом к которому послужила выдающаяся

[1] I, 71—73.

личность императора, но которое не имеет ничего общего с подлинной сущностью этой операции. Придавая особенное значение этой возможности отхода при движении с двойным охватом, Виллизен считает, что обе системы — прорыв и двойной охват — взаимно парализуются или, во всяком случае, могут парализоваться. «Простой же стратегический обход обязательно ведет к решению, так как для обходящего нет оснований не следовать за отступающим, пока он не остановится, а отступающий в конце концов все же должен остановиться, если он не хочет отдать свою территорию без сражения». Таким образом, по этой концепции простой обход является самым лучшим выражением того основного принципа, который должен быть присущ каждому наступлению: «Сила против слабости, фронт против фланга, численный перевес против меньшей численности, массы — в решающий пункт»[1].

Для проведения наступательного сражения Виллизен считает особенно важным еще два тактических средства, о которых я не могу не упомянуть: *ложное наступление* (демонстрацию) и *скрытый подход* с использованием местных предметов или ночи.

Наконец, с самой убедительной серьезностью он показывает, что только энергичное использование победы путем упорного преследования дает полное решение наступательной задачи, что своих крупнейших успехов полководец достигает с помощью солдатских ног. При этом Виллизен делает замечания относительно одежды и снаряжения, которые еще и в настоящее время вполне могут побудить к размышлениям[2]; он требует, чтобы качество материала было первоклассным, и ратует, между прочим, за введение *возимых полевых кухонь*, чтобы питать солдат лучше и надежнее, сберегая в то же время их силы, и, насколько возможно, поднять этим их маршевую способность[3].

При характерном для системы Виллизена исключительно строгом единообразии, стратегическая оборона должна определяться, естественно, теми же идеями, как и наступление, только в обратном применении. Известно, что тактическая оборона мыслится им исключительно как отражение непри-

---

[1] I, 81, 82 и сл.

[2] I, 111.

[3] В настоящее время, когда мы постоянно возим с собой «повозки с продуктами питания» (Lebensmittelwagen), это предложение вдвойне заслуживает внимания; их место должны были бы занять возимые полевые кухни.

ятельских ударов, а потому обязательно требует усиления местности и даже, где возможно, до такой степени, чтобы наступление было совершенно безнадежным. Оборонительное сражение в духе Клаузевица, при котором противника ожидают на хорошей, но не на абсолютно неприступной позиции, чтобы в последнем акте сражения самим перейти в наступление, — в «Теории большой войны» Виллизена не встречается. Можно было бы, пожалуй, вложить в это сражение вполне современный смысл, считая, что одна часть армии на сильно укрепленной позиции ограничивается чистой обороной, в то время как другая часть стоит в стороне позади, готовая вести наступательное сражение. Но так как сам Виллизен ничего не говорит о таком разделении труда, а, наоборот, рисует действия всей своей армии как совершенно одинаковые, поочередно оборонительные и наступательные, то мы вынуждены также для случаев обороны, которые он предвидит, предполагать, что вся армия расположена на позиции, укрепленной, по возможности, до степени неуязвимости [1].

Если противник все-таки будет атаковать, то после истощения неприятельских сил оборона должна прекратиться и вместо нее должно начаться наступление. Если же противник не будет атаковать, а будет обходить позицию, то стратегически обороняющийся, вероятно, будет вынужден к отступлению угрозой, создающейся для его коммуникационной линии.

Если наступательное движение лучше всего организовывать так, чтобы оно, как простой обход, наискось ударило по коммуникационной линии обороняющегося, то отступление, по возможности, должно производиться в сторону таким образом, чтобы при образовании фронта можно было фланкировать общее направление продвижения противника (эксцентрическое отступление) [2]. При этом следует все же заметить, что местность обязательно должна облегчать оборону, а потому предпосылкой этого наиболее желательного случая являются географические условия, которые не всегда имеются. Необычайно благоприятную географическую основу для такого рода действий можно найти на западе Германии, на Рейне, что сейчас нам лучше известно из

[1] I, 185—194.
[2] I, 131—133.

работ Мольтке[1]. Заслуга Виллизена заключается в том, что он впервые установил и изложил это обстоятельство.

Если немецкая армия после потери левого берега Рейна располагается за Майном у Франкфурта, то в самом неблагоприятном случае, при дальнейших поражениях, она может отходить по правому берегу Рейна мимо Кобленца и Кёльна вниз по течению реки. Укрепленная линия на Рейне обладает такой мощью, что даже с совершенно незначительными силами она может быть сделана, безусловно, надежной фланговой опорой. Движение вниз по правому берегу Рейна отвлекает противника с наиболее опасного для Германии направления его движения, а с того момента, как немцам удастся одержать победу в генеральном сражении, обеспечивает дальнейшие, исключительно большие выгоды: немецкие войска, используя защищенные предмостные укрепления на Рейне, смогут тогда сейчас же перейти на левый берег и ближайшим путем выйти на главные коммуникационные линии (пути отхода) разбитого противника, который в этом случае вряд ли сможет избежать крупной катастрофы.

Когда Виллизен в 1840 г. обсуждал эту обстановку, он сделал замечание, которое свидетельствует о большой проницательности. Суждения военных специалистов о значении только что появившихся тогда железных дорог были в высшей степени неединодушны, и такими людьми, которые все новое сперва считают безумием, было сказано немало совершенно сумасбродных слов по поводу этого нового средства сообщения. В то время шла речь о двух железнодорожных линиях от Эльбы к Рейну, из которых одна должна была вести через Магдебург и Минден к Нижнему Рейну, а другая—через Галле и Кассель к Среднему Рейну; однако, было сомнительно, смогут ли строиться одновременно обе линии. В случае если бы пришлось отраничиться одной линией, Виллизен высказывается за линию, ведущую от Магдебурга через Минден к Везелю, которая обеспечивает эксцентрическому отступлению на Рейне превосходную и в высшей степени эффективную коммуникационную линию, обеспечивающую сообщение с основной частью страны. Идея эта отличная, и попадает она как раз в ту точку, в которой заключается наибольшее военное значение нового изобретения.

[1] «Тактико-стратегические статьи» («Taktisch-strategische Aufsätze»), стр. 272 и «Военная корреспонденция» («Mil. Korresp».), 1870—1871 гг., № 4.

Оборона посредством фланговой позиции и отхода в сторону составляет главнейшую часть теории Виллизена, а потому мне кажется правильным привести здесь один практический пример великолепной подготовки такого рода обороны страны, который и без того в высокой степени заслуживает нашего внимания. О новых укреплениях *французской* территории в Германии знают, правда, в общих чертах, что германская граница там почти герметически закупорена и что Париж получил такую широкую систему укреплений, которая должна сделать новую блокаду почти что невозможной. Однако, о третьей основной идее гигантских укреплений во Франции, о подготовке *отхода к югу*, в немецкой военной литературе, насколько мне известно, вряд ли была речь.

Идея эта была высказана впервые в 1873 г. Ферроном (Ferron), который в то время был майором французского инженерного корпуса.

Феррон в своих «Соображениях о системе обороны Франции» («Considérations sur le sysfème défensif de la France») требует не только усовершенствования защиты Парижа, не только закупорки германской границы, но, кроме того, надежного укрепления границы с Швейцарией и, наконец, оставления совершенно открытой границы с Бельгией[1]. Он хочет, чтобы пограничные укрепления против Германии составляли непрерывную цепь фортов; участки, поражаемые огнем с этих фортов, должны соприкасаться, и преодоление их возможно только с помощью тяжелой артиллерии. При такой системе противник, во всяком случае, не сможет продвигаться широким фронтом и вынужден будет постепенно пробиваться через проделанные в китайской стене бреши. Французская армия должна быть расположена позади этого барьера на соответствующем расстоянии, чтобы *атаковать противника* там, где ему удастся прорваться, и в то время, пока он еще будет вынужден заниматься сосредоточением и новым развертыванием своих сил. Если французы будут при этом разбиты, то *они должны отходить не на Париж, но вдоль укрепленной восточной границы к югу и юго-западу*. Это направление отхода должно или отвлечь противника от столицы или угрожать с фланга продвижению его к столице. *Открытие же бельгийской границы должно вызвать немцев на наступление через Бельгию*[2]. Хотя Феррон не гово-

[1] Только торговый центр Лилль он считает желательным укрепить.

[2] Во Франции были предположения, что в случае войны с Германией последняя может нарушить нейтралитет Бельгии, но совер-

рит об этом в ясной форме, нетрудно понять, что его точка зрения именно такова. Марш через Бельгию является для немцев не только обходным движением, но, по всей вероятности, заставит нейтральную Бельгию встать на сторону французов и поведет к ослаблению германской армии. Однако, для французов главное преимущество приобрело бы в этом случае силу только при том условии, если бы они одержали в северо-восточном приграничном районе, позади обойденной линии фортов, решающую победу. Тогда сильная армия могла бы немедленно выйти за линию укреплений на восточной границе и кратчайшими путями вторгнуться в Германию, чтобы там на германских коммуникациях постараться использовать достигнутый успех.

Идеи Феррона встретили вначале только частичное признание. Северная граница не была открыта, но, наоборот, значительно усилена. К тактически-наступательному ведению сражений доверия не питали; поэтому посреди пограничной укреплённой линии были созданы позиции для оборонительного сражения — два прохода («trouées») у Эпиналя и Вердена, — а позади, на укрепленной линии у «карниза» в Шампани (Falaise de Champagne), можно было наблюдать возведение ряда новых фортов и батарей, которые никак не согласовывались с идеями Феррона. Однако, надежное фланговое прикрытие для отхода к югу и прямая поддержка этого отхода некоторыми оборонительными сооружениями с самого начала были включены во всеобъемлющий план, по которому Франция заново перестроила оборону своей территории. И когда затем Феррон постепенно стал занимать руководящие должности (он был с 1883 по 1885 г. помощником начальника генерального штаба, а с 1887 по 1889 г. — военным министром), получили признание и его взгляды на общие принципы ведения войны. Северная граница в настоящее время уже почти полностью открыта, вслед за этим будет упразднена также линия укреплений на «карнизе» Ля-Фер — Реймс, и с восстановлением веры в свои способности, вероятно, будет постепенно исчезать большая часть тех сооружений, которые мыслились совершенно определенно в качестве тактической фланговой опоры для оборонительного сражения на прочной позиции. Однако, идея отхода к югу сохранится, поскольку безуслов-

---

шенно неверно изображать дело так, что французы провоцировали немцев к движению германских армий через Бельгию. В таком случае не были бы допущены серьезные ошибки в первоначальном стратегическом развертывании французских армий в 1914 г. — *Ред.*

ное осуществление ее было столь основательно обдумано и подготовлено. Сохранение этой идеи тем более обеспечено, что оно находится во внутреннем взаимодействии с новыми укреплениями Парижа. Перенесение отхода к югу самым действительным образом обеспечивает Париж от опасности появления перед столицей главных сил противника. Основная французская армия может тем спокойнее базироваться на южное направление, что сейчас противнику понадобилось бы 400 000 человек для такого окружения Парижа, какое было в 1870 г.

От этих соображений относительно новой французской системы обороны страны возвращаюсь к Виллизену. Необходимо отметить, что он не только защищал идею фланговой отхода в большом масштабе, но и был первым писателем по стратегическим вопросам, который в Германии высказался за систему укреплений, охватывающую всю страну и проводимую строго единообразно.

Исходный пункт такой системы — крепость с кольцом самостоятельных, правильно приспособленных к местности фортов, что тогда было новым явлением. Эти небольшие, но мощные и взаимно поддерживающие укрепления должны были, с одной стороны, предотвращать бомбардировку центральной части крепости и удлинять продолжительность регулярной осады, а с другой стороны — облегчать наступательные действия гарнизона или опирающегося на крепость войскового соединения.

Само собой очевидно, что прежнее значение обычной крепости, расположенной на реке (т. е. двойного предмостного укрепления), весьма существенно возрастало, если можно было на обоих берегах реки перейти в наступление на широком фронте за пределы линии фортов. Если крепость находится у слияния двух рек, т. е. образует тройное предмостное укрепление, и если к тому же долины обеих рек образуют значительное пространство, то благодаря такой крепости с фортами более слабая армия будет иметь возможность получить на одном из трех фортов превосходство над неприятелем, который сам по себе обладает большими силами. В этом смысле Виллизен придает в обороне страны высокое значение так называемому лагерю-крепости, или укрепленному лагерю. Для того чтобы в настоящее время правильно оценить эту точку зрения Виллизена, безусловно, необходимо отвлечься от того факта, что после опыта Меца, Парижа и Плевны прорыв из крепости должен быть отнесен к области сказок. Наоборот, надо припомнить, что тогда,

когда писал Виллизен, прорыв в центре был еще важнейшей формой ведения сражения как вообще для наступающего, так и для первоначально оборонявшегося. Поэтому войсковое соединение, расположенное в хорошем укрепленном лагере, рассматривалось тогда как весьма опасный противник и для данного момента и на длительное время; даже осадная армия, обладавшая значительным превосходством в силах, считала для себя великим бедствием, если обстоятельства вынуждали ее расчленяться на несколько осадных участков с ограниченными сообщениями между ними. Такое положение изменялось только в том случае, если осадной армии постепенно удавалось так укрепиться, что и для слабых сил на каждом отдельном участке исключалась опасность оказаться в окружении.

Виллизен уже тогда представлял себе обычный укрепленный лагерь с такими широко растянутыми укреплениями, какие в то время фактически не были осуществлены ни в одном из новых германских укрепленных сооружений. Он предлагает систему укреплений Трира, которая по самым скромным его планам должна была бы иметь такой же диаметр, как Париж 1870 г., а по расширенному плану должна была бы образовать, путем соединения Трира и Люксембурга, одно целое с почти вдвое большим диаметром.

Еще Клаузевиц обсуждал вопрос, не целесообразно ли при известных обстоятельствах сгруппировать несколько крепостей на расстоянии нескольких дневных переходов вокруг общего центрального пункта; он считал, что армия, находящаяся среди принадлежащей ей группы крепостей, во всяком случае, пользовалась бы очень большими преимуществами. Виллизен требует построения крепостей, как правило, такими группами, чтобы они, по возможности, помогали полевой армии в ее борьбе с вторгшейся армией противника. При этом условии полевая армия каждый раз, когда борьба не идет успешно, должна уклоняться от нее, причем в известных условиях она должна совершить *полный круг* внутри или вне своей группы крепостей; однако, она должна немедленно перейти в тактическое наступление, как только противник допустит какую-нибудь неосторожность и даст ей тем самым возможность нанести ему выгодный для нее удар.

Недостаток места не позволяет мне коснуться предложений Виллизена, которые он делает затем относительно кре-

постных сооружений в Германии[1]. В этих предложениях есть кое-что хорошее, но одно обстоятельство говорит решительно против них, а именно то, что требуется очень большое число укреплений. Это — весьма естественный вывод, так как, если противнику преграждают крепостными сооружениями одно операционное направление, он тем самым косвенно направляется на другое направление, и тогда весьма быстро появляется желание преградить ему и это направление. Таким образом, должны быть возведены, в конце концов, огромные укрепления, требующие очень больших гарнизонов и расходов на содержание; комичнее всего в этом деле то, что требование таких исключительно дорогих оборонительных сооружений исходит от человека, у которого на устах всегда наступление и который считает оборону безусловно малоценной. В самом деле, Виллизен держится того мнения, что крепость, вынудившая противника к регулярному наступлению, вообще уже выполнила свою обязанность; дело вовсе не в длительности ее сопротивления, а потому можно значительно уменьшить мощность отдельных пунктов[2]. Но тогда сейчас же возникает весьма важное соображение: ведь удержание или потеря крепости имеют на войне очень большое моральное значение, близкое к тому значению, которое имеют победа или поражение в сражении.

Для нас представляет совершенно особый интерес то, что Мольтке занял определенную позицию в отношении взглядов Виллизена. Статья Мольтке о «фланговых позициях» вызвана, совершенно очевидно, той частью работы Виллизена, где он говорит об обороне страны; в своей статье Мольтке приходит к следующему конечному выводу:

«Если обороняющийся стоит на сильной фланговой позиции на одном операционном направлении, то наступающий выберет другое направление. Если бы мы и хотели действительно подготовить несколько таких позиций, то мы могли бы занять все-таки только одну, и тогда именно против этой позиции неприятель не стал бы наступать. В этом лежит причина того, что укрепленные лагери находят столь редкое применение.

Бесспорно, группа крепостей, расположенных близко друг от друга, образовала бы прекраснейший укрепленный лагерь. Но почти всегда она давала бы только другое на-

[1] I, 175—182.
[2] I, 162—163.

правление неприятельскому продвижению. Затрата таких больших средств может оправдаться, пожалуй, только там, где противник одновременно с объектом операции достигает также цели войны, т. е., как правило, у столицы государства. В этом случае уже невозможна фланговая оборона, так же как невозможна вторая операционная линия для противника. Тогда можно быть уверенным, что он во всяком случае, будет наступать, и фортификационная база, во всяком случае, может быть использована в нашу пользу. Для укрепленного лагеря у столицы всегда найдется и армия обороны, если только вообще возможно еще сопротивление.

Нигде нельзя с большей уверенностью рассчитывать на действие укрепленной позиции, чем у столицы государства, и все же отсюда еще отнюдь не следует, что столица должна быть укреплена. Чрезмерные затраты и крупные неудобства, связанные с этим мероприятием, не являются необходимыми, если мы имеем основания надеяться остановить противника уже у границы и там достигнуть решения.

И я считаю, что для этой цели линии крепостей более выгодны, чем группы крепостей, особенно если первые одновременно господствуют над течением больших рек»[1].

[1] «Тактико-стратегические статьи», стр. 266.

VII. ТЕХНИКА XIX СТОЛЕТИЯ

Усовершенствованная дорожная сеть. — Армейский корпус как стратегическая единица. — Железные дороги. — Телеграф. — Новое вооружение. — Краткое резюме.

Начиная с середины XIX столетия, четыре новых явления оказывают решающее влияние на ведение большой войны: 1) усовершенствованная дорожная сеть, 2) железные дороги, 3) электрический телеграф и 4) дальнобойные и скорострельные ружья и орудия. Само собой понятно, что каждый из этих факторов в отдельности лишь медленно и постепенно приобретал свое значение, а о последнем из них можно даже сказать, что его влияние еще окончательно не завершено, что в этом направлении мы и сегодня еще находимся в процессе развития. И все же вполне допустимо считать конец пятидесятых годов прошлого столетия определенным моментом, когда действуют уже все эти новые явления и в результате их действия традиционная наполеоновская стратегия начинает терять свое господствующее положение.

1) *Усовершенствованная дорожная сеть* обеспечивает теперь передвижения войск большим числом пригодных дорог везде, где раньше могли использоваться только единичные дороги. Мощеные камнем дороги содержатся в хорошем состоянии, удобные подъемы облегчают преодоление холмов и гор. Такие дороги соединяют не только более крупные города и главные направления традиционных линий сообщений; улучшенные пути сообщения тянутся теперь уже и от деревни к деревне, все больше исчезают ненадежные мосты и те тяжелые «кручи», где каждая повозка требовала дополнительной упряжки, подставы, часто двойной и тройной.

Вместе с таким устройством дорожной сети должна постепенно исчезнуть и охарактеризованная выше наполео-

новская маршевая техника; в дни решающих боевых действий она уже неприменима. Если имеются в достаточном количестве пригодные дороги, то никому уже больше не придет в голову мысль заставить всю массу армии, пехоту и конницу, свернуть с дорог и на протяжении многих миль двигаться сомкнутыми взводными колоннами по целине, — мероприятие, которое всегда неизбежно связано с значительными потерями во время марша. Движение по дорогам в походных колоннах смешанного состава, из различных родов войск, сохраняется теперь вплоть до поля сражения. Таким образом, отдельные дивизии остаются всегда в руках своих командиров как целые единицы с нормальным соотношением родов войск внутри них, и отпадает одна из причин, которая при старом наполеоновском образе действий делала всегда неизбежным особое развертывание для сражения. Если, с другой стороны, Жомини рассчитывает глубину походных колонн крупных соединений, — само собой разумеется, для дней решающих столкновений, — исключительно по времени, необходимому для прохождения артиллерии, и если он на этом основании для армейского корпуса в составе 30 000 человек устанавливает норму всего лишь в 2 часа, то теперь войсковое командование кладет в основу уже иные расчеты. На поездках прусского генерального штаба штабная наука, логистика Жомини, вырабатывает свои новые принципы. Тщательно устанавливаются нормы глубины походных колонн и времени развертывания войсковых соединений, значительно сильнее оснащенных артиллерией; применение этих величин показало, что армейский корпус в составе 30 000 человек (округленно) является естественной стратегической единицей, так как он представляет собой такую часть армии, глубина которой в одной колонне соответствует нормальной величине дневного перехода. 30 000 человек на одной дороге составляют в глубину, примерно, 3 мили, а 3 мили — это обычный дневной переход корпуса, для которого определяющим моментом остается средняя выносливость пехотинца с полной нагрузкой. Следовательно, такой корпус может каждое утро выступать из места сосредоточенного расположения и после полудня снова занимать сосредоточенное расположение 3 милями дальше; при этом он может сохранять также соприкосновение со своими обозами и парками, которые, следуя за ним, подвозят боеприпасы и продовольствие и которые, вследствие роста потребности в боеприпасах и увеличения

веса артиллерийских снарядов, а также вследствие более обильного обеспечения средствами продовольствия и санитарной службы, насчитывают по меньшей мере в 4—5 раз больше повозок, чем в начале столетия.

Если необходимо достигнуть большего, корпус может выступить как можно раньше, чтобы к полудню быть сосредоточенным у цели марша; число непосредственно сопровождающих его обозов и парков можно ограничить самым необходимым, и тогда вместо остальных обозов этого передового корпуса ту же дорогу после полудня может использовать другой армейский корпус. Это — исключительный случай в наше время, стоящий в таком же отношении к нормальному движению армии, как пример из логистики Жомини, который более подробно рассматривает движение 60 000 человек × 2 = 120 000 человек в течение *одного* дня по *одной* дороге или, вернее, вдоль одной дороги [1].

Отсюда видно, что соображения Клаузевица о целесообразном расчленении армии, которых мы касались выше, в современную эпоху наталкиваются на серьезные препятствия; ничего не может изменить в этом и то обстоятельство, что сам Мольтке одно время, после 1866 г., увлекся идеей расчленения полевых сил на армии и дивизии и отказа от корпусных соединений в полевой армии [2]. Соединение типа дивизии для армий большой численности ни в коей мере недостаточно, так как лишь с большим трудом можно обойтись без предназначенного для движения по одной дороге войскового соединения под единым командованием; и если в мирное время корпус сделался гармонически слаженным целым, подлинной индивидуальностью, то от этого преимущества не захотят отказаться и в тех редких случаях, когда промежуточная инстанция — командование корпуса — с оперативной точки зрения, может быть, окажется излишней.

Впрочем, ведь только сам корпус, как войсковое соединение, и теперешняя численность корпуса оправдываются действительной стратегической необходимостью; о разделении и расчленении корпуса можно, конечно, много спорить. Если бы германский корпус состоял из 3 дивизий,

---

[1] «Очерки...», гл. 38 (II, 114). Наполеон в своей дополнительной заметке к 13-му (заключительному) замечанию к книге Ронья высказывается совершенно в том же смысле, как и Жомини. Ср. об этом также: Л е в а л ь, Стратегия марша (L e v a l, Stratègie de marche), стр. 98.

[2] «Тактико-стратегические статьи», стр. 155.

каждая силою в 3 полка, то эта тройная система организации в высокой степени отвечала бы потребностям управления войсками и ее следовало бы во многом предпочесть теперешней обязательной двойной системе организации.

Хотя это означает небольшое отклонение от моей основной темы, я хочу все же продолжить эту мысль немного дальше, так как именно сейчас вопросы организации армии широко обсуждаются.

Разделение армейского корпуса на 3 относительно слабые пехотные дивизии можно было бы провести без дальнейшего увеличения численности армии и без значительных дополнительных расходов, так как число пехотных полков уже более чем достаточно для этой цели.

Каждой дивизии, состоящей из 8 или 9 батальонов, в военное время должен был бы быть придан полк полевой артиллерии из 6 батарей, в то время как четвертый полк полевой артиллерии образовал бы в каждом корпусе корпусную артиллерию, подчиненную командованию корпуса.

Каждой пехотной дивизии следовало бы придать эскадрон конных посыльных (конных егерей) и роту самокатчиков. Последние могли бы взять на себя большую часть задач кавалерии по разведке, охранению и доставке донесений и именно в этой области могут сослужить, безусловно, прекраснейшую службу. Случаи, когда непроходимые дороги сделают самокатчиков совершенно беспомощными, будут не намного чаще, чем случаи, когда гололедица мешает кавалерии выполнять ее задачи. Всадники и самокатчики должны обычно делить между собой общие свои задачи в зависимости от местности.

Наконец, в составе каждой пехотной дивизии должны быть необходимые специальные подразделения: саперная рота, санитарная рота и т. д.

В мирное время корпус получил бы такую организацию: 3 пехотные дивизии, каждая в составе 1 пехотной бригады из 3 полков и 1 инспекции ландвера, которой подчиняются, примерно, 4—6 ландверных округов; в состав 2 пехотных дивизий в каждом корпусе органически включаются по 1 бригаде полевой артиллерии. Четвертую составную часть каждого армейского корпуса составила бы кавалерийская дивизия из 2 бригад, по 2 полка в каждой. В отношении егерей, сапер, тяжелой артиллерии можно было бы остаться при существующей организации мирного времени; в отношении обозов и парков я считал бы желательным при-

соединение их к полевой артиллерии, так как на войне я считаю полезным более тесную связь артиллерии с обозами и парками.

В случае войны, в командных отношениях должны были бы произойти следующие изменения, не ясные еще из сказанного выше: командиры пехотных бригад принимают на себя командование упомянутыми резервными дивизиями; инспекторы ландвера, все — генерал-майоры действительной службы, занимают высшие командные должности в ландверных войсках. Старший из командиров бригад полевой артиллерии становится начальником артиллерии корпуса; младший из командиров бригад принимает командование парками и обозами. Постоянное единое и сильное командование в тылу фронта армейского корпуса является прямо-таки настоятельной необходимостью, и даже при непрерывном продвижении вперед нельзя без ущерба отказаться от этого.

Кавалерийская дивизия по организации военного времени входит в состав армейского корпуса; командованию корпуса принадлежит право — не только общее и само собой разумеющееся, но и особенно важное — управлять действиями этой дивизии непосредственной отдачей ей приказов во всех случаях, когда оно сочтет это желательным. Если армейское командование захотело бы объединить несколько кавалерийских дивизий для единых действий, то один из находящихся в его распоряжении старших кавалерийских генералов принимает на себя командование этими дивизиями на тот срок, который требуется особым заданием. Это есть та форма массированного применения конницы, которую предлагал Мольтке в своей памятной записке от 25 июля 1868 г.[1].

2) *Железные дороги*, прежде всего, совершенно изменили понятие базы. В несколько дней железная дорога перевозит людей, лошадей, повозки и имущество всех видов из отдаленнейших районов к любому желательному пункту нашей территории, и никому не может теперь притти в голову сосредоточивать всякого рода огромные запасы в отдельных укрепленных пунктах у своей границы, чтобы во время операций базироваться на эти пункты. Мы базируемся сейчас уже не на определенную полосу территории, которая специально подготавливается для этого, а на всю нашу страну, которая благодаря железным дорогам пре-

[1] «Тактико-стратегические статьи», стр. 124.

вратилась в единый магазин с раздельно расположенными складами.

Это отличие от прошлого проявляется, естественно, в особенно большой степени, когда мы находимся внутри своей страны или в непосредственной близости от ее границ. Как только мы углубляемся на неприятельскую территорию, рядом с этим несомненным преимуществом новых условий становится и очевидная невыгода: железнодорожная коммуникация на неприятельской территории — линия, оставленная противником, может быть, разрушенная и нами лишь с трудом восстанавливаемая, движение на которой мы вынуждены поддерживать при помощи своего военного эксплоатационного персонала, своих паровозов и вагонов, — должна быть признана необычайно чувствительной коммуникацией. Нагрузка путей сообщения возросла в течение XIX столетия весьма значительно, и в 1870—1871 гг. в этой области появились цифры, которые раньше казались бы недостижимыми. Немецкая полевая армия перешла границу численностью, округленно, в 520 000 человек и после присоединения к ней еще целых войсковых соединений выросла постепенно до 600 000 человек. При этой численности армии по железным дорогам было постепенно подвезено для пополнения имевшей место убыли 2 200 офицеров, 220 000 солдат и 22 000 лошадей[1]. С течением времени было перевезено обратно на родину 240 000 раненых и больных как немцев, так и французов[2] и, кроме того, подавляющее большинство из 384 000 пленных, которых немцы должны были переправить в Германию, были посажены на поезда еще на французской территории или у самой границы[3].

Это — огромные цифры для сообщений в тылу армии, и рядом с ними перевозка 30 миллионов ружейных патронов и 362 000 снарядов полевой артиллерии представляет сравнительно небольшую нагрузку[4].

Наоборот, перевозка мощного осадного парка, многочисленных тяжелых орудий и соответствующих боеприпасов, составлявших колоссальный груз, поставила железные дороги перед огромными задачами в области обслуживания военных потребностей. Ведь при одной только осаде Страсбурга было выпущено почти в три раза больше снарядов

[1] Труд Германского генерального штаба, V, приложение № 198.
[2] Там же, V, 1508.
[3] Там же, V, 1540 (в указанное число входят 12 000 офицеров).
[4] Там же, 1460, примечание 1-е.

(по их общему весу), чем во всех полевых сражениях в течение всей войны [1].

Если с этими цифровыми данными об использовании железных дорог сопоставить тот факт, что даже один человек в состоянии заставить железнодорожный поезд сойти с рельсов и что смелый партизанский отряд весьма легко может произвести разрушение железнодорожного пути, которое на целые недели сделает совершенно невозможным движение по нему, то становится ясным, как сильно нуждаются в постоянной охране современные пути сообщения на неприятельской территории и как чувствительно может быть затронута современная армия, если противник серьезно угрожает ее коммуникациям.

Необходимо поэтому строго различать условия стратегической обороны и стратегического наступления.

Для обороны на собственной территории железные дороги в значительной степени увеличили ту свободу передвижения, которая была и раньше. При движении по коммуникационным линиям, при обеспечении армии людским и конским пополнением, боеприпасами и жизненными средствами, при отправке в тыл раненых и пленных некоторые кружные пути, по которым проложены железные дороги, не играют никакой роли, и только та территория, которой противник сам непосредственно овладел, является потерянной для наших целей. Полное подчинение всех железных дорог военному командованию в такой мере обеспечено, а военно-железнодорожные учреждения организованы таким подвижным образом, что любая желаемая перемена коммуникационных линий может быть осуществлена по короткому приказу с величайшей легкостью и быстротой. Кроме того, особым преимуществом для обороны на собственной территории является то, что железнодорожные коммуникации, обладающие значительной пропускной способностью, подходят всюду вплотную к расположению своей армии. Поэтому необходимые для армии грузы всех видов можно сейчас же перегружать с железной дороги на транспорты и обозы армейских корпусов; отпадает необходимость в импровизированных гужевых парках, без которых обычно нельзя было обойтись, и зачастую является возможность держать часть обозов на большем расстоянии от войск. Немаловажное значение имеет то, что таким образом могут

[1] Труд Германского генерального штаба, V, 1476.

быть весьма облегчены отступательные движения в своей стране.

В противоположность этому, стратегическое наступление в неприятельскую страну, конечно, никогда не может с уверенностью рассчитывать на то, что железнодорожная коммуникация все время будет следовать за этим продвижением. Противник будет частью преграждать железные дороги укреплениями, частью разрушать их, а постройка вспомогательных участков — это задача трудная и отнимающая время. Все же при помощи узкоколейных железных дорог можно в относительно очень короткий срок создать коммуникационную линию, которая позволит достигнуть значительных результатов в подвозе военного имущества. Когда железнодорожная коммуникационная линия действительно проложена вплоть до армии, действующей в неприятельской стране, командование должно считаться с тем, что ее трудно переносить на другое направление. В этом случае вряд ли будет осуществима та знаменитая *перемена коммуникации* (операционной линии), которую Наполеон однажды назвал искуснейшим маневром военного командования[1]. Следовательно, в будущем мы снова будем видеть более частые случаи, когда понадобится, может быть, выделять целые части армии в сторону, чтобы прикрывать коммуникационную линию армии; снова мыслим также случай, когда армия направляет свои усилия к тому, чтобы сохранить свою *коммуникационную линию*, хотя по обстановке она не чувствует ни малейшего опасения за свой *отход*. Представим себе, что в 1870 г., в середине октября, т. е. перед падением Меца, значительная французская армия продвигалась бы с юга в общем направлении на Шалон-на-Марне, — это был бы именно такой пример. Подобное продвижение угрожало бы тогда необходимой железнодорожной коммуникации главных сил прусской армии, стоявшей перед Парижем, и эта угроза была бы тем опаснее, что предстоявший обстрел и осада Парижа совершенно определенно зависели от возможности использования только что налаженной железнодорожной линии. Несомненно, пруссаки скорее отказались бы от блокады Парижа, чем допустили бы нарушение своей коммуникационной линии. Однако, вопрос об отступлении не играл бы при этом никакой роли. Наоборот, прусское главное коман-

[1] Ср. 10-е замечание Наполеона по поводу Семилетней войны, в котором он, — правда, без всякого фактического основания, — рассматривает сражение при Лейтене как пример такого искусства.

дование считало бы это своего рода компенсацией, если бы оно получило возможность наносить удар перевернутым фронтом и тем самым лишить неприятного противника путей отступления в глубь Франции.

Я рассматривал железные дороги в первую очередь с точки зрения значения их как коммуникаций, так как в этом отношении больше всего проявляется их влияние на ведение войны. Однако, они оказывают также влияние, сначала особенно бросающееся в глаза, на сосредоточение армий на театре войны и, следовательно, на план войны. Необходимый раньше почти повсюду длительный период перехода на военное положение теперь для больших континентальных государств Европы в большей или меньшей степени стал мифом. Повсюду действует принцип, что призыв под знамена военнообязанного населения должен быть отложен до того момента, когда не будет уже никакого сомнения относительно решения вести войну, после чего необходимо действовать с величайшей быстротой[1]. С педантичной тщательностью разрабатываются не только самая мобилизация, но и развертывание армии вплоть до мельчайших подразделений; особенно важное значение имеет строгий порядок проведения этих мероприятий. При этом все условия и обстоятельства тщательно взвешиваются и сопоставляются, чтобы достигнуть наибольшего возможного эффекта и всю армию в кратчайший срок привести в состояние боевой готовности. Иногда имеются веские основания для того, чтобы перевезти определенное войсковое соединение в определенное место, и все же его доставляют в другое место, так как там можно использовать его на несколько дней раньше. Основные, руководящие идеи плана будущей войны, подготовка войсковых перевозок и пропускная способность железнодорожной сети при этом всячески влияют друг на друга и определяют конечный результат.

В общем, нетрудно признать особенно характерной одну сторону этого конечного результата: чем шире может быть проведено развертывание, тем быстрее оно заканчивается;

---

[1] Современные капиталистические государства вовсе не откладывают мобилизацию на самый последний момент, как это изображает Кеммерер. Непрерывная явная и тайная подготовка к войне и открытие военных действий без всякого объявления войны являются характернейшими чертами политики фашизма, что не исключает, конечно, особенно активных мобилизационных мероприятий в период, непосредственно предшествующий началу войны. — *Ред.*

чем уже пространство, на котором оно должно происходить, тем дольше оно будет длиться. Другими словами: железнодорожное развертывание устремляется в ширину.

Теперь я должен затронуть еще третью сторону железных дорог — возможность непосредственного использования их в стратегической операции. Фланговое движение французов и сардинцев в 1859 г. послужило, несомненно, первым примером такого рода: пехота целого армейского корпуса использовала железную дорогу и двигалась вдоль фронта противника, хотя и под защитой большой реки, но все же в поразительной близости от неприятельского сторожевого охранения. Она сберегла свои силы и освободила сильно загруженные дороги; однако, с перевозкой ее по железной дороге не был связан выигрыш времени. Легко понять, что железнодорожный аппарат может принести настоящую пользу для переброски крупных войсковых масс с лошадьми и повозками только тогда, когда дело идет о больших расстояниях; при небольших расстояниях армейский корпус походным порядком скорее прибудет к цели. Если же мы представим себе случай, что Германии однажды придется вести борьбу на два фронта, то ее прекрасная железнодорожная сеть наилучшим образом обеспечит ведение операций. Тогда можно будет, смотря по обстановке, перебрасывать крупные войсковые соединения с одного фронта на другой и тем самым возобновить игру по внутренней линии в более высоком и значительном смысле, чем раньше. Поскольку я упомянул выше о тщательной и педантически точной подготовке перевозок войск во время развертывания, то несведущий человек мог бы подумать, что и в таких случаях обязательно необходим длительный подготовительный период, который пошел бы в ущерб делу. Но это не так. Планы военных перевозок построены настолько предусмотрительно и осмысленно, что вполне достаточные и исключающие всякие сомнения приказы о подготовке и проведении перевозок целых армейских корпусов можно формулировать в телеграфном стиле; органы военных сообщений и железнодорожная администрация в результате ежегодно повторяемых пробных мобилизаций основательно усвоили существо дела, а потому можно быть совершенно спокойным, что и в тех случаях, о которых говорилось выше, исполнительные инстанции проявят необходимую самостоятельность.

3) О *телеграфе* я могу упомянуть в самой сжатой форме, но значение его гигантское; *он совершенно устранил опас-*

ные стороны разделения. Выше уже было сказано, что Наполеон категорически отвергал идею операции по нескольким операционным линиям в нескольких отдельных направлениях без сообщений между ними, так как невозможно обеспечить согласованные действия различных колонн. Это свое убеждение он высказывал неоднократно и не оставлял никакого сомнения относительно того, какое это имело для него значение. Это — исходный пункт всей его стратегии масс, которая в принципе всегда держит главные силы настолько тесно сосредоточенными, насколько это вообще позволяют условия движения и расположения на отдых, и которая всегда преследует одну цель: соединенными силами поочередно обрушиваться на части неприятельских сил.

Фактически существовавшая раньше опасность отсутствия согласованности при действиях отдельными частями армии сейчас, благодаря телеграфу, почти полностью устранена. Даже если бы противник настолько вклинился между нашими армиями или частями армии, что ни один всадник не мог бы проникнуть из одной части армии в другую, мы достаточно хорошо сообщались бы между собою по дуге протяжением в 20, или 50, или 80 миль. Полевой телеграф везде прокладывает свои линии с такой же скоростью, с какой войска совершают марш, и каждый вечер главное командование может точно узнать, как обстоит дело в отдельных пунктах общей операции, и соответственно этому давать свои указания.

Но, может быть, кто-либо из читателей возразит мне, что выше, при изложении плана операций союзников в осенней кампании 1813 г., мы слышали, что такая ежедневная отдача приказов и указаний вовсе не является правильной, что тогда прекрасно оправдало себя установление общего плана с самостоятельной свободой передвижений и что главное командование должно ограничиваться отдачей директив. Возражение это небезосновательно. Когда телеграф впервые вошел в число средств управления войсками, было очень широко распространено опасение, что этим могла быть вызвана к жизни новая эра господства придворного военного совета (Hofkriegsrat), и сам Мольтке однажды оплакивал полководца, свободе действий которого мешает «наличие телеграфного провода в тылу»[1]. Надо было избежать именно этого подводного

[1] Ср. изданный Прусским генеральным штабом труд о кампании 1859 г., стр. 8.

камня и научиться извлекать соответствующую пользу из ежедневных сношений между собой высших командных инстанций, не вредя самостоятельности подчиненных начальников. В этом отношении как раз Мольтке создал школу. Система отдачи приказов, по образцу Мольтке, исходит из того, что подчиненный основательно знает свое дело; она помогает ему всеми сведениями, которые она может ему сообщить, и остерегается отдавать распоряжения, которые он сам может отдать. Изучая оперативные приказы Наполеона, все время приходится вновь и вновь поражаться активнейшей умственной работе императора, который обо всем думает и обо всем заботится; но тут же можно притти к другому выводу, что *таким путем никогда нельзя было воспитывать командиров*. Несамостоятельность и неискусность его маршалов в выполнении подлинных командных задач объясняются на самом деле не случайными неудачами, а являются следствием беспощадного, я сказал бы тиранического, отношения к ним императора, который постоянно держал их на помочах чрезмерно категорических приказов, и той жестокости, с какой он наказывал всякое отклонение от его воли. Таким способом нельзя воспитать себе помощников для трудной работы и серьезной обстановки, и отсутствие у Наполеона таких помощников было его несчастьем в великих боях, приведших к его низвержению. Для кого этот факт не вполне ясен, тому изучение наполеоновских оперативных приказов легко может пойти во вред.

4) Я могу считать общеизвестным, что *дальнобойное и скорострельное оружие* совершенно изменило тактику. Но я должен сказать все же несколько слов о том масштабе, в котором произошло это изменение.

Пехотные ружья конца XIX столетия стреляют, примерно, в десять раз дальше ружей наполеоновского периода; из них можно за то же время сделать, по крайней мере, в три раза больше прицельных выстрелов, чем раньше; они позволяют стрелку заряжать лежа и, следовательно, использовать такие укрытия, которые раньше не были пригодны для этой цели.

Если пехотная стрелковая цепь наступает по открытому ровному месту, чисто фронтально, на укрыто расположенного обороняющегося противника, то она должна двигаться отдельными скачками, чтобы вести стрельбу также и лежа, а периоды продвижения вперед, при котором нельзя избежать вертикального положения корпуса, по возможно-

сти сокращать путем быстрого движения бегом. Наступающий видит при этом все время только маленькую цель, а сам, как бы часто он ни залегал, образует в любом пункте на пути своего движения самую большую цель, какая вообще возможна. Из-за быстрого движения бегом он теряет способность хорошо прицеливаться, в то время как обороняющийся, ясно видя результаты своей стрельбы, приобретает все большее и большее спокойствие при ведении огня. Наконец, наступающий может вести огонь только в продолжение части времени, которое имеется в моменты передышек, когда сильно бьющееся в результате бега сердце несколько успокоится; таким образом, он может выпустить только небольшую часть той массы патронов, которые выпускает за то же время обороняющийся, ведя прицельный огонь. По данным стрелковой науки, наступающий при таких действиях вынужден нести по меньшей мере в двадцать раз больше потерь, чем он сам может нанести лежащему противнику. Другими словами, прежняя традиционная атака пехоты по открытой равнине в настоящее время невозможна, даже если она внешне сильно модернизирована.

Теперешние полевые орудия могут вести действительный огонь на расстояние, примерно в пять раз большее, чем в начале XIX столетия; они весьма значительно превосходят орудия той эпохи в скорострельности и ведут огонь с такой меткостью, какая раньше была неизвестна. Их основной снаряд — шрапнель — рассчитан, главным образом, на действие по пехотным колоннам; следствием этого явилось то, что колонны были постепенно изгнаны из всех частей поля сражения, доступных неприятельскому наблюдению, но шрапнель может быть опасна и для невидимых колонн, если только известно их местонахождение.

В начале столетия, на равнине у Ваграма, — тесно сомкнутая фаланга более чем из 50 батальонов, предназначенная действовать только силой своей массы, сначала, правда, вынужденная к отходу в результате охватывающего огня обороны, но затем при новом продвижении достигающая, несмотря ни на что, торжества штыка над огнестрельным оружием; в конце столетия, на равнинах Южной Африки, — сильно растянутые стрелковые цепи, которые, несмотря на многократное превосходство в численности, тщетно пытаются подойти к тонкой линии неприятельских одиночных бойцов, — *такова разница в действии огня тогда и теперь.* Влияние новейшего усовершенствования *ручного огне-*

стрельного оружия, во всяком случае, гораздо больше, чем когда-то влияние изобретения этого оружия. Относительно артиллерийского орудия нельзя, правда, сказать того же самого, но все же успехи последнего времени следует назвать гигантскими.

В связи с таким усовершенствованием огневых средств чисто фронтальное наступление, тактический прорыв центра почти вовсе вычеркнуты из военного словаря. Только в тех случаях, когда как раз в середине неприятельской боевой линии местность представляет особые выгоды для наступления или когда отчетливо видно, что обороняющийся совершает крупные ошибки, можно пытаться направить свои усилия в центр противника. Тем более будут возможны такие случаи, если бой ведется на широком участке в течение нескольких дней подряд и если наступающий решился с лопатой в руках, по образцу крепостной войны, все ближе и ближе подбираться и подползать к позиции обороняющегося.

В общем же наступающий должен сказать себе, что для того, чтобы подавить сильно возросшее действие огня обороны, ему необходим *охват*.

Как прорыв с помощью холодного оружия был кульминационным пунктом всей тактики в начале столетия, так в конце его кульминационным пунктом всей тактики стало огневое воздействие с двух сторон.

Напрасное старание — вопреки такой перемене пытаться избрать золотую середину. Перемена настолько огромна, что речь больше уже не может итти об осторожно нащупываемых изменениях; необходимо порвать со всем, что не отвечает больше духу современности.

* * *

Как же влияет вся эта техника XIX столетия на стратегию?

Совершенно неизбежная, в большинстве случаев, широта железнодорожного развертывания вынуждает к разделению всех сил на несколько самостоятельных армий даже и тогда, когда число армейских корпусов, может быть, и позволяло еще управление из одного армейского штаба.

При передвижении армий, естественно, стремятся к тому, чтобы дать каждому армейскому корпусу свою дорогу. и должны быть особые причины, чтобы потребовалось отклонение от этого правила.

Телеграф допускает полную согласованность действий и при растянутом фронте.

Как правило, сражение оказывается лучше всего подготовленным, если охват, осуществляемый своей армией, облегчается подходом к полю сражения с двух направлений.

Из всего этого вытекает:

прежде всего — что стратегическое карре (carré stratégique) Жомини и четырехугольные и крестообразные формы построения, в которых хотел двигать армию Клаузевиц, потеряли свое прежнее значение;

далее — что движение нескольких армий по концентрическим (внешним) операционным линиям не связано уже с прежними опасностями;

наконец — что операция по внутренней линии сделалась в высшей степени опасной, так как она дает противнику легкую возможность использовать при охвате высокое совершенство современных огневых средств; во всяком случае, эта операция уже не является больше прежним средством облегчения победы слабейшего и может быть использована с успехом, собственно, только тогда, когда ей благоприятствуют особые условия.

VIII. МОЛЬТКЕ В ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЬ НАПОЛЕОНУ

Война против Австрии.—Действия в случае неприятельского наступления.— Наступление пруссаков.— Война против Франции.— Наступление с ограниченной целью.— Стратегическая оборона на Рейне.— Набросок плана от 8 августа 1866 г.— Новый план для войны на два фронта.— Случайное сходство с действиями Наполеона.— Мольтке приспособляется к обстановке.— Стратегическое учение Мольтке.— Главное правило Мольтке.

Вопрос о том, имеется ли противоположность между Наполеоном и Мольтке, за последнее время ставился неоднократно и не без некоторой остроты. Именно, чтобы избежать этой остроты, которая в научных исследованиях является в большинстве случаев весьма вредным придатком, я хочу сейчас внести полную ясность в название этой главы. По моему убеждению, между Наполеоном и Мольтке имеется очень существенное различие, но само собой понятно, что это различие в то же время только относительное. Если сравнивать стратегию их обоих со стратегией Фридриха II, то на первый план выступает единство XIX столетия по сравнению с XVIII столетием. Если же вывести на сцену Александра, Ганнибала и Цезаря, то по сравнению с ними полководцы нового времени опять-таки выступают как родственные между собой, так как особенно резко бросаются в глаза те черты, которыми все они отличаются от полководцев древности. Наконец, при рассмотрении с еще более широкой точки зрения можно, несомненно, различить ряд общих черт у полководцев всех времен.

Необходимо также с самого начала указать на то, что сам Мольтке не высказывался подробнее относительно той противоположности, которую мне предстоит здесь охарак-

теризовать. Это объясняется, прежде всего, его высокой скромностью, которая не позволяла ему особенно подчеркивать свое отклонение от наполеоновского образца и формально объявить о своем отказе следовать в определенном направлении за военной теорией Клаузевица, которую он ценил чрезвычайно высоко. Он тем менее мог решиться на этот шаг, что в отдельных местах сочинений Клаузевица имеются высказывания, которые почти что выходят за рамки его общей точки зрения и звучат как предвосхищение позднейшей эпохи.

Однако, здесь примешивается и еще нечто другое. Мы увидим ниже, что Мольтке со всей остротой и определенностью формулирует принципы, с которыми он покинул проторенные пути стратегии. Но поскольку он делает это в самом ответственном служебном наставлении — в Инструкции для высших войсковых начальников, для которой весьма важна была сжатость изложения и которая к тому же отнюдь не предназначалась для открытого пользования и должна была сохраняться в секрете, — то само собой понятно, что у него не было никакого повода каким-либо образом подчеркивать новизну своего учения, как это, безусловно, имело бы место при составлении учебного пособия обычного характера.

Я же считаю своей обязанностью совершенно отчетливо разъяснить, в каком отношении находились взгляды Мольтке к тому, что он нашел до себя, и в какой мере этот испытанный мастер практической стратегии прокладывал также пути для прогресса науки.

Военная корреспонденция Мольтке является неисчерпаемым источником для ответа на этот вопрос; особенно же поучительны многочисленные памятные записки (Denkschriften), в которых каждый отдельный военный вопрос он подвергал всестороннему исследованию и разъяснял его со всех точек зрения. Ибо Мольтке был необычайно усердным тружеником, и при каждом заметном изменении политической и военной обстановки он всегда заново брался за перо, чтобы в любой момент быть вполне готовым и способным дать ответственный совет.

Так как в 1859 г. дело не дошло до войны Пруссии с Францией, то соответствующих подготовительных работ Мольтке я коснусь ниже, сопоставляя их с подготовительными работами к войне 1870—1871 гг.

Война против Дании 1864 г. не дает для наших целей особого материала, так как подлинное ядро вопроса, кото-

рый нас занимает, — это вождение современных массовых армий, о чем не могло быть речи на узко ограниченном театре войны. Все же имеет определенное значение тот факт, что план кампании, составленный Мольтке[1], рассчитан на двойной охват противника, т. е. на такую форму действий, которую Наполеон при организации своих операций для целой кампании никогда не применял и которую он принципиально отвергал.

Итак, наше изложение обращается в первую очередь *к войне против Австрии*. Теперь нам особенно интересно знать, как Мольтке относился к известной идее Жомини, что прусское наступление на Вену должно иметь исходным пунктом Верхнюю Силезию и что цель этого наступления может быть достигнута в 10—12 переходов.

Мольтке неоднократно анализировал эту идею[2] и в одном месте прямо называет такую операцию с 6—7 корпусами, из которых один назначается для прикрытия Берлина, а один-два — для прикрытия Рейнской провинции, наиболее правильной из всего того, что могло быть предпринято. Тогда получилась бы операция совершенно в наполеоновском стиле, с армией, массированной на *одной* операционной линии, а поскольку австрийские вооруженные силы в мирное время были распределены по всей территории государства, это была бы, несомненно, операция по внутренней линии.

Но предпосылкой такого плана войны должно было бы быть положение, при котором Пруссия могла бы вести свои приготовления в глубокой тайне; после начала перевозок войск, прибегая к умной дипломатии, использовать каждое средство для введения противника в заблуждение и удержания его от выступления и при этом с величайшим рвением продолжать сосредоточение войск; наконец, определенно выступить, после того как прибудет последняя войсковая часть и непосредственно необходимые парки и обозы. Мольтке же знал наверняка, что коронованный военачальник не согласился бы с такими замыслами. Король Вильгельм хотел вести войну против бывшего союзника только в том случае, если поведение Австрии вынудит его

---

[1] «Военная корреспонденция Мольтке» («Moltkes Mil. Korrespondenz»), 1864 г., № 2; памятная записка 1862 г. («Военная корреспонденция» охватывает собою различные военные документы, автором которых был Мольтке. — *Ред.*).

[2] «Военная корреспонденция», 1866 г., № 1 и 6; памятные записки 1860 и 1865—1866 гг.

к этому, а потому Мольтке принужден был совершенно отказаться от подобного наступательного плана.

Первым следствием этого должно было быть тщательное взвешивание того, как могла бы Австрия использовать инициативу, которая, собственно говоря, была предоставлена ей. При том положении, которое занимала Богемия по отношению к столице Пруссии, можно было ожидать, что противник значительными силами соберется в северной части этой провинции, чтобы искать решения на кратчайшем пути. Правда, из внутренних областей Австрии в Богемию вела только одна единственная железнодорожная линия, однако при союзных отношениях с Баварией можно было использовать и еще одну линию. Для войск, которые не могли быть перевезены ни по одной из обеих линий, удобным сборным пунктом был Ольмюц, так как туда вела третья железная дорога из Венгрии (правда, одним перегоном дальше, у р. Моравы, эта дорога совпадала с названной выше линией Вена — Прага) и так как, кроме того, в этом районе заканчивалась и галицийская железная дорога. Поскольку Мольтке вполне признавал высокое значение железных дорог для занятия войсковыми массами исходного положения, он считал необходимым ожидать и у противника такой же системы развертывания, при которой имеющаяся железнодорожная сеть использовалась самым целесообразным способом, а потому он с самого начала предполагал наличие двух неприятельских армейских групп — в Богемии и в Моравии.

Действующие против них прусские вооруженные силы должны были быть развернуты таким образом, чтобы был прикрыт Берлин и в то же время Силезская провинция была защищена от неприятельского вторжения. Прусская мобилизация могла быть проведена значительно быстрее, чем австрийская, и так как войска, стоявшие в Силезии и в Бранденбургской провинции, должны были двигаться, главным образом, походным порядком, а по имевшимся пяти железным дорогам могли перевозиться одновременно 5 армейских корпусов, то быстрое развертывание было полностью обеспечено. Но тем самым предопределялись также расположение на широком фронте, расчленение на несколько самостоятельных армий и следующие за этим раздельные действия.

По убеждению Мольтке, Пруссия, безусловно, могла оттягивать подписание приказа о мобилизации до того момента, пока объем австрийских вооружений сделает враждебные

намерения Австрии совершенно ясными и для самых широких кругов. Нельзя было только позволить противнику фактически начать перевозки для сосредоточения войск, — в этом случае надо было упредить врага своими действиями.

Но Мольтке считал, что, как только мобилизация будет объявлена, боязнь «агрессии» может стать в высшей степени опасной; поэтому в повторных докладных записках на имя короля он настаивает, что, начиная с этого момента, на первом плане должна быть военная точка зрения[1]. На двадцать пятый день мобилизации действительно должна начаться война.

В результате — приблизительно в течение двух недель можно было рассчитывать на численное превосходство, и в этом можно было видеть основу значительных успехов. Если же, наоборот, позволить противнику достигнуть большего в подготовке к войне, если допустить, что он создаст пригодные для действия армии раньше, чем в Пруссии последует приказ о мобилизации, или же из политических соображений медлить с использованием армий, приведенных в боевую готовность, — тогда, конечно, выгода лучшей организации была бы для пруссаков потеряна; если же противнику была бы передана инициатива, то нельзя было бы избежать трудных положений.

Мольтке с величайшей тщательностью продумывал каждое вероятное положение вплоть до самых отдаленных его последствий. Более чем в двадцати памятных записках и более кратких обзорах он в течение марта, апреля и мая 1866 г. точно взвешивал каждое колебание, каждое изменение военно-политической обстановки.

Сначала он изучает один из возможных случаев, при котором противник своими армиями, опережающими пруссаков в боевой готовности, пытается помешать прусскому развертыванию. Если австро-саксонская армия очень рано выступит по кратчайшему пути, т. е. по правому берегу Эльбы, на Берлин, он предполагает фронтально противопоставить ей прусскую армию из 3 корпусов к югу от Берлина, в то время как другая армия из 4 корпусов от Торгау ударит противнику во фланг[2], а 1 или 2 корпуса будут прикрывать Силезию. В другом проекте армия, прикрывающая Берлин, мыслится силою в 4 корпуса, в то

[1] «Военная корреспонденция», 1866 г., стр. 128, 135 и 178 (18 апреля, 27 апреля и 25 мая).

[2] «Военная корреспонденция», 1866 г., № 16.

время как от Эльбы действуют во фланг противнику только 2 корпуса[1]. Встречается, впрочем, и вариант, по которому фланговый удар наносится не с запада, а с востока, из района Гёрлица, армией из 2 корпусов, в то время как одновременно 2 других корпуса из Силезии вторгаются в Богемию[2].

Неприятельское продвижение на Берлин могло бы начаться и наступлением по левому берегу Эльбы. В этом случае один корпус, опирающийся на крепости Виттенберг и Торгау, противодействует фронтально переправе через Эльбу, в то время как армия из 3 корпусов наступает с фланга, от р. Мульды. Главные же силы из Лаузица и Силезии вступают в Богемию и сметают перед собой все, что оставлено там противником для защиты его коммуникационной линии. Затем они должны были бы с перевернутым фронтом встретить противника, отступающего с берлинского направления[3].

Если противник захочет обратиться против центра прусского развертывания, который должен быть у Гёрлица, то он сможет, несомненно, оттеснить этот центр, и может даже понадобиться выгрузку предназначенных в этот район войск отнести назад не только до Зорау и Губена, но при упорном продвижении противника до самого Франкфурта-на-Одере. Но к тому времени, когда гёрлицкая армия приобретет полную свою силу и сама сможет перейти в наступление, другая прусская армия из 4 корпусов будет стоять у Дрездена, глубоко в тылу продвинувшихся австрийцев, готовая выступить в Богемию, а силезская армия при благоприятной обстановке будет уже там[4].

Наконец, если австрийское наступление будет направлено против Силезии как со стороны Богемии, так и со стороны австрийской Силезии, то Мольтке, в зависимости от обстановки, создающейся в этом особом случае, хотел бы оставить за собой свободу решения: должны ли прусские главные силы, стоящие у Гёрлица и на Эльбе, выступить влево в сторону Силезии, чтобы там, соединившись с силезской армией, дать решительное сражение, или же лучше этими главными силами немедленно же направиться в Богемию и этим оттянуть австрийскую наступательную армию

[1] «Военная корреспонденция», 1866 г., № 38, I, A.
[2] Там же, № 49.
[3] Там же, № 38, II, A, c.
[4] Там же, № 38, II, A, b.

обратно?[1] Но он обсуждает также и возможность, что силезской армейской группе придется отходить мимо Бреславля за Одер, и тогда центр должен от Гёрлица через Лигниц поспешить ей на помощь, в то время как армия правого фланга продолжает свою операцию в Богемии.

Если попытаться в нескольких словах выразить основную идею всех этих набросков плана, то можно сказать так: прусское развертывание происходит действительно на необычно широком фронте, и по традиционным взглядам противнику могло бы, конечно, показаться выгодным обрушиться на одну из оконечностей или на центр этого, в известной мере кордонного, расположения и по частям (en détail) разбить его. Но теперь имеется телеграф и привычка младших начальников к самостоятельным действиям. Поэтому, несомненно, удастся внести согласованность в выступление расчлененной армии, и тогда противник должен будет остерегаться!

Во всяком случае, из работ Мольтке с очевидностью вытекает, что он меньше всего боялся раннего наступления противника[2]. Ему, безусловно, чужд взгляд на тактическую оборону как на опасную форму боевых действий, и так же мало принадлежит он к людям, которые считают отступление оскорбительным для чести или предосудительным. Как Наполеон от каждой войсковой части и от каждого командира требовал такой боеспособности, чтобы в отступательном бою сражаться с противником за каждый клочок земли, так Мольтке считал само собой разумеющимся, что каждая часть армии должна так же хорошо сражаться в неподвижном положении или при отходе, как и при наступлении, и он считает прямо-таки неукоснительной обязанностью высшего войскового начальника организовать отступление, если отнесение решающего столкновения назад представляется отвечающим общей обстановке.

Мы приходим теперь ко второй стороне вопроса, а именно — к тому случаю, когда противник отказывается от всякого раннего наступления, ожидает нападения в Северной Богемии и, пожалуй, только коротким продвижением одной части армии облегчает отход саксонцев.

Для этого случая Мольтке принимает общее выступление 3 прусских армий на двадцать пятый день мобилизации. Если австрийский корпус выступит на поддержку саксон-

[1] «Военная корреспонденция», 1866 г., № 6, a, d, 1.

[2] Ср., в особенности, «Военная корреспонденция», № 39 (стр. 111—114) и № 41 (стр. 122).

цев, то надо будет попытаться прусской правофланговой армией оттеснить эту неприятельскую армейскую группу вплоть до левого берега р. Молдавы и в направлении на Линц. Гёрлицкая армия соединится тогда в районе Кениггреца с силезской и будет стремиться встретить австрийскую армию в Восточной Богемии. Последняя вряд ли будет достаточно сильна, чтобы принять решительное сражение и отклониться с этой целью к Ольмюцу, оставляя дорогу на Вену открытой. Мольтке называет складывающуюся в этом случае для пруссаков обстановку «действиями по внутренней линии», и это, несомненно, так. Однако, в настоящее время надо учитывать, что эти действия развивались бы не по тому пути, который обычно связывался с понятием операции по внутренней линии, т. е. не в результате сосредоточения массы войск, которая наносит удары поочередно направо и налево или передвигает свой центр тяжести [1].

В случае, если саксонцы без задержки отступят в Богемию, планы Мольтке предусматривают генеральное сражение либо в районе Юнг-Бунцлау или Праги, в последнем случае, возможно, с фронтом на запад, либо в районе Кениггреца, причем предполагается, что противник будет стоять за Эльбой, на ее левом берегу между Йозефштадтом и Кениггрецом, либо, наконец, у Пардубица. Уже в этих ранних набросках мы находим идею, по которой армия, идущая из Силезии, остается на левом берегу Эльбы, т. е. вступает в решительное сражение из такого расположения, при котором *река с двумя крепостями разделяет обе главные части прусских войск*. Я это особенно подчеркиваю, потому что по старым принципам это представляется большим риском. Мольтке же позднее, в труде Генерального штаба о войне 1866 г., еще раз совершенно определенно высказался в том смысле, что такая операция по обе стороны весьма значительного речного участка, безусловно, входила в его намерения [2].

Прусская мобилизация была объявлена не сразу, но по частям в течение восьми дней; считая со дня отдачи последнего мобилизационного приказа, двадцать пятый день мобилизации приходился на 6 июня. Этот день прошел без объявления войны, и с этого момента время работало в пользу противника. Чем дольше оттягивалось начало опе-

[1] «Военная корреспонденция», № 38, B. a.

[2] Там же, № 38, II, B, b и № 45. Труд Генерального штаба о войне 1866 г., стр. 239—242.

рацией, тем большими, по предположению Мольтке, должны были стать боевые силы австрийцев в Северной Богемии, тем больше, следовательно, надо было считаться с тем, что в пограничных горных проходах и на противоположных скатах этих гор придется натолкнуться на серьезное сопротивление. И все же Мольтке ничего не изменил в своих замыслах; переход через горы на широком фронте все время оставался лучшим средством для того, чтобы как можно скорее ввести в дело все силы.

Наконец, были получены важные известия о том, что происходит по ту сторону границы; обнаружилось, что центр тяжести неприятельского развертывания лежит не в Богемии, а у Ольмюца. Первый вывод из этого был, естественно, тот, что противник имеет в виду продвижение оттуда в Силезию. Поэтому был усилен и передвинут к юго-востоку левый фланг (2-я армия); центр (1-я армия) и правый фланг (Эльбская армия) двигались соответственно вдоль саксонской границы, с соблюдением прежних интервалов между ними. Если бы противник вторгся в Силезию армией такой силы, которой 2-я прусская армия не достигла, последняя должна была бы медленно, с боями отходить и присоединиться к 1-й армии; Эльбская же армия должна была бы сейчас же вступить в Саксонию, при благоприятных условиях — продвигаться к Богемии. Если 2-я армия была бы достаточно сильна, чтобы принять удар, то главные силы пруссаков должны были бы единой массой двигаться на Вену и тем самым вырвать у противника инициативу [1].

Австрийское наступление не состоялось, и 16 июня наступило, наконец, время действовать. Эльбская армия, которая стояла дальше всего, начала движение, затем 2-я армия и, наконец, 1-я стали продвигаться в Богемию. Если бы противник теперь все-таки вторгся в Силезию, это был бы удар по воздуху. Однако, из поступивших в это время сведений стало известно, что австрийцы намеревались со своей общей исходной позиции в Моравии выступить в Богемию, а поэтому прусской армии было дано общее направление на Гичин.

Это концентрическое продвижение протекало не совсем так, как его представлял себе Мольтке. 1-я армия двигалась на слишком узком фронте, своим левым флангом не держалась линии гор [2], и вдобавок искусным маневром ее

[1] «Военная корреспонденция», № 91.
[2] Там же, № 129.

непосредственного противника, кронпринца Саксонского, все ее силы временно были отвлечены с того направления, целью которого был Гичин. Вследствие этого для 2-й армии создалась довольно серьезная обстановка, и с человеческой точки зрения было бы очень понятно, если бы этот кризис повысил у главного командования потребность в непосредственном соединении всех сил. Командование 2-й армии совершенно определенно разделяло точку зрения прежнего учения об операциях, которое требовало очень тесного сосредоточения. Однако, Мольтке задержал движение кронпринца, поскольку между двумя армиями уже не было расстояния в дневной переход. Этим он сохранял для себя свободу нанесения удара с двух фронтов применительно к все еще вероятным *различным* случаям. Таким образом, решительное сражение при Кениггреце получается в результате подхода с двух различных направлений и соединения *на* поле сражения. Небезынтересно познакомиться с критикой, которой Вильгельм Рюстов (Wilhelm Rüstow), весьма энергичный поборник старой школы, подверг подготовку к сражению при Кениггреце. По его мнению, еще за день до сражения армия кронпринца должна была быть подтянута вплотную к левому флангу армии принца Фридриха Карла и составить вместе с ней единый фронт; в день сражения надо было усилить правый фланг таким образом, чтобы мощное продвижение его на Кениггрец обеспечило решение[1]. Получается, следовательно, фронтальное сражение с усиленным правым флангом, может быть, — переход от фронтального сосредоточения к охвату левого фланга противника. Я предоставляю знатокам Кениггрецского сражения решить вопрос, можно ли было с такой диспозицией для сражения, составленной по наполеоновскому образцу, достигнуть большего, чем было достигнуто 3 июля 1866 г.

Из дальнейших событий этой кампании против Австрии отмечу еще одно положение, в котором своеобразие принципов Мольтке также обнаруживается с особой ясностью. Когда после решающего сражения противник отступил к Ольмюцу, за ним последовала только 2-я армия, а главные силы пруссаков двигались на Вену. 2-я армия получила указание не атаковать противника в его укрепленном лагере, а только воспрепятствовать возможному переходу его

[1] Рюстов, Стратегия и тактика новейшего времени («Strategie und Taktik der neuesten Zeit»), I, 278 и 282.

в новое наступление[1]. Если противник оказался бы сильнее ее, то она должна была отходить не в направлении обеих других армий, но в графство Глац и, по возможности, оттянуть туда и противника. Тогда движение главной массы на Вену не было бы непосредственно затронуто этими событиями и могло спокойно продолжаться в предвидении будущего. Если же придется повернуть, то противник опять окажется между двух огней, и величиной достигнутого в этом месте успеха можно будет компенсировать потерю времени, вызванную движением в другом направлении[2].

Война против Франции была самой первой задачей, которой стал заниматься Мольтке, как начальник Генерального штаба. Я оставляю в стороне его более ранние работы 1857 и 1858 гг., так как они покоятся еще на весьма общих и неопределенных политических предпосылках, и обращаюсь сейчас к разработкам 1859 г., когда в результате новогодней речи Наполеона III война за освобождение Италии от чужеземного германского владычества была в высшей степени вероятна.

Мольтке взвешивает сначала самые различные случаи, в том числе возможность признания французами бельгийского нейтралитета, а также другую возможность, что они признают выгодным для себя избрать кратчайший путь к Нижнему Рейну через Бельгию и, наконец, что Бельгия и Голландия выразят желание и готовность вместе с Германией начать борьбу против Франции. В конце концов, когда война в Италии уже началась, возможным казался только первый случай, т. е. нейтралитет Бельгии. Франция предназначила сильную часть своей армии для Италии, чтобы нанести там решающий удар. Австрия — при невозможности совершенно обнажить свою восточную границу,— по всей вероятности, не будет в состоянии выделить на Рейн значительные силы. С другой стороны, Германия твердо рассчитывала на содействие четырех союзных корпусов.

В то время с Эльбы вели уже две железнодорожные линии к Нижнему Рейну и две — к Майну; однако, для сосредоточения прусской армии можно было образовать из них все же только три перевозочные линии, которые можно было использовать одновременно. Так как тогда для перевозки армейского корпуса (со всеми парками и обо-

[1] «Военная корреспонденция», № 170.

[2] Ср. по этому поводу также Верди, Исследования о войне (Verdi, Studien über den Krieg), III, 1, 161.

зами) по одноколейной дороге требовалось еще целых 14 дней, а по двухколейной — 10 дней, то для всех войск, удаленных менее чем на 30—40 миль от линии развертывания, походное движение было более целесообразно, чем железнодорожные перевозки, и при взвешивании всех условий получалось, что развертывание вообще не может быть вынесено за линию Рейна. Оба северогерманских союзных корпуса должны были непосредственно примыкать к самому Рейну; что касается использования обоих южногерманских корпусов, то было желательно, чтобы они отказались от отдельного расположения на Верхнем Рейне, так как при силе французского фронта на Верхнем Рейне энергичное продвижение там вряд ли было бы осуществимо. После оставления 1-го прусского армейского корпуса на всякий случай на восточной границе, могла составиться общая армия в составе 12 армейских корпусов, или свыше 400 000 человек, к которой, предположительно, должен был присоединиться еще австрийский кавалерийский корпус. Это была весьма значительная сила, против которой Франция уже не могла выставить равноценной по численности армии. Само собой разумеется, что необходимо было тотчас же строить планы стратегического наступления. В высшей степени интересно проследить за соображениями Мольтке по вопросу о настоящей цели войны. Он никоим образом не держится того мнения, которое многими военными постоянно выставляется как единственно правильное, а именно — что в войне надо всегда стремиться к максимальной цели. Наоборот, Мольтке хочет обязательно сообразоваться с имеющимися в распоряжении средствами. Он касается здесь стремления к крайней цели для того, чтобы его отвергнуть.

«Операция в направлении на Париж, — полагает Мольтке, — ставит целью низвержение французской империи; ее предпосылкой является единое командование или, по меньшей мере, согласованные действия всех германских армий от Кёльна до Милана. При этом необходимо учесть, что интересы Пруссии и Австрии совпадают, пока они сражаются на самостоятельных театрах войны; однако, их соперничество может дать себя почувствовать, как только им придется вести операции в непосредственной связи (sobald sie unmittelbar kooperieren sollen). Необходимо, но весьма трудно, выступив от Мозеля и от Тичино, появиться под Парижем одновременно. Французские армии должны быть сначала разбиты, воля французского народа должна

быть сломлена, для того чтобы, в конце концов, можно было наступать на укрепленную столицу.

«Здесь не место разбирать, насколько трудным и в этом случае было бы такое наступление, каким опасным оказалось бы отступление. Если предприятие удастся, то в результате его наполеоновское правительство будет, конечно, свергнуто. Но если бы хотели навязать Франции какую-либо династию или форму правления, то, независимо от бесконечных осложнений, которые влечет за собой обязанность поддерживать это правительство, ни в коем случае нельзя было бы начинать с требования уступки той или иной провинции. Во Франции никакое новое правительство, которое начнет свою деятельность с уступки французской области, не сможет удержаться у власти.

«Иначе складываются обстоятельства, если та часть территории, которую мы хотим удержать, при окончательном заключении мира действительно находится в наших руках, т. е. если мы ее оккупировали, завладели ее крепостями и для удержания ее располагаем стоящей наготове армией.

«Марш на Париж в ходе кампании может оказаться возможным, а для окончания войны даже необходимым. Но эта операция будет предпринята с гораздо большими перспективами на успех, если мы будем базировать ее на Верхний Мозель, а не на Рейн, и будем располагать ресурсами территории, лежащей между обеими реками.

«В соответствии с этим длительная оккупация Лотарингии и Эльзаса представляется мне более ограниченной, но непосредственной целью войны, а марш на Париж — только дальнейшей возможностью. Для достижения первой цели должны быть уже сейчас предприняты все шаги, приведены в готовность все средства и обеспечены все необходимые условия».

Напомню о моих прежних соображениях по поводу тех намерений, которые Клаузевиц питал в отношении обработки своего труда, и по поводу *наступления с ограниченной целью*. Мы видим, что Мольтке и здесь целиком стоит на принципиальной точке зрения великого военного философа, и замыслы его весьма сходны с замыслами Клаузевица в 1831 г., хотя непосредственный объект войны и иной. Германия еще не является единым целым и еще недостаточно сильна, чтобы планировать сокрушение Франции. Пока австрийцы от Тичино, преодолев расстояние почти в 100 миль, появятся перед Парижем, пройдет так много

времени, что в политике на нашем многоликом континенте смогут произойти совершенно непредвиденные сдвиги. Без австрийцев же, несмотря на значительную численность войск, которую я приводил выше, Германия недостаточно сильна, чтобы вынудить падение укрепленной столицы. Достаточно вспомнить хотя бы о том, что половина прусской полевой армии состояла тогда из ландвера [1].

Однако, той *ограниченной цели*, которую Мольтке считал единственно достижимой, он намеревался добиваться всеми силами. Вся масса войск должна быть разделена на 4 армии. Одна армия из 3 корпусов формируется впереди на узкой франко-прусской границе, опираясь на Люксембург и Саарлуи; эта армия прикрывает развертывание. Вторая армия из 4 корпусов выступает от Майнца в направлении на Саарлуи и Саарбрюкен или Сааргемюнд. Южногерманская армия — 2 сильных корпуса — прибывает от Гермерсгейма через Пирмазенс и Гагенау на левый фланг. Наконец, резервная армия из 3 корпусов выдвигается из района Кёльна к правому флангу. Судя по двум собственноручным схемам Мольтке, намечающим пути для движения вперед, он рассчитывает, повидимому, на то, что самое позднее за р. Сейль, северо-восточнее Нанси, удастся встретить неприятельскую армию, готовую принять сражение [2]. Из состава правофланговой армии один корпус должен быть оставлен в районе Диденгофена, главные силы — на левом берегу Мозеля. Из состава резервной армии, пути движения которой, начиная от Трира, совпадают с путями правофланговой армии, предполагается по меньшей мере один корпус расположить перед Мецом. Первую линию немецких войск вечером накануне сражения должны составить 6 корпусов из 3 различных армий с готовым к охвату противника дополнительным фронтом протяжением свыше 4 миль. В этом случае имеются в распоряжении, в качестве резервов, еще от 1 до 2 корпусов резервной армии позади правого фланга и от 1 до 2 корпусов средней армии позади центра. Целое обнаруживает, таким образом, уже знакомые нам характерные черты: это — операция, проводимая несколькими самостоятельными армиями, которые

[1] Согласно данным, приводимым в «Военных произведениях императора Вильгельма I» («Militärische Schriften Kaiser Wilhelms I», II, 86), тогда еще только третья часть ландверной пехоты была вооружена игольчатым ружьем.

[2] Схемы эти (№ 1 и 2) помещены в цитированном труде Мольтке на стр. 112.

соединяются для сражения и атакуют противника как фронтально, так и охватом с фланга.

Из дальнейшего будет сейчас же ясно, что надо было еще поразмыслить относительно помощи Австрии со стороны Пруссии. Последняя требовала, чтобы все боевые силы, выставляемые на Рейне, полностью и неограниченно подчинялись прусскому главному командованию. Если же прусский принц-регент во главе 12 германских корпусов одержит на французской территории решающие победы, если он к тому же вновь завоюет немецкому народу Мец и Страсбург, то его влияние в Германии при всех условиях будет таким, что нельзя будет избежать пересмотра германских союзных отношений. Поэтому Австрия после двух серьезных поражений предпочла отдать Ломбардию и заключить мир с Францией.

Теперь подготовка войны против Второй империи вступила для Пруссии в совершенно новую фазу. До этого Наполеон III одерживал успех за успехом; дело было близко к тому, что он так же, как когда-то его дядя, вслед за войной против Австрии предпримет войну против Пруссии, сулящую ему в перспективе перенесение франко-германской границы на Рейн. Австрия была потрясена и морально подавлена. остальная Германия была склонна неблагоприятно расценивать поведение Пруссии в конфликте 1859 г. Таким образом. Пруссия должна была считаться с тем, что ей придется чуть ли не одной нести тягости предстоявшей войны с Францией.

Французские гарнизоны мирного времени, особенно кавалерия и артиллерия, были расположены тогда, в общем, довольно близко от северной и восточной границ; в войсках давали гораздо меньше отпусков, чем в Пруссии; наконец, французская железнодорожная сеть очень благоприятствовала сосредоточению. Поэтому в годы 1860—1863 [1] Мольтке исходит из того, что Франция может значительно раньше, чем Пруссия, выставить полевую армию, а потому приходится предоставить ей инициативу.

Политически было, конечно, возможно, что Наполеону удастся совершенно изолировать Пруссию и заставить Германский союз сохранять нейтралитет. Однако, франко-прусская граница между Люксембургом и Баварией была протяжением всего в 8 миль, и движение через это стратегическое дефиле выводило прямым путем на одну из

[1] «Военная корреспонденция», 1870—1871 гг., № 3, 4 и 5.

самых сильных в мире оборонительных линий — на прусский рейнский фронт. На другом фланге воротами для вылазок против Германии являлся Страсбург; в прежние времена неоднократно убеждались на опыте в серьезном значении этих ворот. Французская стратегия была весьма заинтересована в том, чтобы наступать здесь, и такого наступления, безусловно, приходилось ожидать, если только Франция сможет рассчитывать в известной мере на симпатии южногерманцев или хотя бы на определенную склонность южногерманцев к роли пассивных зрителей.

В продолжение длительного времени Мольтке учитывал, кроме того, возможность прохождения французов через Бельгию. По мнению Мольтке, стремление французов иметь границу на Рейне угрожало также и положению Бельгии[1].

Он ожидал, что на правом фланге французов сильная армия, двигаясь от Страсбурга, вступит на германскую территорию, что главная армия будет продвигаться через Пфальц к Среднему Рейну, а слабая армия левого фланга будет двигаться от Меца на Трир.

Для противодействия этому последнему наступлению Мольтке хочет сосредоточить у Трира рейнский армейский корпус. Он тщательно изучает идею Виллизена о создании у Трира большого укрепленного лагеря, признает, что такой лагерь представлял бы некоторые преимущества, но считает основной слабостью этого проекта то, что свойственно всем пограничным укрепленным пунктам, а именно — что всегда трудно своевременно расположить там необходимые массы войск, переведенные на военное положение[2]. Так как, в основном, Мольтке держится того мнения, что постройка железнодорожной сети имеет большее значение для ведения войны, чем устройство укреплений[3], то он отказывается от создания нового укрепленного пункта в районе Трира и дает указание сосредоточиваемому там корпусу отходить перед превосходными силами противника.

Первые армейские корпуса, прибывающие из глубокого тыла, должны быть собраны на уже известной нам *фланговой позиции на Майне;* Мольтке превозносит значение

[1] Уже в это время более реальной угрозой для бельгийского нейтралитета была угроза не со стороны Франции, а со стороны Пруссии. Правительство Наполеона III, не имевшее опоры внутри страны и не подготовленное к войне с Пруссией, не могло и думать о нарушении нейтралитета Бельгии, так как это вызвало бы немедленное вмешательство Англии.— *Ред.*

[2] «Военная корреспонденция», 1870—1871 гг., № 4 (стр. 40).

[3] Там же, № 8 (записка от 15 мая 1867 г.).

этой позиции в связи с крепостью Майнц, о которой он говорит, что «в войне против западного противника она служит для Пруссии одновременно и щитом и мечом» [1].

Для того чтобы обеспечить достаточное прикрытие, необходимо другую армию сформировать на Мозеле между Трир ом и Кобленцом, причем, в зависимости от обстановки, можно предвидеть три случая: 1) мозельская армия вдвое сильнее майнской, 2) обе они одинаково сильны и 3) майнская армия становится главной, а корпус на Мозеле остается без поддержки. Вряд ли нужно говорить о том, что в первых двух случаях мозельской армии предполагается дать наступательную задачу: она должна будет действовать против неприятельского фланга. Относительно южногерманцев Мольтке, с одной стороны, рассчитывает на то, что они будут опираться на Ульм и искать стыка с Австрией, а с другой стороны — он все же не совсем теряет надежду на то, что они будут готовы присоединиться у Неккара к расположению прусских войск. В последнем случае важно, чтобы главная французская армия не успела путем быстрой переправы через Рейн вклиниться между южногерманцами и майнской армией. Поэтому майнская армия может быть вынуждена покинуть свою позицию и непосредственно оборонять рейнский участок Маннгейм—Майнц.

Предусматривается, однако, и та возможность, что Франция все же решится пойти через Бельгию. Тогда мозельская армия становится нижнерейнской армией, фронтально обороняющей линию реки, а майнская армия на левом берегу Рейна продвигается за Мозель, во фланг неприятельскому наступлению.

Наконец, если противник будет медлить с переходом в наступление, германские армии с Мозеля и Майна должны постепенно продвинуться вплоть до р. Саар и границы между Францией и Пфальцом и стоять там в готовности перенести войну на территорию Франции.

Следующий набросок Мольтке, рассматривающий войну с Францией, относится к 8 августа 1866 г., когда казалось возможным вооруженное вмешательство Наполеона III до заключения мира между Пруссией и Австрией [2]. Этот проект отличается особым мастерством и смелостью, и если Бисмарк в своих «Мыслях и воспоминаниях» высказался против точки зрения, лежащей в основе этого проекта, то в этом расхождении мнений он был, безусловно, неправ.

[1] «Военная корреспонденция», 1870—1871 гг., № 4 (стр. 37).
[2] Там же, № 6.

Мольтке рассчитывал на то, что французское вмешательство сейчас же бросило бы южногерманцев на сторону Пруссии. Хотя эта надежда весьма поражает после той холодной осторожности, с которой он в прежние годы судил относительно действенности германского общенационального чувства, однако она отвечала тогдашнему моральному состоянию германского народа. Я еще живо помню, с какими настроениями 22 или 23 июля 1866 г. в маленьком курорте Пираварт, в одном переходе к северу от Вены, читал я в одной баварской газете ясное и убедительное заявление, что если бы французы захотели теперь вмешаться, то оба противника с франконской Заалы стояли бы рука-об-руку на Рейне. А что это чувство было действенным также и у южногерманских правительств, это ясно показали союзные договоры, которые без всякой отласки были заключены в середине августа между Пруссией и южногерманским государствами.

Так как Австрия на юге должна была защищаться также от Италии, то Мольтке считал вполне достаточным иметь в Северной Богемии четыре корпуса, чтобы за Эльбой вести упорную оборону против Австрии. Большую же часть прусских вооруженных сил он хочет перевезти по четырем железнодорожным линиям через Северную и Южную Германию к Рейну, а так как к этому времени на Майне уже будут стоять 90 000 пруссаков и северогерманцев и смогут присоединиться также 80 000 южногерманцев, то Мольтке рассчитывает к 9 сентября иметь в распоряжении на Рейне свыше 300 000 человек. Это — первое замечательное использование железных дорог в качестве внутренней линии, которое когда-либо планировалось, и по одной этой причине оно заслуживает особого внимания с нашей стороны.

Бисмарк считает, что в те дни никольсбургских переговоров[1], когда он впервые расспрашивал Мольтке по этому вопросу, ему было бы приятнее, если бы Мольтке, прежде всего, хотел полностью довести до конца борьбу с австрийцами путем продолжения наступления, чтобы только после этого обратиться против французов. При этом Бисмарк полагает, что французы вмешались бы, конечно, только небольшими силами, но зато настолько рано, что успели бы притти на помощь южногерманцам раньше, чем в их изо-

[1] В Никольсбурге велись переговоры о мире между Австрией и Пруссией после войны 1866 г. — *Ред.*

лированной борьбе было бы достигнуто решение. Кто изучал внимательно Майнскую кампанию, тот знает, что в последние недели июля это было бы уже слишком поздно. Правда, тогда в Никольсбурге Мольтке не мог знать это настолько точно, но надежный критерий его суждения позволял ему правильно воспринимать положение вещей. Поэтому, полагаясь на только что проверенную боеспособность прусской армии и на еще сохранявшее силу соглашение с Италией, он хотел немедленно же *кардинально* решить и французский вопрос. В этом плане войны заключены мощь и вера в свои силы, которые, безусловно, ставят его на один уровень с самыми смелыми военными планами древнего и нового времени.

После того как силы, имевшиеся в распоряжении Северогерманского союза, возросли до 13 армейских корпусов полного состава и после того как было проведено существенное усовершенствование железнодорожной сети, Мольтке мог с большей уверенностью вести войну против Франции, безусловно, наступательно. Для наблюдения за Австрией он намечает выделить 3 армейских корпуса, к которым должны присоединиться еще несколько ландверных дивизий. В крайнем случае, этим силам не останется ничего другого, как отходить под защиту пушек Магдебурга. «Если бы Австрия действительно заняла Силезию, Бранденбургскую провинцию и столицу, а наша слабая оборонительная армия, не будучи совсем разбита, была бы вынуждена отходить, — это не составляло бы еще ничего определенно угрожающего для нас»[1]. Ибо, если бы такой случай действительно имел место, то при медленности австрийской подготовки к войне это могло произойти только по истечении длительного периода, в продолжение которого Пруссия, несомненно, могла рассчитывать достигнуть решающих успехов против Франции. Затем этому противнику надо было бы гарантировать благоприятный для него мир, а самим двинуться через Южную Германию вниз по течению Дуная к сердцу Австрийской империи.

С такой неуверенностью относительно поведения Австрии связано и то, что Мольтке не рассчитывал определенно и на участие в наступлении против Франции баварских сил. Мольтке предполагал, что если австрийцы проявят ясно выраженное стремление к ведению войны, то баварцы будут держаться оборонительно на Инне; он видит все же

[1] «Военная корреспонденция», № 16, В (стр. 108).

определенную выгоду в том, что баварцы этим, во всяком случае, свяжут часть австрийских сил. Кроме того, они могли бы надежно прикрыть железнодорожные перевозки войсковых масс, перебрасываемых из Франции во втором акте этой войны на два фронта, при осуществлении марша вдоль Дуная.

На французской границе предполагалось осуществить развертывание всех имеющихся сил на узком пространстве между Мозелем и Рейном: правофланговая армия из 2 корпусов — севернее Саарлуи; 2 армии центра, каждая из 3 корпусов, — на линии Нейнкирхен — Цвейбрюкен и левофланговая армия в составе 2 северогерманских армейских корпусов и, по меньшей мере, 2 южногерманских дивизий, а может быть, и еще 2 баварских армейских корпусов — у Ландау и Гермерсгейма [1].

Если противник перейдет в наступление в период сосредоточения германских сил, то произойдет оборонительное сражение в Пфальце, при котором центр действует фронтально, а на правофланговую армию падает задача обрушиться на левый фланг противника. Левофланговая армия стоит по обе стороны Рейна в готовности выступить навстречу страсбургской армии французов там, где эта армия будет наступать. Если же неприятельское наступление будет направлено на Нижний Рейн, то контрудар немцев на левом берегу Рейна вынудит французов к сражению с перевернутым фронтом.

Если противник не перейдет в наступление, а будет занимать хотя бы самую сильную из возможных для него позиций, а именно позицию за Мозелем на линии Мец — Диденгофен, то мощный центр германцев должен избрать для наступления направление на Понт-а-Муссон. Это — самое опасное для противника направление, так как оно создает угрозу не только для неприятельского отступления к югу, но в дальнейшем и его отступлению к Парижу. Правофланговая армия должна прикрывать этот марш на Понт-а-Муссон своим продвижением на Мец; левофланговая армия должна сначала, совершенно независимо от движения главной массы, энергичным вторжением в Эльзас изгнать оттуда противника, а затем в направлении на Нанси искать соприкосновения с центром германских сил.

Для продвижения центра имеются внутри баварского Пфальца только две дороги, и Мольтке представляет себе

[1] «Военная корреспонденция», № 7, 16 и 18.

дело сначала таким образом[1], что центр разделен на 2 армии по 3 корпуса и каждой армии назначается одна дорога, а потому они вынуждены двигаться в три эшелона — один корпус вслед за другим. В результате максимального сокращения длины походных колонн и использования параллельных дорог, при выступлении головного корпуса каждой колонны рано утром, а следующего корпуса — во второй половине дня, этот центр должен быть в состоянии по крайней мере на второй день нанести удар противнику всеми силами. Армейский авангард с сильной кавалерией должен выдвинуться вперед и в случае необходимости прикрыть развертывание. Если противник будет мешать движению своими действиями со стороны Меца, то легко осуществить захождение в эту сторону, что ведет к взаимодействию с армией правого фланга. Если противник будет наносить удар с юга, от Нанси, то можно будет, пожалуй, при благоприятном развитии вторжения в Эльзас рассчитывать уже на фланговое воздействие армии левого крыла.

Не подлежит никакому оспариванию, что этот первый проект наступления на Понт-а-Муссон обнаруживает совершенно исключительное сходство с операциями, которые Наполеон осуществлял с помощью крупных масс. В одной позднейшей разработке[2] продвижение это выглядит уже значительно иначе. Центр разделяется здесь на армию первой линии из 4 корпусов и резервную армию из 2 корпусов, следующую позади; при этом более обширная дорожная сеть у французской границы используется таким образом, что теперь образуются три колонны глубиной в 2 корпуса. Но и в данном случае остается сходство с наполеоновским оперативным методом. Это сходство заключается в общей обстановке, в характере первоначального тесного сосредоточения, причем иначе это и не могло быть, поскольку в качестве руководящей линии были взяты простые соображения. В глазах Мольтке это являлось исключением; он сам совершенно определенно говорит об этом: «Следующий этап стратегического развертывания, если дело еще раньше не дойдет до сражения, — это линия Мозеля: Люневиль — Понт-а-Муссон». Это означает, что намеченное стратегическое развертывание будет осуществлено, собственно, только тогда, когда центр развернется на

---

[1] «Военная корреспонденция», № 12 (от 16 ноября 1867 г.).
[2] Там же, № 20 (от 6 мая 1870 г.).

Мозеле, а левое крыло из Эльзаса вплотную придвинется к центру.

Таким образом, сходство с наполеоновской операцией — чисто внешнее. В данном случае обстановка аналогична обстановке 1805 г., которую в последнее время так часто приводят в пример: по мнению некоторых авторов, наполеоновская операция 1805 г., безусловно, носит характер применявшегося Мольтке маневра армии. Если рассматривать пути движения французских корпусов с большой дуги Страсбург — Маннгейм — Вюрцбург — Бамберг к короткой линии Донауверт — Ингольштадт, то они действительно обнаруживают сходство с путями движения пруссаков с дуги Торгау — Гёрлиц — р. Нейса в район Гичина и Йозефштадта. Но нельзя не обратить внимания при этом на одно весьма существенное обстоятельство. Если бы Мольтке в наши дни всю массу своей армии с таким же количеством батальонов, т. е. по меньшей мере с двойным количеством бойцов и в 5—6 раз большим количеством орудий и повозок, расположил таким же образом по дуге Страсбург — Маннгейм — Вюрцбург — Бамберг, как фактически стояла «великая армия» Наполеона 24 сентября 1805 г. (следовательно, до того, как Ней выступил из района Гагенау вниз по Рейну), и если бы Мольтке был обязан двинуть свою армию против неприятеля, находившегося на правом берегу Иллера, то вряд ли он дал бы указание сильному правому крылу двигаться с Верхнего Рейна обходным путем через Штуттарт. Он, вероятно, добровольно отказался бы от тесного сосредоточения всей массы на фланге противника и, наоборот, двинул бы армию правого крыла ближайшим путем через Шварцвальд и Верхний Дунай против неприятельского фронта на Иллере; движение против неприятельского фланга продолжала бы только более сильная армия левого крыла [1].

При обсуждении развертывания против Франции я должен совершенно определенно указать на то, что Мольтке неоднократно характеризовал расположение армии в Пфальце как расположение на внутренней линии между двумя естественными районами неприятельского развертыв-

[1] Когда я впервые высказал приведенную выше точку зрения, ее энергично оспаривали. Поэтому я рад возможности сослаться в подтверждение ее на генерала фон-дер-Гольца. Он также держится того мнения, что Мольтке использовал бы кратчайшие пути с Рейна и Майна как для фронтального, так и для флангового движения в сторону противника («Ведение войны и вождение армий», стр. 88).

вания — Мецом и Страсбургом. Для самого развертывания эта картина, безусловно, правильна; к последующим операциям она подходит меньше. В этом случае, собственно говоря, не может быть речи о характерной для наполеоновской эпохи переброске одних и тех же боевых сил то туда, то сюда, чтобы поочереди наносить поражения различным частям противника. Это ясно обнаружилось при ведении операций в 1870 г. Из опасения внезапного стратегического нападения, которое противник мог произвести своими постоянными силами, выгрузка войск центра была отнесена назад, к Рейну, и вследствие этого существенно задержалось начало общего наступления. Но, к счастью, Бавария немедленно предоставила все свои вооруженные силы для действий против Франции, и левофланговая армия (3-я) приобрела благодаря этому значительную силу. Поэтому Мольтке хотел, чтобы эта армия как можно скорее двинулась в Эльзас и уже одержала верх над находящимся там противником, пока центр еще двигался через Пфальц. Каким образом кронпринц должен был разрешить свою задачу, это главное командование предоставило целиком ему самому; во всяком случае, кронпринцу не могло быть вменено в обязанность оттеснение противника с целью не дать ему соединиться с главными силами французов, что соответствовало бы существу операции по внутренней линии. Наоборот, Мольтке писал Блюменталю, начальнику штаба кронпринца: «Повидимому, французы намереваются обороняться всеми имеющимися у них силами на твердой позиции за р. Саар. В этом случае фронтальное наступление 2-й армии (в состав которой была включена резервная армия. — *К.*) будет существенно поддержано продвижением 3-й армии, которое, в целях использования как можно большего числа дорог, должно происходить на таком широком фронте, какой допускается близостью противника... Цель, к которой надо стремиться, — это одновременное вступление всех трех армий в решительное сражение, и соответственно этому надо сейчас стараться регулировать все передвижения»[1].

Так как Мольтке одновременно писал командующему 1-й армией, что ему предстоит наступать против левого неприятельского фланга[2], то мы имеем возможность уяснить себе на этом примере весь стратегический символ веры Мольтке. Он не требовал в определенной форме оттеснения Эль-

[1] «Военная корреспонденция», № 101.
[2] Там же, № 107.

засской армейской группы противника к югу, так как, в общем, он больше всего хотел бы видеть противника оттесненным к его северной границе. Если сражение в Эльзасе все-таки развернется таким образом, что разбитый противник сможет отходить к югу или юго-западу, то 3-я армия достаточно сильна для того, чтобы разделиться, т. е. в данном случае действительно действовать по внутренней линии, или путем расширения своего фронта принять участие в сражении на Сааре. Если же 3-я армия отбросит разбитую в Эльзасе французскую армию в направлении на главную армию французов, так что сама 3-я армия сможет наступать охватывающим движением с юга, то сражение в целом примет вид двойного охвата.

На другом фланге 1-я армия своим южным крылом должна быть двинута против левого фланга неприятеля, хотя отбрасывание его к югу не являлось стратегической целью. Тактическая необходимость охвата противника в данный момент важнее, чем эта стратегическая точка зрения; сначала вообще надо победить, и только после этого может итти речь об использовании победы.

Вскоре после войны Мольтке в короткой статье «О стратегии» убедительным образом показал, каким бесконечно ошибочным является стремление действовать в ходе событий по определенной жесткой системе и, вследствие этого, не учитывать требований момента. В соответствии с тезисом Клаузевица, что стратегия есть использование боя для цели войны, Мольтке требует, чтобы стратег использовал исход *каждого* боя и на нем строил дальнейшее, даже если до этого он представлял себе ход вещей иным. «Стратегия это есть умение находить выходы из положения[1]. Это — больше, чем наука, это перенесение науки в практическую жизнь, это развитие первоначально данной руководящей идеи соответственно постоянно меняющейся обстановке, это умение действовать под давлением самых тяжелых условий».

Сам Мольтке действовал искуснейшим образом и с замечательным спокойствием философа, даже когда его планы значительно нарушались вследствие ошибок и промахов ниже-

[1] В подлиннике — трудно поддающееся переводу выражение: «Die Strategie ist ein System der Aushilfen». Дословно его можно было бы перевести так: «Стратегия есть система оказания помощи в трудных положениях», но при таком переводе суживается тот смысл, который Мольтке вкладывает в слово «Aushilfen». Иногда это выражение переводили словами «система подпорок», но такой перевод, конечно, неудовлетворителен.— *Ред.*

стоящих командных инстанций. Во всех случаях, когда ему приходилось с известной свободой устанавливать главные линии новых операций, сейчас же снова проявлялась его основная точка зрения. После сражения под Мецом мы видим это в широко намеченном наступлении 3-й и 4-й армий от Мозеля к Марне. Попытка Мак-Магона обойти правый фланг немцев и последовавший затем отход этого противника временно вынудили на германской стороне теснейшее сосредоточение сил. Но тут же была найдена возможность перехода от этого расположения к двойному охвату, приведшему к самому блестящему пленению армии в открытом поле, какое знает история. Когда после падения Меца 2-я армия освободилась для боев на Луаре, Мольтке охотнее всего направил бы ее в тыл неприятельской Луарской армии, хотя для фронтальных действий против нее имелись лишь сравнительно небольшие силы, и только с трудом он решает отказаться от борьбы против этого, временами наиболее опасного, врага с двух направлений. Еще в последний период кампании он со всей решительностью требует от Вердера, чтобы тот принял бой против тройного превосходства, а наличные силы, которые могли бы притти на помощь Вердеру, направляет кратчайшим путем в тыл противнику. Такой образ действий в данном случае отнюдь не являлся единственным выходом из трудного положения. Если бы хотели следовать, в первую очередь, принципу образования массированной группы войск, то безусловно можно было бы поставить вопрос о непосредственной поддержке Вердера путем переброски войск по железной дороге.

После того как мы имели возможность на целом ряде примеров познакомиться с образом мыслей и действиями Мольтке при составлении планов крупных операций, особенное значение приобретают для нас подлинные формулировки тех принципов, которые Мольтке изложил по этому поводу в Инструкции для высших войсковых начальников 1869 г.[1].

«*В мирное время нельзя научиться применению крупных войсковых соединений.* Приходится ограничиваться изучением только отдельных факторов, в частности местности (Terrain), и опыта прежних кампаний. *Однако, прогресс*

[1] «Тактико-стратегические статьи», стр. 172—173, 182—183, 210—211. Подчеркнутые места выделены частью Мольтке, частью автором настоящей книги.

техники, облегчение коммуникаций, новое вооружение, короче говоря, совершенно изменившиеся условия — делают в значительной мере неприменимыми в современной обстановке те средства, с помощью которых раньше достигалась победа, и даже те правила, которые установлены величайшими полководцами...

«*Уроки стратегии* не выходят далеко за пределы основных принципов здравого смысла, и вряд ли можно назвать их наукой; ценность их заключается почти целиком в конкретном применении. Необходимо верное чутье, чтобы в любой момент схватывать изменившуюся обстановку и в соответствии с этим твердо и осмотрительно выполнять самые простые и самые естественные действия. Таким образом, ведение войны становится искусством, причем таким искусством, которому служат многие науки. Овладение этими науками еще не создает полководца, но если этого ему нехватает, то этот пробел должен быть заполнен другими людьми.

«*Крупное сосредоточение войск само по себе является бедствием. Армию, сконцентрированную в одном пункте, трудно питать и вовсе невозможно разместить; она не может ни двигаться, ни маневрировать; она вообще не может существовать долго, она может только драться.*

«*Объединять все силы можно только для совершенно определенной цели, для достижения решения; во всех прочих случаях это является ошибкой. Конечно, для достижения решения никогда нельзя быть слишком сильным, а потому, безусловно, рекомендуется стягивать на поле сражения все батальоны до последнего. Но тот, кто хочет только подойти к противнику, не имеет права двигаться сосредоточенной массой по одной или немногим дорогам.*

«*Задача вождения крупных масс заключается в том, чтобы как можно дольше придерживаться раздельного движения, а для достижения решения — своевременно объединять все силы.*

«Никакой расчет пространства и времени не может гарантировать успеха, ибо к числу факторов, влияющих на исход борьбы, относятся случайности, ошибки и заблуждения. Неуверенность и опасность неудачи сопровождают каждый шаг на пути к победе, только наличие хотя бы некоторой милости судьбы обеспечивает ее достижение; но на войне все неопределенно, ничто не безопасно, и вряд

ли можно другим путем добиться бо́льших результатов...[1].

«Если наглядно представить себе, что прусский армейский корпус со всеми своими обозами образует одну колонну глубиной, примерно, в 4 мили, что в процессе движения эта нормальная глубина очень скоро увеличивается, а на плохих дорогах и при неблагоприятной погоде или при частичных заторах легко удваивается, что в результате этого голова колонны достигнет новых биваков раньше, чем хвост ее покинет место предыдущего бивачного расположения, то получается, что в течение одного дня по одной дороге может двигаться самое большее *один* такой армейский корпус.

«Правда, когда дело дойдет до боя, обозы, без которых можно как-нибудь обойтись, будут оставлены позади; однако, и *собственно боевая часть* корпуса, построенная в одну колонну, все-таки имеет глубину в 2½ мили, т. е. дистанцию нормального дневного перехода, и голова колонн только по прошествии нескольких часов может быть поддержана частями, идущими в хвосте.

«*Поэтому ошибочно думать, что сосредоточение достигается тем, что всё или многое заставляют двигаться по одной дороге. В отношении глубины теряют больше, чем выигрывают в отношении действий на фронте, ибо две дивизии, следующие рядом на расстоянии 1—1½ милъ, легче и лучше окажут взаимную поддержку, чем если они будут двигатъся в затылок друг другу.* Отсюда само собой ясно, насколько важно для крупных войсковых соединений двигаться, при малейшей к тому возможности, больше чем в одной колонне. Этим будут в высокой степени сохранены силы войск и значительно облегчены их размещение на отдых и продовольственное снабжение.

«Само собой разумеется, что такой порядок движения ограничивается числом имеющихся дорог и необходимостью взаимной поддержки. Не везде можно найти большое число дорог, ведущих более или менее параллельно к одной и той же цели; кроме того, местные препятствия не должны серьезно мешать взаимодействию колонн, если заранее предвидится необходимость такого взаимодействия.

---

[1] Несомненно, что на войне трудно все заранее предусмотреть и рассчитать и элемент случайности играет значительную роль, но «судьба» будет всегда более «милостива» к тому, кто заблаговременной подготовкой, точными расчетами и правильным осуществлением принятых решений сведет к минимуму возможные ошибки.— *Ред.*

«Число параллельных дорог, естественно, уменьшается в той же мере, в какой мере суживается полоса, с которой начинается марш. Армия, сосредоточенная в одном пункте, может двигаться вообще только прямо по местности; чтобы двигаться по дорогам, она должна сначала расчленяться по фронту или в глубину, причем на виду у противника это является сейчас опасным делом. Следовательно, если хотят осуществить маневр, то должно сохраняться раздельное движение...

«Из сказанного выше необходимо сделать вывод, что *чисто фронтальное* наступление обеспечивает мало успеха, но приводит к большим потерям[1]. *Поэтому надо направлять свои усилия против флангов неприятельской позиции.*

«Если это должно быть осуществлено нерасчлененными силами, то для более мелких соединений достаточно хотя бы незначительного изменения направления марша, ибо, например, дивизия, даже при благоприятной местности, может занимать по фронту не более ¼ мили. Армия же численностью свыше 100 000 человек занимает по фронту больше чем 1 милю, так что обход ее фронта требует дневного перехода, т. е. отодвигает решение с помощью оружия на следующий день, дает противнику время на то, чтобы уклониться от столкновения, и обычно ставит под угрозу собственные коммуникации, в то время как хотят создать угрозу неприятельским коммуникациям.

«Другое средство заключается в том, чтобы одной частью наших сил удерживать противника на фронте, а другой частью охватить его фланг. Но тогда необходимо, чтобы против неприятельского фронта мы оставались достаточно сильными, иначе противник сможет нас одолеть раньше, чем окажет свое действие фланговое наступление. На фронтальном участке мы должны быть также достаточно активны, чтобы не позволить стоящему здесь противнику обрушиться превосходными силами на наши части, выполня-

---

[1] В разделе «Тактические вопросы, пехота и егеря» Мольтке высказывает мысль, что с фронта пехота может считать себя неуязвимой. Уже в одной из значительно более ранних работ (замечания, сделанные в апреле 1861 г. по поводу влияния усовершенствованных огневых средств) он сравнивал открытую равнину с непреодолимым препятствием, образуемым рвом с водой глубиной в 6 футов, и в заключение пришел к выводу, что наступление должно избегать ровной местности и фронтальное наступление должно уступить место обходу и охвату.

ющие фланговое наступление. Поэтому разделение сил является для нас необходимым при всех условиях.

«Моральное влияние флангового наступления, хотя бы вследствие одного только огня, сильнее сказывается при воздействии на соединения меньшего масштаба, чем на армии. Но, с другой стороны, эти последние вследствие большей затруднительности их передвижений не могут особенно легко избежать последствий удавшегося флангового наступления.

«*Если армия еще до сражения подходит к противнику сосредоточенно, то каждое новое расчленение ее в целях охвата или обхода противника требует фланговой движения в сфере своего тактического воздействия.*

«Если не хотят решиться на такие, всегда рискованные действия, то остается только *усиливать* тот фланг, который должен преодолеть противостоящий ему неприятельский фланг; *однако, это удается преимущественно только при фронтальном наступлении.* Последнее может быть успешным в том случае, если можно отказаться от части резервов в центре и на противоположном фланге.

«*Несравненно благоприятнее складывается обстановка, если в день сражения боевые силы из различных пунктов могут быть сосредоточены к самому полю сражения, если операция может быть проведена таким образом, что с нескольких сторон последний короткий переход выводит войска одновременно против фронта и фланга неприятеля. В этом случае стратегия добивается лучшего из того, чего она может достигнуть, и следствием этого должны быть крупные результаты*».

Таково учение Мольтке, которое он представил королю на утверждение, чтобы в военное время оно могло стать обязательной руководящей нитью для войсковых командиров. И я полагаю, что теперь уже не может быть никакого спора о том, что это учение представляет собой действительную противоположность словам и делам Наполеона I. Я вновь ссылаюсь на книгу Йорка фон-Вартенбурга о Наполеоне, в каждой главе которой приводятся новые доказательства того, что его герой видел зерно всей военной мудрости в *движении войсковых масс по одной операционной линии* и в *давлении всей массой в одном пункте неприятельской боевой линии.* Само собой разумеется, что великий практик в бесконечной смене событий его четырнадцатилетней военной деятельности два или три раза использовал случайно

создавшуюся обстановку также и иным образом, вступив на поле сражения непосредственно в результате подхода с двух направлений, с намерением осуществить охват. Но для него это были исключения. *А то, что для Наполеона было исключением, для Мольтке стало правилом, и, наоборот, что было правилом для Наполеона, то стало исключением для Мольтке.*

IX. РАЗЛИЧНЫЕ НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рюстов.— Леер.— Блюме.— Фон-Шерф.— Фико.— Юнг.— Леваль.— Фон-дер-Гольц.— Фон-Богуславский.— Фон-Верди.

Прежде чем обрисовать развитие, которое учение Мольтке получило в новейшее время, я должен сделать обзор стратегической литературы второй половины XIX столетия. При этом следует учитывать, что опубликование оперативных набросков Мольтке произошло только в последнем десятилетии минувшего века, а Инструкция для высших войсковых начальников стала известна даже только к сотой годовщине со дня рождения великого немецкого стратега[1]. До этого в широких кругах при оценке Мольтке основывались на фактах, а издавна известно, что разные критики истолковывают одни и те же факты совершенно различным образом. Нашел же Генрих фон-Бюлов в первых походах Наполеона подтверждение своего учения!

В данном обзоре я должен быть очень краток, так как иначе мне грозит опасность, что я утону во множестве стратегических подробностей и упущу из виду мою основную точку зрения — развитие руководящих идей.

В этот период на вершине стоит *Вильгельм Рюстов*, издавший в 1857 г. труд о «полководческом искусстве XIX столетия», а в 1872 г. выпустивший еще один труд о «стратегии и тактике новейшего времени». Рюстов является, собственно, безусловным приверженцем системы Жомини — Виллизена. Но так как он умеет ценить идейное значение Клаузевица, то он усиленно стремится к устранению всех противоречий между обоими направлениями и резко подчеркивает то, в чем они сходятся. В первой из названных выше книг Рюстов с известной страстностью защищает

[1] Т. е. в 1900 г.— *Ред.*

положение, что новое нарезное оружие (заряжающееся с дула) не повлечет и не должно повлечь за собой изменения в военном искусстве — ни в тактике, ни тем более в стратегии. Стратегия должна вечно остаться такой, какой ее создал Наполеон. В позднейшем своем труде Рюстов уже признает, что некоторых сдвигов в применении тактических форм избежать нельзя, но в отношении стратегии он продолжает стоять на той же исходной точке зрения. При освещении событий 1866 г. он восхваляет австрийское сосредоточенное расположение у Ольмюца и готов одобрить прусское концентрическое наступление только как приспособление к особым обстоятельствам. Он с полной определенностью отвергает мысль, что операция по внутренней линии кое-что потеряла в своем значении, а операция охвата на театре войны в наше время кое-что выиграла. «Операция по внутренней линии, как известно, наиболее плодотворная из всех мыслимых операций; эта операция позволяет даже меньшими силами одержать верх над превосходными силами. В ней самым решительным образом воплощается дух военного искусства»[1]. Я уже рассказывал выше, что организацию сражения при Кенингтреце Рюстов определенно отвергает и предлагает вместо нее параллельное сражение с усиленным правым флангом (фланговое сражение).

В 1869 г. русский военный писатель *Леер* опубликовал труд, носящий название «Позитивная стратегия», хотя автор особенно подчеркивает, что в этой области устанавливать позитивные правила очень трудно и что для подготовки к полководческой профессии наилучшим средством является историческое освещение вопросов. Следовало думать, что Леер, который хорошо знает немецкую литературу, должен был бы, исходя из указанной выше точки зрения, питать особую симпатию к Клаузевицу. Однако, он называет немецкого военного философа «слишком туманным» и в общем следует теоретическим воззрениям Жомини, хотя безусловное превосходство внутренней линии и не представляется ему в такой же степени надежным.

В 1882 г. *Блюме* выступил со своим исследованием «Стратегия», толчком к которому послужили его военно-исторические лекции в германской Военной академии.

Выше я имел уже случай упомянуть, что в отношении учения об обороне Блюме стоит в определенном противоре-

[1] «Стратегия и тактика новейшего времени» («Strategie und Taktik der neuesten Zeit»), I, 108.

чии с Клаузевицем. В основном же он опирается на труд «О войне» и, прежде всего, твердо держится высказанной в этом труде необычайно важной точки зрения, что теория в большей мере является размышлением, чем поучением. Блюме участвовал в войнах 1866 и 1870—1871 гг., находясь в главной квартире; он, конечно, знаком с образом мыслей Мольтке и выражает его, не подчеркивая особенно охарактеризованной ранее стороны его, которая в настоящее время так много оспаривается. В отношении стратегической обороны он ратует, правда, за сосредоточение вооруженных сил на одной центральной позиции, чтобы с этой исходной позиции оперировать по внутренней линии. Однако, операция по внутренней линии в настоящее время даже и для обороны потеряла бóльшую часть своего прежнего значения, и кто сосредоточивается на центральной позиции, тот в значительной степени подвергается угрозе окружения.

Основной труд *В. фон-Шерфа* «О ведении войны» (W. v. Scherff, «Von der Kriegführung»), появившийся в 1883 г., является крайне своеобразной книгой. Автор очень хорошо знает Клаузевица, так как он снабдил примечаниями его труд «О войне» для серийного издания «Военные классики» («Militärische Klassiker»). В этих примечаниях он уже неоднократно оспаривает мысли Клаузевица; в введении к своей собственной военной теории он пользуется случаем, чтобы особенно подчеркнуть, что у этого писателя «находишь о войне, прежде всего, то. *чему не следует* учить». В противоположность этому, Шерф хочет дать не только суждения, но совершенно позитивное учение и наставления; такому основному намерению соответствует то, что он в своих общих взглядах на войну примыкает, главным образом, к Жомини и еще больше к Виллизену.

Однако, несмотря на это, особенность Шерфа проявляется весьма отчетливо. Она сказывается уже в том, что Шерф отвергает традиционное деление на стратегию и тактику, так как эти понятия невозможно строго разделить, но вводит в теорию различные новые противопоставления, необходимость и полезность которых также могут быть, с другой стороны, с полным основанием оспорены. Я не буду их перечислять, так как обещал читателю, по возможности, предохранить его от новых понятий. Все учение Шерфа строится на той основной мысли, что «*в отношении использования масс для достижения конечной цели операции, для стратегической и тактической победы в сражении великий*

корсиканец является до настоящего времени и должен оставаться непревзойденным образцом». В соответствии с этим он рекомендует «все силы держать как можно более сосредоточенно и итти на разделение только в той мере, в какой их сохранение и расчленение, безусловно, необходимы для их действий, или если есть гарантия, что таким путем противник может быть действительно введен в заблуждение. Только фактическое значительное численное превосходство могло бы позволить разделение сил без ущерба»[1].

В сохранении тесного сосредоточения войск Шерф видит несомненное преимущество перед противником, в высокой степени сосредоточения — превосходство над ним, а в разделении сил — иногда непредотвратимый ущерб, который только при особенно хорошем командовании может быть уравновешен преимуществами охватывающего движения к полю сражения. При такой основной тенденции — вести войсковые массы к полю сражения сосредоточенными в старом наполеоновском духе — Шерф придает особенное значение тому, чтобы сражение не вылилось в равномерное фронтальное израсходование сил. В принципе одно крыло должно вести только сдерживающие (демонстративные) бои, в то время как другое, усиленное крыло должно искать решения. В случае, если направление движения не вывело армию на фланг противника и тем самым не обеспечило охвата, решающее крыло должно попытаться осуществить тактический охват. Я уже указывал раньше, что при дальнобойности теперешнего огнестрельного оружия стало чрезвычайно трудным, а для крупных войсковых соединений даже невозможным выполнять такое движение и тогда, когда до противника уже близко. То, что Клаузевиц мог еще с полным основанием рассматривать как возможное и допустимое, в настоящее время уже невыполнимо, так как для этого понадобились бы совершенно своеобразные условия местности, благоприятствующие охвату с самого близкого расстояния.

Фланговое сражение в указанном выше смысле, осуществляемое из сосредоточенного расположения войск с помощью особой диспозиции для сражения, — это и есть то, к чему, согласно учению Шерфа, надо в принципе стремиться. По его мнению, не только сражения Фридриха II, но и сражения Наполеона разыгрывались как фланго-

[1] В. фон-Шерф, О ведении войны (W. v. Scherff, Von der Kriegführung), стр. 330 и 632.

вые сражения, — точка зрения, которая, как знают мои читатели, в отношении Наполеона не соответствует истине. Она должна быть ограничена, по меньшей мере, в том смысле, что за время полководческой карьеры Наполеона идея прорыва в центре выступала все сильнее и сильнее. Наоборот, Фридрих, несомненно, является главным представителем фланговой сражения, и весьма характерно для всего образа мыслей Шерфа, что, обрисовав взаимодействие в бою трех родов войск, он совершенно ясно говорит, что получающаяся таким образом картина представляет собою «не что иное, как приспособление фридриховского сражения к нынешним условиям». Это действительно соответствует учению Шерфа о тактике, необходимой в настоящее время. Шерф и сейчас хочет действовать совершенно так же, как тогда: боевой порядок наступающего за пределами дальности пушечного выстрела строится в несколько эшелонов, *и затем его сразу единой массой, одним движением ведут вперед вплоть до внедрения в ряды противника.* Только головной эшелон составляется уже не из сомкнутых трехшереножных линий, а из стрелковых цепей, и число эшелонов значительно увеличивается; огонь взводами при продвижении вперед, когда отдельные взводы поочередно останавливаются и дают залпы, заменяется таким же регулярно чередуемым огнем стрелков, продвигающихся скачками и стреляющих лежа; впереди идущие рассчитывают на постоянную поддержку и пополнение передней линии из состава сзади следующих подразделений. Основная идея все же совершенно такая же, а именно: всякий огонь при наступлении служит не столько для подавления противника, сколько вспомогательным средством, для того чтобы несколько облегчить неизбежные потери части, стремящейся вперед для штыкового удара, — попытка самообмана, чтобы укрепить моральную силу солдат. В том, что огонь обороны всегда будет сильнее, Шерф убежден так же, как в этом были убеждены в XVIII столетии, а потому он так же, как во времена Фридриха II, придает особую важность быстроте проведения общего наступления.

Очень интересно читать подробные рассуждения Шерфа «О ведении боя». Он описывает многочисленные возможности, которыми могут определяться более или менее искусно формы боя; он говорит о том, как устанавливать различные задачи обоих своих флангов — решающий или сковывающий бой (Entscheidungskampf oder hinhaltender Kampf) — со стратегических и тактических точек зрения,

как можно изменять эти задачи даже в ходе боя и в соответствии с поведением противника и как будет происходить смена ролей обеих армий, когда подвергшийся вначале нападению затем сам перейдет в контрнаступление тем или другим из своих флангов. Это все могло бы иметь свое оправдание, если бы можно было проводить наступление так, как это считает возможным Шерф. Однако, — и я не делаю никакой попытки прикрыть пропасть, которая зияет между концепцией Шерфа и моей концепцией, — все рассуждение его содержит ту большую ошибку, что выполнение наступления в предлагаемой им форме становится совершенно невозможным вследствие современного действия огня обороны. Этот вопрос уже так часто и так основательно обсуждался, что я могу здесь дольше на нем не задерживаться. В настоящее время и в наступлении ружье не служит уже древком для штыка, но используется для того, чтобы добиваться с его помощью действительного огневого превосходства над противником. Как правило, и особенно в регулярном сражении, этой цели служит состязание в стрельбе с одной огневой позиции против другой; в этом случае тяжелая задача наступления — привести свою пехоту как можно более укрыто на такие позиции, с которых можно вести спокойный прицельный огонь по обороняющемуся. Шерфовское нормальное наступление, по моему убеждению, неосуществимо, и вместе с ним рушится все тактическое и стратегическое учение, которое Шерф развивает в труде «О ведении войны».

Бельгиец *Фикс* (Fix) и французы *Берто* (Berthaut) и *Юнг* (Jung), писавшие по вопросам стратегии в восьмидесятых годах, могут быть сведены в довольно единообразную группу, которая опирается, безусловно, на Жомини. Первые два знают, кроме Жомини, повидимому, только эрцгерцога Карла, и только Юнг читал Клаузевица. Берто иногда восстает против общего их учителя, весьма разумно высказываясь против громадного количества специальных выражений, которыми некоторые писатели чрезмерно приправляют свои работы и тем самым делают их неудобоваримыми. Но этот порыв к самостоятельности все же не идет далеко.

Юнг правильно понял, что германский генеральный штаб имеет определенную склонность к охватывающей форме боевого порядка (ordre en équerre); однако, Мольтке он не понимает. Он рассматривает руководящего германского стратега только как человека, способного к терпеливым расчетам и упорной работе, слава которого покоится не на его

стратегических планах, а только на подготовке генерального штаба. Так как мы, немцы, воспитаны Клаузевицем в убеждении, что на войне все просто, то мы вовсе не претендуем, чтобы наши противники находили в мыслях Мольтке необычайную глубину. Другой вопрос — целесообразно ли они поступают, систематически принижая значение личности, которая добилась таких больших успехов? Еще гораздо дальше Юнга в непризнании Мольтке заходит *Леваль* (Lewal), который в восьмидесятых годах был командиром французского 17-го корпуса. По поводу смерти Мольтке он опубликовал сочинение, полное страстной ненависти и невероятно ошибочных суждений о Мольтке; это сочинение тем более должно вызывать удивление, что Леваль, несомненно, очень образованный человек. Он не видит в Мольтке ни вдохновения, ни смелости, ни светлого ума, называет его странным специалистом, который очень высоко поднял механическую сторону в вождении войск; он находит (слушайте и удивляйтесь!), что Мольтке с непоколебимой строгостью подавлял всякое самостоятельное устремление подчиненных начальников. По мнению Леваля, успехи Мольтке определялись исключительно ошибками противника, а также тем, что он умел с известным искусством использовать в своих интересах замыслы французов.

Я упоминаю обо всем этом, главным образом, потому, что мы должны заняться трудом Леваля, который вышел в свет в 1893 и 1895 тг. и носит в своих двух самостоятельных частях название: «Стратегия марша» и «Стратегия боя». Этот труд принадлежит к удивительнейшим результатам кропотливой мыслительной работы в стратегической области, отличается особенной цельностью и законченностью и именно поэтому может оказаться в высшей степени опасным для тех читателей, у которых еще нет своего собственного богатого опыта в практическом управлении войсками и нет достаточно широкого знания военной истории или которые вообще легко дают себя ослепить последовательностью заключений. В военной области без логики так же нельзя обойтись, как и в других областях; однако, наряду с умозрительными суждениями, рука-об-руку с опытом должна итти критическая проверка, — иначе пойдешь по ложному пути.

Хотя Леваль хорошо знает Клаузевица, однако свою идейную выучку он получил, естественно, от Жомини; основных мыслей Жомини о единстве военных действий

он придерживается твердо, хотя в одном существенном отношении он и стоит на собственных ногах.

Несмотря на мою нелюбовь к большому количеству технических терминов в нашей области, я признаю, что Леваль оказал хорошую услугу делу, разделяя понятие обхода (или охвата) на *три* подчиненных понятия, а именно: *охватывающее движение, обходное движение и обгоняющее движение* (mouvement enveloppant, mouvement tournant, mouvement débordant)[1]. Первейшая форма — двойной охват — им совершенно отбрасывается, несмотря на случайные успехи этой формы боевых действий, среди которых на первом месте стоят Ульм и Седан. Вторая форма — односторонний охват, при которой самостоятельно оперирующее войсковое соединение со своего собственного направления подхода направляется на фланг противника и только на поле сражения примыкает к части армии, предназначенной для фронтального боя, — эта форма, по мнению Леваля, очень соблазнительна, но трудно выполнима. Он объясняет это тем, что обходящая часть армии должна притти не слишком рано и не слишком поздно; однако, по его мнению, даже все новейшие средства взаимного осведомления недостаточны для того, чтобы полностью обеспечить эту своевременность. От всех изолированных или отдельных операций (opérations isolées ou separées) следует отказаться. Наполеоновские операции такого рода, кроме Ауэрштедта, никогда не удавались. Безусловно необходимо всегда остерегаться стремления к растяжке фронта и к все далее и далее простирающемуся обходу[2].

Остается, следовательно, только охват фланга, который заключается в удлинении боевой линии вправо или влево и в загибании этой линии вокруг неприятельского фланга. Таким образом, часть фронта должна быть загнута в виде предназначенного для наступательных действий крюка (Offensivhaken), который должен, однако, оставаться в тесной связи с остальным фронтом и ни при каких обстоятельствах не отделяться от него промежутком, благоприятным для вклинения противника. Ибо, по мнению Леваля, рост численности армий и мощь огня ведут к тому, что в настоящее время надо вести операции *еще более сосредоточенно*, чем раньше[3]; страх же перед возможным

---

[1] «Стратегия боя» («Strategie de combat»), II, 31.
[2] Там же, II, 182.
[3] Там же, II, 39.

образованием брешей в боевой линии у Леваля настолько развит, что определенно напоминает времена линейной тактики. Этот страх никоим образом не отвечает тому факту, что мы с нашим дальнобойным огнестрельным оружием также можем проделать такие большие промежутки между двумя войсковыми частями, о которых раньше и представления не имели.

Самостоятельность Леваля, по сравнению с Жомини, проявляется в том, что он полностью отвергает глубокие походные колонны, следование друг за другом нескольких армейских корпусов. То, что он указывает относительно движения крупных войсковых масс по одной и той же дороге, совершенно справедливо, и даже его соображения о серьезном вреде, порождаемом длинной походной колонной отдельного армейского корпуса, безусловно, правильны. В германской армии тоже действует принцип, что отдельный армейский корпус при малейшей возможности должен двигаться в дивизионных колоннах по различным дорогам, чтобы облегчить войскам марш и отдых и в то же время поставить их в положение большей боевой готовности. Однако, для операций крупных армий армейский корпус остается все же маршевой единицей, которая в состоянии в один день по одной дороге переходить из одного пункта сосредоточения в другой пункт, лежащий впереди или позади первого на расстоянии дневного перехода.

Однако, Леваль отвергает и дивизионные походные колонны как все-таки слишком длинные; он считает, что развертывание их к бою отнимает слишком много времени и для всех операций вблизи от противника, *т. е. в случае войны между Францией и Германией — с самого начала* боевых действий, настаивает на походных колоннах глубиною в бригаду. Таким образом, каждая дивизия, как правило, должна представлять собой пучок (faisceau) из трех колонн, одна из которых включает артиллерию и весь обоз или бо́льшую часть обоза, а каждая из двух других состоит из пехотной бригады с небольшим обозом или без всякого обоза. Если в армейском корпусе только 2 пехотные дивизии, то корпусная артиллерия с остальными специальными частями корпуса должна использовать самостоятельную дорогу, а дивизии должны двигаться одна справа, другая слева по боковым дорогам или по целине. Если корпус состоит из 3 дивизий, — а Леваль требует вообще, чтобы все армейские корпуса во время войны тотчас же доводились новыми формированиями до трехдиви-

зионного состава, по 12 батальонов в каждой дивизии, и общую силу своего армейского корпуса исчисляет в 60 000 бойцов (численность роты он хочет поднять с 250 до 300 бойцов),— то пучки дивизионных колонн, по 2 колонны на дивизию (всего 6 колонн), двигаются по сторонам дороги, предназначенной для марша корпуса, а общее число колонн в армейском корпусе возрастает до десяти.

Теперь выдвигается важнейшее требование: ширина фронта армейского корпуса в операции никогда не должна превышать 6 *км*, так как такова ширина фронта, которую армейский корпус силою в 60 000 человек может надежно удерживать в бою. Это составляет 10 человек на 1 *м* фронта — чисто наполеоновская норма. Колонные пути для трех пучков дивизионных колонн каждого армейского корпуса должны быть, следовательно, найдены на расстоянии 2—4 *км* по обе стороны от дороги, предназначенной для марша корпуса. Леваль неоднократно во время осенних учений заставлял свои корпуса действовать в таком порядке (с двумя пучками дивизионных колонн); он рассказывает далее, что и во время больших маневров вблизи Парижа в 1894 г. такой образ действий успешно применялся в течение нескольких дней подряд. Он приводит карту сильно пересеченной холмистой местности в центре Франции (департамент Индр), с превышением одних точек над другими на 40—70 *м*, на которой он нанес требуемые 6 путей для корпуса двухдивизионного состава в расстоянии максимум 3 *км* от главной дороги. Использованные боковые и полевые дороги обозначены на карте зеленым; участки, которые должны быть преодолены по целине, — красным. Однако, специалист тотчас же усмотрит из этой схемы, какое напряжение — даже и при безусловно благоприятной погоде — потребуется все же вследствие зигзагообразного маршрута колонных путей, вследствие частой смены подъемов и спусков, в том числе и по достаточно крутым скатам, а также вследствие частых переправ через потоки без мостов. Леваль и не оспаривает вовсе, что задача эта весьма напряженная, но он считает это напряжение неизбежным и полагает также, что при тесно сосредоточенном продвижении целой армии может быть обеспечено сокращение дневного перехода. При этом отпадают всякие боковые движения в интересах отдыха и продовольственного снабжения, так как теперешние армейские массы полностью должны питаться из своих продовольственных транспортов,

а этот порядок продовольственного снабжения опять-таки исключительно облегчается, если назначенную для корпуса главную дорогу держать почти полностью свободной от всех войсковых частей, так что обозы могут со всей быстротой и удобством подходить вплотную к передовой линии. Этого последнего преимущества у его организации оспаривать нельзя, и оно было бы действительным также и в том случае, если бы все колонные пути дивизий оказались непригодными для более тяжелой части войсковых обозов и эта часть обозов также должна была бы быть переведена на главную дорогу. Здесь надо было бы сделать оговорки, но я хочу сначала полностью закончить общий очерк левалевской стратегии; тогда мне вряд ли понадобится опровергать ее в отдельных частях.

Армия в составе 4 армейских корпусов (12 дивизий, 24 000 бойцов) двигается, как правило, тесно сосредоточенно в полосе 6 *км* × 4=24 *км* по фронту; 4 французские армии, из которых одна в составе 5 корпусов, в целом свыше миллиона бойцов, двигаются также сосредоточенно в полосе 6 *км* × 17 = 102 *км* по фронту. Дорожные условия на востоке Франции таковы, что при этом для каждого армейского корпуса вполне возможно обеспечить шоссированную дорогу. Франко-германская граница, правда, почти в три раза длиннее, чем весь этот фронт, но нельзя забывать также, что, по Левалю, прежде всего *недопустимо раздробление вооруженных сил*, и тому, кто так сильно проникнут этим принципом, миллион бойцов представляется, очевидно, лишь ограниченным количеством. Из четырех армий, расположенных рядом, 2-я или 3-я является «центральной», или «направляющей» армией (armée centrale ou directrice) [1], причем в соответствии со своим назначением она должна быть в составе 5 корпусов. Армии, находящиеся непосредственно рядом с ней, называются фланговыми; входящие в эти армии корпуса во время движения должны располагаться уступами с внешних флангов таким образом, чтобы крайний фланговый корпус отстоял от центральной армии не больше и не меньше чем на 9 *км*. Четвертая армия, которой присваивается, смотря по обстоятельствам, первый или четвертый номер, становится резервной армией и следует тоже в уступном корпусном порядке. Все вместе взятое принимает, таким образом, в движении форму клина или тупого угла.

[1] «Стратегия марша», стр. 241; «Стратегия боя», II, стр. 181 и сл.

Если предстоит сражение, то должно быть произведено дальнейшее укорачивание фронта путем смыкания на середину, при котором каждая армия оттягивает один корпус с линии фронта и сокращает последнюю с 24 до 18 *км*. Тесно сомкнутая боевая линия трех армий — центра и обоих флангов — не должна быть длиннее 54 *км*. Самое сражение во всех случаях является *фланговым сражением* (Flügelschlacht); это убеждение Леваля совпадает с точкой зрения Шерфа, которого Леваль, повидимому, знает.

Чтобы полностью разъяснить также и конечные выводы «Стратегии боя», я хочу привлечь себе на помощь схему (схема 7), на которой в качестве центральной взята 2-я армия. Расстояния даны у Леваля с такой точностью, что

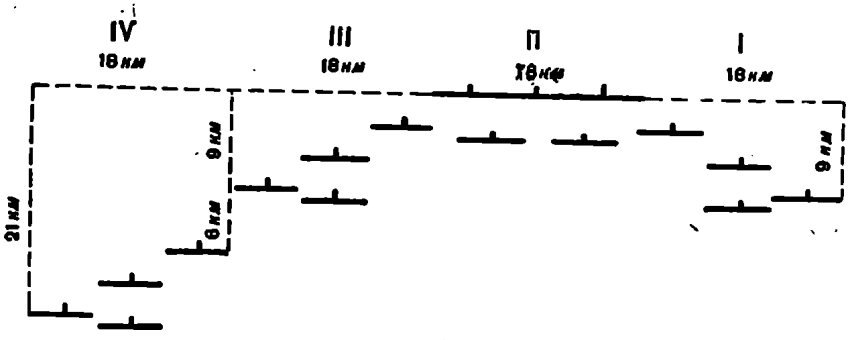

Схема 7

обязательно получается фитура, изображенная на схеме. В каждом корпусе первой линии, на участке которого закончено оперативное движение и начинается бой, одна дивизия в качестве особого резерва корпуса ставится позади центра или фланга.

Фланговое сражение должно и может развиваться различным образом:

а) 3-я армия охватывает или совершает захождение полностью или частично против правого неприятельского фланга. Тогда 1-я армия продвигается до фронта 2-й армии, а 4-я армия продвигается справа позади 3-й, где она может быть использована на второй день сражения.

б) 3-я и 4-я армии совершают захождение под углом влево; 2-я армия продолжает это захождение вплоть до охвата левого неприятельского фланга; 1-я армия двигается за 2-й и используется на второй день.

в) 2-я и 3-я армии совершают захождение под углом влево; 4-я армия охватывает противника, продвигаясь прямо перед собой; 1-я армия следует позади 4-й и используется на третий день.

В другую сторону клина могут создаться аналогичные положения; только пути движения 4-й армии становятся в этих случаях настолько длинными, что она может принять участие в сражении только на третий день.

Необходимо было так подробно рассмотреть левалевскую стратегию потому, что моим беглым наброскам, вероятно, не поверили бы. Теперь мне уже вряд ли нужно добавлять, что эту новую форму применения в высшей степени густых масс на самом тесном пространстве я считаю совершенно непригодной на практике. Это самая настоящая *схема*, которая должна вести к умерщвлению мысли. Она обнаруживает неожиданное сходство с той эшелонной формой, в которой эпигоны Фридриха II хотели видеть настоящее зерно своего военного превосходства и которая затем столь жалким образом провалилась, когда против нее выступила новая тактика французов с ее использованием обстановки и применением к местности. Левалевский гигантский клин был бы побежден даже войсками начала XIX столетия, если бы только противник располагал действительно способным командным составом, умеющим с тактическим пониманием обстановки схватывать каждый частный случай и находить свободное решение вопроса. Если же такой командный состав может вдобавок применить современное огнестрельное оружие, то втиснутая в жесткую форму масса в своей беспомощности может стать легкой добычей противника даже и при том условии, если ему придется действовать значительно более скромным числом бойцов.

Некоторое понимание справедливости такого возражения есть, безусловно, и у Леваля. Поэтому-то он обращает острие своей насмешки против немцев, которые хотели бы *регламентировать* даже инициативу. Оружие это обоюдоострое: оно может так же легко повредить высшему начальнику, как и принести ему пользу. Лучшее очень часто бывает врагом хорошего, а потому правильнее держаться в границах, в которые поставил инициативу Наполеон, — и эти границы, конечно, достаточно тесные!

Одновременно с окончанием труда Леваля появилось в 1895 г. сочинение *Кольмара фон-дер-Гольца* «Ведение войны» (Colmar v. d. Goltz, «Kriegführung»), новое расширенное издание которого получило в 1901 г. название

«Ведение войны и вождение армий». Несмотря на некоторое различие в организации и освещении материала, я могу сказать о Гольце то же, что говорил раньше о Блюме, а именно, что он опирается на Клаузевица. Даже и то, что Гольц попутно протестует против одного из основных положений Клаузевица, ничего не меняет в этом деле, так как это — свободное, враждебное всякому формалистическому хламу изложение вещей, которое в первую очередь и обусловливает внутреннее родство. Заново добавленный фон-дер-Гольцем раздел о вождении войск, охватывающий психологическую часть теории войны, в этом смысле особенно ценен.

Гольц выступил в науке сперва с подчеркиванием характерного различия между Наполеоном и Мольтке, которое заключается в противоположности соединения сил *перед* полем сражения и *на* поле сражения. Он держится того мнения, что оба различных оперативных метода еще и сегодня могут и должны существовать одновременно, так как предпосылкой образа действий Мольтке является доверие к самостоятельности знающих дело подчиненных командиров, что не везде было уместным. Действительно, сражение при Фарзале 5 мая 1897 г. отчетливо показало, что турецкие командиры еще не созрели для действий по методу Мольтке, которых требовал от них турецкий генеральный штаб. Гольц воспитал этот генеральный штаб, и если он теперь в такой мере признает силу обстоятельств, как он это делает, то это, конечно, заслуживает особого внимания. Но на это можно ведь с полным основанием ответить, что немецкие войсковые начальники могут располагать и располагают требуемой степенью тактико-стратегической подготовки и силой решимости, и, следовательно, отпадает причина, которая в другом месте могла бы оправдать сохранение двоякого метода. Если хотят предоставить подчиненным командирам большую свободу и самостоятельность, если при решении труднейших вопросов в серьезном положении действующим лицам повсюду хотят предоставить возможность решающим образом вмешаться в дело по собственному разумению, то, естественно, весьма возрастает значение *согласованности в основных взглядах*. Если вообще и был в 1866 г. в Богемии затруднительный момент для операций пруссаков, то он заключался только в том, что 1-я армия действовала не совсем в духе Мольтке, что ее фронт продолжительное время был слишком узок и что она недостаточно учитывала свое взаимодействие с соседней армией. Теория тогда отвер-

гала ведение операций несколькими армиями на одном театре войны, а потому мысль об обязанностях по отношению к соседу была армиям совершенно чужда. Теперь, после того как позади уже больше чем поколение, после того как эти вопросы глубоко и основательно продуманы на военных играх и полевых поездках генерального штаба, а также в тиши ученых кабинетов, вряд ли повторилось бы что-либо подобное. Но для этого необходимо, чтобы были полностью преодолены сомнения, которые временами еще возникают в теоретической области.

«Размышления о военном деле и ведении войны» («Betrachtungen über Heerwesen und Kriegführung») — таково название книги, в которой известный военный писатель фон-Богуславский (v. Boguslawski) в 1897 г. принял участие в обсуждении вновь выплывшего стратегического вопроса. В свое время Богуславский перевел и снабдил примечаниями военно-теоретические работы Жомини для издания «Военные классики»; однако, в результате этого он отнюдь не превратился в одностороннего поклонника этого своего учителя. Богуславский охотно соглашается с тем, что Жомини уже склоняется в известной мере к механическому изложению стратегии Наполеона; в своем основном воззрении на войну Богуславский придерживается Клаузевица. Он решительно выступает в защиту *принципов* как базы для практических действий и предостерегает только от злоупотребления принципами.

В спорном вопросе Наполеон — Мольтке Богуславский соглашается с тем, что Наполеон, как правило, старался соединить свои вооруженные силы *до* сражения, хотя в нескольких случаях это удавалось ему не полностью (например, при Иене — Ауэрштедте, при Прейсиш-Эйлау и Бауцене). Он не хочет слишком категорически признавать приписываемую Мольтке тенденцию к соединению *на* поле сражения. Все же он говорит: «Резкое характерное различие можно усмотреть, собственно, только в самом *расчленении сил для сражения* — в трех сражениях, руководимых королем Вильгельмом I, и нескольких больших сражениях Наполеона, как Аустерлиц, Ваграм, Линьи, Бель-Альянс. Под Кениггрецом и Седаном стратегия самым глубоким образом соприкасалась с тактикой, в то время как начало сражения вытекало само собой из продвижения армий. Приказ на сражение при Гравелоте — это только директива для наступления, рассчитанная на два возможных случая: на отход Базена через Этен и Бриэ или на занятие им

позиции перед Мецом. Соответственно и развертывание армий произошло не по единому, заранее твердо установленному плану; многое должно было быть предоставлено командующим армиями и корпусами»[1]. Богуславский становится затем на сторону Гольца, который считал оба метода действий равноценными, и со всей определенностью возражает против всплывшей за это время точки зрения, будто современная стратегия должна основываться исключительно на Мольтке.

Что Богуславский занимает такую позицию, это вполне объясняется уже тем обстоятельством, что и для настоящего времени он считает возможными и необходимыми такие же передвижения масс на поле сражения, какие применялись Наполеоном. Богуславский дает очень наглядную картину сражения при Ваграме, из которой я извлекаю здесь некоторые примеры.

Наполеон сосредоточил тогда, вечером накануне сражения, значительно более 100 000 человек на острове Лобау, который отделен от левого берега рукавом Дуная в виде полукруга. Центр этого острова удален приблизительно на 4 000 *м* от расположения австрийцев, также имеющего форму полукруга. Следовательно, в 1809 г. сосредоточение французов произошло, в общем, вне дальности огня австрийской артиллерии, а установив тяжелую артиллерию из венского арсенала, Наполеон позаботился также о том, чтобы противник со своими батареями не рискнул подойти ближе. Богуславский считает все же возможным, что и в настоящее время установка тяжелой артиллерии главнокомандующего могла бы создать такое же прикрытие для сосредоточения на острове Лобау. Моя точка зрения как раз противоположна: если австрийский полукруг длиною 8—9 *км* богато насыщен современной полевой артиллерией, которая держит центр острова под уничтожающим шрапнельным огнем и перекрывает даже самые отдаленные части острова с мостами на правый берег, то сосредоточение французской армии на острове Лобау совершенно невозможно, само собой разумеется, — при условии, что противник заметил сосредоточение, как это тогда и было.

После того как эрцгерцог Карл отказался от попыток непосредственно помешать переправе через реку и отошел на

---

[1] Фон Богуславский. Размышления о военном деле и ведении войны (v. Boguslavski, Betrachtungen über Heerwesen und Kriegführung), стр. 127.

левом берегу на 1 милю назад, Наполеон в первый день сражения осуществил сосредоточение на левом берегу приблизительно 150 000 человек на фронте 6 000 *м* (25 человек на 1 *м*). Вслед за этим он сразу развернул свои войска для сражения. Веерообразное развертывание на равнине, где происходило движение, началось, примерно, в 7 000—8 000 *м* от ближайших австрийских батарей и должно было быть хорошо видно с австрийских позиций, расположенных значительно выше. Тесно сосредоточенные корпуса должны были тогда продвинуться в направлении противника на правом фланге — на расстояние несколько больше 5 000 *м*, а на левом фланге, где позиция противника была расположена дальше, — приблизительно на 7 000—8 000 *м*, прежде чем они попали в сферу орудийного огня австрийцев. Богуславский полагает, что в настоящее время такое движение должно было бы начаться уже, примерно, на 1 500—2 000 *м* раньше. Я убежден, что такое массовое движение было бы остановлено неприятельским шрапнельным огнем уже на предельной дальности этого огня и что двигающиеся массы смогли бы пройти самое большее третью часть или половину своего тогдашнего пути.

На второй день сражения корпус Массены силою в 25 батальонов в густых массовых построениях был передвинут из центра боевой линии к левому флангу и покрыл по малоукрытой местности путь в 4 000—5 000 *м* в расстоянии 2 500—3 000 *м* от австрийских линий. «Несмотря на то, что для тогдашней дальности стрельбы это было весьма значительное расстояние, корпус сильно страдал от австрийского артиллерийского огня», — сообщает Богуславский и продолжает: «Если мы опять примем теперешнее вооружение, то вся артиллерия Массены, под соответствующим прикрытием, должна была бы занять позицию, чтобы предохранить пехоту и конницу от слишком больших потерь. Фланговый марш не мог бы происходить так гладко, как тогда, но и в нынешнее время осуществление его не было бы невозможным». Я же должен здесь еще раз сказать: это было бы *невозможно*.

О гигантской атакующей фаланге (Riesen-Sturmphalanx) при Ваграме я уже говорил раньше и не касаюсь ее здесь подробнее.

Богуславский дает затем картину сражения при Гравелоте и разбирает возможность перехода Базена в наступление главными силами с линии расположения его левого фланга. Он считает, что Базен мог двинуть 4 французских

корпуса (10 дивизий) против 2 корпусов немецкого правого фланга, и дает, в качестве исходной позиции для этого наступления, линию длиною точно 4 000 *м*, которая, однако, еще немного укорачивается ввиду наличия нескольких крутых скатов. Если уяснить себе построение, которое пришлось бы принять для такого наступления, то становится очевидным, что из примерного количества в 120 батальонов в первой линии могли бы стоять рядом самое большее 24 батальона, а стоять в затылок друг другу 5 эшелонов по 24 батальона в каждом. Это было бы единое построение, которое представляло бы в полном смысле слова идеальную цель для батарей обоих немецких правофланговых корпусов, и я считаю, что в настоящее время такого рода массовое наступление ни в коем случае не могло бы удаться.

Наконец, я должен установить расхождение обеих наших концепций на наглядном примере, которым Богуславский заканчивает свои рассуждения и который должен пояснять защищаемые им принципы. Армия в составе 4 корпусов переходит в наступление против армии из 3 корпусов, которая стоит на превосходной позиции и одним из флангов упирается в озеро, что делает этот фланг неуязвимым. По моему убеждению, наступающая армия принципиально должна была бы ввести в дело как можно больше сил для охватывающего движения против уязвимого неприятельского фланга, а против сильного фронта выставить, самое большее, равные силы. Нет никаких причин, вынуждающих действовать иным образом; наоборот, неприятельская линия отступления лежит настолько под углом к линии фронта, что охватывающее давление на открытый фланг противника отняло бы у него путь к отходу, и это говорит именно в пользу высказанной выше точки зрения. Богуславский же использует только один корпус против открытого неприятельского фланга и удерживает целый резервный корпус позади фронта; в конце концов, после некоторых перипетий сражения этот корпус приносит решение путем поддержки чисто фронтального наступления. Привести в правильное соотношение ширину и глубину — это с давних времен было главной задачей управления войсками. Характерным для современной эпохи (конечно, только в общих чертах) является следующее решение: глубокое построение для небольших тактических соединений и широкое расположение для крупных войсковых соединений. На мой взгляд, в рассматриваемом случае резервный корпус не мог бы найти лучшего применения, чем если бы он был с самого

начала придан охватывающему крылу. Существенно усилившееся, в результате этого, наступление против неприятельского фланга могло бы путем расположения одной дивизии уступом назад предохранить и себя от возможности быть охваченным.

Дальнейшее углубление в этот пример, вероятно, дало бы еще больше пунктов расхождения, но я ограничиваюсь одной стороной, которая была подсказана предыдущим изложением.

В заключение этой главы я должен еще упомянуть, что *фон-Верди-дю-Вернуа* (v. Verdy du Vernois), почтенный представитель прикладного метода обучения, в течение нескольких лет работает над трудом по стратегии, который, судя по появившимся до сего времени выпускам, целиком построен на Клаузевице и Мольтке. Я извлекаю сейчас оттуда только те положения, в которых Верди формулирует противоположность взглядов Наполеона и Мольтке[1].

«Теоретически Наполеон склоняется больше к применению сосредоточенных маршей, Мольтке же, напротив, — к раздельному движению; практически каждый из них преимущественно осуществлял свой принцип, но при случае пользовался также и другим. Наоборот, полное единодушие царит между ними в том смысле, что для решения необходимо иметь в готовности все силы...»

«Доказательством точки зрения Наполеона о необходимости сосредоточивать свои боевые силы *перед* сражением служат почти все проведенные им сражения; принцип Мольтке видят в том, что сам он высшую задачу стратегии усматривал в соединении всех корпусов *на* поле сражения, как это показывает сражение при Кенитгреце[2]. Если брать чисто отвлеченно, то здесь один взгляд противопоставляется другому, и во всяком случае на этом пути нельзя достигнуть единства точки зрения».

---

[1] «Исследование о войне», III, 1, стр. 40 и 13.

[2] Ср. выше — гл. VIII, конец выдержки из Инструкции для высших войсковых начальников.

X. РАЗВИТИЕ УЧЕНИЯ МОЛЬТКЕ ШЛИХТИНГОМ

Встречный бой.—Планомерное наступление.— Оперативное растяжение и расчленение.— Оперативное захождение.— Оборонительное сражение.— Переход от оперативного маневра к сражению.— Бурская война.— Подготовка армии.

«Тактические и стратегические принципы современности» («Taktische und strategische Grundsätze der Gegenwart») — так назвал генерал фон-Шлихтинг (v. Schlichting) трехтомный труд, который он издал в 1897—1898 гг. Труд этот вызвал большой шум и породил спор, который временами велся весьма оживленно и еще не закончился. Тактическую сторону я оставляю, насколько возможно, в стороне и касаюсь здесь только стратегических вопросов.

Первая задача, которую поставил себе Шлихтинг, заключается в подробном освещении и обосновании разницы между Мольтке и Наполеоном и в доказательстве того, что мы вправе говорить о самостоятельном стратегическом учении Мольтке. Инструкция для высших войсковых начальников тогда еще не была опубликована; идеи, заложенные в этой инструкции, могли быть привлечены лишь постольку, поскольку они в таком же или сходном виде заключались в других, не секретных сочинениях или, в результате частого устного повторения их Мольтке, сделались общим достоянием генерального штаба. При этом Шлихтинг ясными и легко доступными пониманию чертами нарисовал портрет Мольтке как полководца и убедительнейшим образом показал, как Мольтке, самый одаренный ученик Клаузевица, совершенно непроизвольно под влиянием обстоятельств должен был притти к тому своеобразию, которое его характеризует. Значительно глубже освещая события своего времени, чем это делал Жомини, Клаузевиц создал учение, которое несло в себе зародыш последующего раз-

вития. Однако, — я надеюсь, что мне удалось отчетливо показать это, — за рамки своего времени не мог перешагнуть никакой Клаузевиц, и только когда произошли великие технические перемены XIX столетия, возникла потребность испытать применимость традиционного оперативного учения к современности, что и сделал с успехом Мольтке. Я стал бы повторяться, если бы хотел подробнее осветить эту сторону труда Шлихтинга; поэтому я сейчас же обращаюсь к его *изложению* учения Мольтке.

Первый важный пункт, который бросается при этом в глаза, — это разграничение *встречного боя* и *планомерного наступления*. Такое разграничение впервые было введено в служебный язык германской армии строевым уставом пехоты 1888 г.; Шлихтинг же был членом комиссии, которая разрабатывала устав, и текст раздела о наступлении был набросан им.

Это разграничение встретило много нападок и до сих пор вынуждено бороться против отрицательного отношения к нему многочисленных защитников старого. Новое понятие встречного боя с самого начала уже представляло собой нечто иное, чем старое понятие «встречи» (rencontre). В прежнее время под этим понимали случайное сражение, более или менее неприятную неожиданность, при которой, прежде всего, приходилось стремиться избежать неудачи и защититься от возможности охвата. Новая концепция радуется возможности нанести удар во встречном столкновении. Она исходит из гигантского роста действительности огня и из трудности продвижения по открытой равнинной местности против неприятеля, находящегося на позиции. Она указывает поэтому на представляющиеся нам необычайные *преимущества*, если мы застаем противника в состоянии, в котором его огневые позиции еще не подготовлены и не оборудованы в целесообразных и удобных местах, т. е. если он так же, как и мы, находится на марше. Тогда необходимо действовать быстро, использовать каждое преимущество момента, смело сражаться и, где возможно, мешать противнику закончить свое развертывание. Само собой разумеется, что младшие начальники должны при этом в любом месте действовать самостоятельно, ибо только таким путем можно использовать выгоду момента, а каждый запрос и ожидание приказов ведут к упущению сроков. С другой стороны, и самостоятельность младших начальников не должна переходить за разумные пределы; они должны стараться распознать намерение командования,

а в сомнительных случаях остерегаться забегать вперед в своих действиях. Как правило, высший начальник в самый короткий срок окажется на месте, и дело будет заключаться только в том, чтобы быстро и с должным искусством подхватить его руководящую мысль. В случае же, если его приказ заставляет себя ждать, подчиненные командиры не должны вести в это время безрассудно смелую игру.

Понятно, что в этой области может царить известное расхождение во взглядах. Шлихтинг придерживается мнения, что инициатива прусско-германских командиров всех степеней была главным источником крупных успехов на полях боев и сражений в 1866 и 1870—1871 гг.; он хотел, чтобы этот дух всеми способами питался и воспитывался и чтобы одним лишь ростом тактического понимания и подготовки устранялись бесспорные опасности такой самостоятельности. Должна воспитываться разумная смелость, сознающая высокие преимущества быстрых действий и дерзкой отваги и в то же время обладающая верным глазом для определения того, как наилучшим образом использовать местность для укрытия и есть ли время подпустить противника настолько, чтобы он попал под сноп траекторий наших выстрелов. Такая разумная смелость требуется особенно в том случае, если отдельный командир вполне уверен в том, что соседи и товарищи, прибывающие из тыла на поле сражения, поддержат его всеми своими силами и с таким же пониманием обстановки; следовательно, и по этой причине воспитание в командирах умения давать оценку со знанием дела и принимать быстрое решение имеет большое значение.

Шлихтинг в своих «Тактических и стратегических принципах современности» излагает законы встречного боя. Я не касаюсь при этом всех чисто тактических вопросов, как, например, первоначальной потребности захватить позицию или необходимости наряду с максимальным устремлением вперед соблюдать все же осторожность и вводить в бой наличные войска только тогда, когда поблизости имеются новые войска в качестве резерва; я обращаюсь теперь к важному вопросу о развертывании. Это вопрос в двояком смысле стратегический: во-первых, потому, что он касается перехода от оперативного маневра к бою, во-вторых, потому, что способ развертывания может и должен стать средством для связывания различных отдельных боев в единое целое. При определенной обстановке развертывание должно произ-

водиться в обе стороны, при других обстоятельствах—только в одну сторону. Это зависит от того, двигается ли данное соединение навстречу противнику в единственном числе, что на войне всегда будет исключением, или оно двигается в рамках армии и, следовательно, имеет соседей с обеих сторон или хотя бы с одной стороны. Если два армейских корпуса с интервалом между ними в 2—3 мили или две дивизии с интервалом в 1—1½ мили двигаются одновременно на противника, то неизбежным образом возникают два отдельных тактических действия; ясно, однако, что они могут быть гораздо лучше согласованы и лучше обеспечивать взаимную поддержку, если оба войсковых соединения произведут свое развертывание как можно дальше в сторону соседа. Если речь идет о трех войсковых соединениях, двигающихся рядом, то среднее должно развернуться в обе стороны, и только перед фланговыми соединениями будет стоять задача осуществить развертывание односторонне — *во-внутрь*. Наоборот, одностороннее развертывание *во-вне* может оказаться необходимым или разумным, если интервал между двумя колоннами, в зависимости от сети дорог, значительно меньше, чем я указывал выше. При решении этих вопросов не составляет существенного различия, подвергаешься ли ты сам нападению и рассчитываешь на помощь соседа, а потому обязан и ему облегчить вступление в бой, или же находишься в таком положении, когда ты сам должен оказать помощь соседу. Но имеет, конечно, значение, следует ли сзади по той же дороге еще одно войсковое соединение, от которого можно с уверенностью ожидать вступления в наш бой. Способ развертывания — вправо и влево, или только вправо, или же только влево, — в общих чертах должен соответствовать в такой же мере потребностям высшего соединения, в составе которого действуют данные войсковые части, как и ближайшим требованиям момента на данном участке. Если местные условия и противник позволяют, то иногда при развертывании можно извлечь большую выгоду из следующего порядка: войскам, которые прибывают первыми, указываются самые отдаленные цели с самыми далекими дорогами, а потребность в войсках на основной дороге покрывается частями, колонны которых прибывают последними.

Я не имею возможности излагать здесь рассуждения Шлихтинга о природе встречного боя с большей подробностью; для целей настоящего труда достаточно доказать, что и тут действительно имеется ряд принципов, что действия

в каждом отдельном случае не должны строиться целиком на импровизации.

Противоположностью встречного боя является планомерное наступление. Его своеобразие обнаруживается в особенности тогда, когда обороняющийся мыслится на подготовленной и усиленной полевыми укреплениями позиции. В этом случае для наступающего настоятельно требуются спокойное размышление и взвешивание всех условий, чтобы не оказаться с недостаточными силами в сфере чрезвычайно возросшего действия огня обороняющегося. Наступлению должны предшествовать развертывание всех сил и тщательная разведка оборонительной позиции. Затем следует развертывание артиллерии и значительных пехотных сил на пригодных для этого огневых позициях, с которых стремятся подавить противника в длительном огневом бою. Способы, которыми достигаются и занимаются эти огневые позиции, целиком зависят от местности и могут быть весьма разнообразными. Если удобных огневых позиций с достаточными укрытиями не имеется, то необходимо под покровом темноты создать такие позиции с помощью лопат. Опираясь на свои укрытия, наступающий должен с величайшим искусством использовать свои роды войск в неослабном и весьма продолжительном бою, прежде чем он сможет рассчитывать достигнуть *огневого превосходства*. Только тогда, когда оно достигнуто, когда отчетливо обнаруживается, что сила противника сломлена, может последовать атака — последний акт боя, длящегося обычно несколько дней.

В течение столетий наступательное сражение всегда рассматривалось, в сущности, как отдельный, единый и одновременный акт, представляющий собой, после предшествующего ему развертывания, непрерывное общее движение из района развертывания вплоть до расположения противника, при котором отдельные звенья передовой линии как можно меньше задерживаются для ведения огня. Теперь наступление разделяется на два основных вида, и этим достигается исключительно большая выгода, так как тем самым принимается в расчет неизвестным ранее образом многосторонность серьезного столкновения. Конечно, между обоими типовыми явлениями лежат переходные формы, и может даже случиться, что на одном и том же поле сражения будут применены обе формы, что, например, одна армия сражается с противником фронтально по принципам планомерного наступления, а другая действует ему во фланг по принципам встречного боя (Кениггрец). Весьма возможно

также, что возросшая действительность огня в новейшее время заставила бы и немцев проявить бо́льшую осторожность во встречном бою, чем они проявили в 1870 и даже 1866 гг.; с другой стороны, надо надеяться, что не всегда явится необходимость работать лопатами в ночное время, если придется наступать по удобной местности на развернутый фронт противника. Бой пехоты, царицы полей сражения, Шлихтинг назвал однажды Протеем; прекраснейшей задачей полководческого искусства и является установление, в соответствии с обстановкой каждого отдельного случая, того облика, который должен принять этот бой. Прежде всего, необходимо произвести выбор между двумя, коренным образом отличающимися друг от друга, основными направлениями, после чего легче будет найти и дальнейшее.

Перехожу к соображениям Шлихтинга относительно *растяжения* и *расчленения* при армейских операциях и напоминаю, прежде всего, о выводе из одного уже приведенного выше рассуждения, а именно — что «стратегическое каре» Жомини и оперативное крестообразное построение Клаузевица непригодны больше для современных условий. Шлихтинг показывает, что армейский авангард может быть только чрезвычайно редким исключением, что резервы или такие силы, для которых в первой линии больше нет места, должны располагаться уже не за центром, а за наиболее угрожаемым флангом армии, при известной же обстановке — позади обоих флангов. Для армий соответствующей силы сохраняет свое прежнее значение, интервал между армейскими корпусами в один дневной переход, так как такой интервал облегчает отдых и питание и делает возможным сосредоточение к центру в течение одного дня. При этом для корпусов, примыкающих с обеих сторон к центру, крайне желательно также, если есть хотя бы малейшая возможность, расчленение их на две походные колонны, причем эти колонны двигаются на расстоянии полуперехода. Относительно фланговых корпусов армейское командование, как правило, непосредственно заинтересовано в том, чтобы они двигались каждый в одной колонне, так как тем самым без особых мер создается резерв на фланге. Однако, если армейскому флангу угрожает серьезная опасность, то лучшее обеспечение создает резервный корпус, следующий на расстоянии полного дневного перехода, ибо в этом случае для образования нового фронта имеются в распоряжении целых два армейских корпуса. В целом легко установить,

как велико отличие от прошлого: тогда — главная масса армии в центре, фланги более слабые; теперь, наоборот, центр в виде сравнительно тонкой линии, фланги же особенно сильно насыщенные.

Шлихтинг исследует взаимодействие нескольких армий на театре войны, единое движение к *одной* цели, движение по расходящимся направлениям к *различным* целям, концентрическую операцию и длительное пребывание в разобщенном состоянии (in der Trennung). Обе больших войны, которые вели немцы, дали поучительные примеры каждой из этих форм. 1866 год показывает в блестящей форме концентрическую операцию, которая заканчивается охватывающим сражением при Кениггреце. Шлихтинг, однако, придает особенное значение тому, чтобы неоднократным повторением настоятельно подчеркнуть, что концентрическое продвижение само по себе представляет собой отнюдь не всегда надежное средство для того, чтобы взять противника в сражении между двух огней. *Это может быть достигнуто только в том случае, если противник, со своей стороны, тоже имеет склонность концентрически сосредоточить свои силы.* Когда Мольтке в качестве пункта для соединения выставил Гичин, еще не было намерения наступать на противника охватывающим движением на правом берегу Эльбы. Пункт давал только направление, в котором обе армии должны были взаимно сближаться. Когда же затем Мольтке задержал 2-ю армию — вопреки точке зрения ее командования — на левом берегу Эльбы, *тогда, конечно, ему уже представлялась идея наступления с двух фронтов,* и именно против сильной позиции Йозефштадт — Кениггрец за Эльбой, где он ожидал найти врага. И то, что он оставлял для себя эту возможность открытой, обеспечило ему затем выгодную форму сражения 3 июля.

Война 1870—1871 гг. начинается с расходящегося движения различных армий к различным целям, затем после боев вокруг Меца мы видим совместное движение двух армий (3-й и 4-й) к одной цели и, наконец, когда овладение Парижем сделалось главной целью и противник с нескольких сторон устремляется на выручку, — длительное пребывание в разобщенном состоянии на одном и том же театре войны. Шлихтинг справедливо указывает, что эти явления именно из-за многочисленности армий уже не покрываются понятиями из прежних теорий; что хотя в первом и третьем случаях имеется известное сходство с операцией по внутренней линии, так же как второй случай в известном смы-

сле сводится к продвижению одной армией по одной операционной линии, — все же различия очень велики и обусловливают изменение теоретического истолкования.

В особенно большой степени это проявляется при *оперативном захождении*, которому Шлихтинг посвятил специальный раздел. Он исходит из захождения, которое должны были сделать 3-я и 4-я армии в Седанской операции, когда Мак-Магон хотел двигаться к Мецу в обход немецкого правого фланга. Нельзя отрицать, что рекомендуемое Жомини «стратегическое карре» или нормальное построение Клаузевица гораздо больше подходили для осуществления оперативного захождения, чем движение широким фронтом (breite Bewegungsform), характерное для нынешнего времени. Для тех форм достаточен был самостоятельный поворот каждого отдельного войскового соединения в том месте, где оно в данный момент находилось, чтобы целое тотчас же образовало против неприятельского фланга ту же самую форму расположения сил, которая до этого была против неприятельского фронта. Теперь дело не так просто, даже если на угрожаемом фланге уже имеется резерв. Теперь может пройти значительно больше времени, пока будет создан фронт, отвечающий всем требованиям. Мольтке в 1870 г. при продвижении держал армию, находившуюся на правом фланге (4-ю), в общем, на один дневной переход сзади, так как при столкновении с противником он намеревался наносить удар левым флангом и оттеснить противника к северу. Такой порядок оказался в высшей степени благоприятным для захождения и должен был побудить к дальнейшим размышлениям. Шлихтинг сначала простым и убедительным образом показал, что при такого рода *передвижениях армий* (Heeresbewegungen), в зависимости от обстоятельств, можно различным образом отвечать требованиям момента и что в то же время не следует бояться прибегать к необычным, вообще говоря, правилам. При оперативном захождении не следует бояться и движения отдельных частей в обратном направлении, если общая операция этим ускоряется и успех обеспечивается в высокой степени. Исключительно трудным делом является регулирование движения обозов и парков. Они должны мешать движению и все же должны быть под рукой. Для этой важной задачи управления тоже могут быть установлены практически применимые правила.

Если в качестве исходной точки зрения берется положение, что следствием мощного роста действительности огня является усилившееся значение охватывающей формы бое-

ных действий, то само собой разумеется, что в тех случаях, когда инициатива находится в руках противника, особенно важно не дать себя охватить. Это — безусловный, неоспоримый вывод, который, однако, совершенно противоречит традиционному представлению. «Концентрация в обратном направлении» (Rückwärtskonzentrieren) очень часто упоминалась с насмешкой; основная идея массирования (Massebilden), соединения сил (Aneinanderschliessen) господствовала над обратными движениями не только в первой половине XIX столетия, она простирает свое влияние и на новейшее время. Шлихтинг и здесь является первым военным писателем, который ясно доказывает, что при неизбежном отходе правильными будут «ограниченно эксцентрические» действия. Если перед решающим моментом приходится отходить под давлением превосходного противника, то не нужно стягиваться непосредственно к ближайшим своим силам или прямо отходить на их фронт, но следует располагаться в стороне, в надлежащем расстоянии рядом с ними. Тем самым удастся, по меньшей мере, помешать противнику подвергнуть тесное сосредоточение соединенных частей армии серьезной угрозе охвата; может быть, это приведет и к тому, что затем мы со своей стороны сможем действовать охватывающим образом против преследующего неприятеля. Если к тому моменту, когда должен начаться отход, решение уже последовало, т. е. если мы разбиты, то предстоящая задача — вновь занять сколько-нибудь достаточный для операции фронт, — как правило, весьма трудна; однако, в выполнении этой задачи с использованием подходящих участков местности, безусловно, заключается настоящее спасение армии.

Другая в высшей степени важная идея, которую Шлихтинг ввел в учение о войне, — это идея о том, что в оборонительном сражении место резерва может быть не только позади центра, что даже расположение резерва непосредственно позади фланга или рядом с ним недостаточно, что для достижения цели гораздо большее значение должен иметь *значительный* промежуток между ними. Насколько иные перспективы на вероятный успех раскрылись бы перед Бенедеком 3 июля 1866 г., если бы он выставил сильный армейский резерв так далеко в сторону, влево, что этот резерв смог бы по правому берегу Быстрицы нанести фланговый удар Эльбской армии! Если представить себе в то же время, что правое крыло австрийцев было бы расположено в правильном месте, на сильной высоте Горено-

веса, и что его захождение к линии фронта было бы предотвращено, тогда Эльбская армия могла бы быть отброшена назад на прусский центр, которым командовал Фридрих Карл, и это, весьма вероятно, изменило бы судьбу этого дня.

И насколько иначе мог бы Базен разыграть сражение 18 августа 1870 г., если бы сильный резерв стоял у него наготове справа позади на таком расстоянии, что он смог бы поддержать потрясенные ряды гвардии раньше, чем были введены в дело все силы саксонцев!

При действиях крупного масштаба это расстояние до главного резерва должно возрасти до полуперехода или целого дневного перехода.

Но этим новейшее учение об оборонительном сражении еще не исчерпывается. Это сражение всегда должно быть особым искусством, которое, — по возможности в еще большей степени, чем наступательное сражение, — должно приспособляться к условиям обстановки и, в первую очередь, к местности. Если бы в день Кенигреца развитие событий привело к необычайно тесному сосредоточению австрийской армии в той местности, где тогда сражались их правое крыло и их центр, если бы тем самым было затруднено образование выделяемого влево наступательного крыла на Нижней Быстрице, то можно было бы перенести наступательные действия также и на правый фланг, в то время как армейский корпус усиленного состава мог бы *двинуться навстречу* кронпринцу Прусскому и атаковать его на марше. Одно только в настоящее время, конечно, уже не рекомендуется, а именно — превращать наступательные действия в оборонительном сражении в простое передвижение фронта, усиленного резервами, как намеревался тогда поступить Бенедек. Там, где мы сами выбрали свободные промежутки, для того чтобы максимально использовать свои огневые силы и сделать невозможным продвижение противника, там вряд ли окажется подходящий участок для контрнаступления. Планомерное разделение труда между различными звеньями или частями армии — это, собственно, и есть тот принцип, который Шлихтинг выдвигает для тактической обороны, а потому сохранение соответствующей ширины операции для оборонительных положений так же важно, как и для наступательных.

Раньше уже было показано, что если *обе* стороны признают современные оперативные принципы, то никак нельзя быть уверенным, что по внешним операционным линиям

удастся притти к охватывающему сражению. Если противник тоже боится несвоевременных или чрезмерных массовых скоплений войск, то успех не достигается простым концентрическим движением к полю сражения. Зато искусному наступающему иногда представится возможность, при тщательном использовании имеющихся преимуществ местности, попытаться осуществить прорыв через один из оперативных промежутков между двумя частями неприятельской армии. Если на одном фланге имеется участок местности соответствующей силы, который в самом деле предохраняет от действия огня, то можно еще и в настоящее время держаться в сторону этого фланга оборонительно и искать решения на другом фланге.

«В настоящем труде, — говорит Шлихтинг, — мы пришли тем самым, к старому противопоставлению, которое образует две формы. Успех может быть достигнут путем охвата или прорыва. Однако, возможность применения такого рода действий, по сравнению с наполеоновской эпохой, сильно, можно сказать даже коренным образом, изменилась. Наполеон еще при Вахау считал возможным прорвать центр соединенных сил союзников, и вдобавок при поддержке кавалерийских масс. Для успеха недоставало лишь немногого; во всяком случае, могла быть достигнута, хотя бы на мгновение, растерянность наступающего, обладавшего превосходством в силах. В противоположность этому необходимо сейчас живо представить себе попытку Галлифе под Седаном, чтобы уяснить себе различие, которое имеется между попытками прорыва тогда и теперь. Однажды достигнутое тактическое сосредоточение неприятельских частей уже нельзя прорвать, хотя бы оно и было тонким в своем центре. Вследствие вооружения и величины армейских масс гораздо большее значение приобрел тактический охват. Прорыв, даже подготавливаемый вблизи от поля сражения, обязательно должен быть также и стратегическим, т. е. обеспечить возможность наносить удар одной части противника, в то время как другие его части лишены или лишаются возможности воздействовать на ход сражения своим оружием. Дневной переход является, конечно, минимальным расстоянием, которое обеспечивает при этом безопасность с другой стороны, если только исключительно благоприятные местные условия не вынуждают части противника к длительным разрозненным действиям. Позволительно указать, что в этом смысле при равном приблизительно противнике прорыв скорее удался бы дивизии, чем корпусу. Чем боль-

шее пространство требуется для боевых соединений, тем труднее осуществление прорыва. Дюкро при Шампиньи в первый день еще мог выиграть пространство, на второй день он уже не был в состоянии добиться этого, а на третий день он ослабел и был разбит. Он был и оставался в двустороннем охвате, и при таких условиях фронт можно было бы, в конце концов, оставить ему свободным. Продолжение боя привело бы все же к его уничтожению, так как в борьбе против двустороннего охвата он должен был повернуть фронт, чтобы при отходе наносить удары в отрыве от крепости. В будущем попытки прорыва в чисто тактической области представляются почти неосуществимыми; только в стратегической области они сохраняют значение. Чрезмерному растяжению операции они ставят предел в виде правильного использования более коротких линий на внутреннем фланге. Остается, однако, понятным, что эта точка зрения отходит на второй план, так как ее осуществление зависит от *ошибок* противника»[1].

Теперь я хочу еще привести здесь те положения, в которых Шлихтинг формулирует рекомендуемый им для настоящего времени метод перехода от оперативного маневра к сражению:

«1) Сражение должно завязываться, по возможности, прямо с операционных линий, которые ведут к противнику, ибо этим достигаются единообразно расчлененные боевые порядки и кратчайшие пути.

2) Везде там, где движение не наталкивается на своем пути на подготовленные позиции, переход от марша к бою должен происходить без промежутка, так как предварительное развертывание в серьезной обстановке отнимает целый день. Такая основательная задержка рекомендуется только при наступлении на подготовленную позицию.

3) Для оборонительного сражения тоже требуется такой же длительный период оперативной свободы. С самого начала привязать все силы, для оказания сопротивления, к местным объектам — это ошибка.

4) В начале сражения расстояния между отдельными частями армии не должны превышать малого дневного перехода, иначе их взаимодействие в бою будет исключено.

5) Подчиненный начальник на своем ограниченном фронте принимает решения самостоятельно в соответствии

[1] Шлихтинг, Тактические и стратегические принципы современности (v. Schlichting, Taktische und strategische Grundsätze der Gegenwart), II, 16.

с директивами главного командования, обстановкой у противника и соседа и местностью, так как только таким путем возможно согласованное взаимодействие всех частей. При современном вооружении каждый местный объект может использоваться только в полном соответствии с особенностями этого объекта.

6) Последний принцип должен разумно применяться всеми начальниками вплоть до командиров низших подразделений.

7) Чем более противник подготовился к обороне и уже развернулся на позиции, тем более необходима единообразная диспозиция на наступление, исходящая от высшей командной инстанции. Следовательно, развертывание и втягивание в бой в данном случае представляют собой раздельные акты»[1].

Я показал, таким образом, различные направления, в которых Шлихтинг развил учение Мольтке, и этот очерк может быть достаточным для целей настоящей книги. Конечно, если Шлихтинг хотел развить тактические и стратегические принципы современности, то он должен был бы включить в свое исследование значительно большее число противопоставлений. В общем, он поступил так: в качестве исходного пункта он взял систему идей Клаузевица и держался ее во всех случаях, когда она уживается с изменившимися условиями современности; с другой стороны, он четко показывает имеющиеся отклонения. Здесь опять самым отчетливым образом обнаруживается, насколько неосновательно опасение, будто поучения Клаузевица могут ослабить наступательный дух: сочинения Шлихтинга проникнуты самым решительным наступательным духом. Этим порождается не только его пристрастие к встречному бою, который 30—40 лет назад[2] привел к таким блестящим успехам. Даже тогда, когда он предостерегает от слепой атаки против развернутого неприятельского фронта и подробно рассматривает средства, заимствованные из крепостной войны, с помощью которых следует подбираться к сильной позиции, это делается только для того, чтобы убедительнее показать триумф наступления над обороной. Пассивную оборону, сидение на позициях он все время расценивает как самую малоценную форму боевых действий и отводит ей место в теории только в рамках более крупной операции, в кото-

[1] Шлихтинг, Тактические и стратегические принципы современности, II, 94.

[2] Т. е. в период войн 1866—1871 гг. — *Ред.*

рой положительную задачу решает наступление в другом месте или с другого направления.

Тактические и стратегические принципы Шлихтинга опираются на события больших войн 1866 и 1870—1871 гг. и на последний опыт русских на Дунае и на Балканах. Блестящее подтверждение получили они и в новейших событиях в Южной Африке.

Насколько иначе развивались бы действия в Натале, если бы генерал Уайт прекратил свою «концентрацию в обратном направлении», если бы он не подтянул бригаду Гленкоэ к Ледисмиту, а оставил ее стоять на соответствующем расстоянии в стороне, чтобы затем на широком фронте двумя войсковыми группами, избегая решительных боев, но не теряя соприкосновения с противником, отойти за линию р. Тугела!

Я извлекаю эту мысль из одной до сих пор еще не напечатанной работы Шлихтинга. Сама по себе эта мысль поражает своей простотой; однако, кто привязан к наполеоновским образцам, тот не легко придет к этому. Если продолжить эту мысль, то получается, что генерал Уайт вовсе не нуждался в подкреплении. Он имел возможность, если это было необходимо, отходить вплоть до моря, где для него кончалась всякая опасность, и если бы он притянул туда вслед за собой главные силы буров, то они нанесли бы удар по воздуху и отсутствовали бы на главном театре войны, где англичане вели бы затем тем более легкую игру.

Критика уже много раз указывала на то, что Буллер и Метуэн, повидимому, не имели представления о подлинном значении охвата и что их чисто фронтальное продвижение почти необъяснимо. Работа Шлихтинга, о которой я только что говорил, особенно много внимания уделяет различным средствам и путям, которые представлялись обоим генералам для того, чтобы сделать ненужным чисто фронтальное наступление. Однако, насколько иную форму могло бы принять само это чисто фронтальное продвижение англичан, если бы оно происходило в соответствии с принципами Шлихтинга о наступлении на подготовленную позицию! Паническихотходов, к которым вели устарелые наступательные действия, можно было бы во всяком случае избежать, если бы производили тщательную подготовку атаки и постепенное сближение с противником *с помощью лопаты*.

Неоднократно признавалось также, что лорд Робертс своим сравнительно быстрым успехом в первую очередь должен быть обязан принципу *оперативного охвата из расчле-*

ненного развертывания. Это, конечно, не случайность, в этом сказывается то, что каждая эпоха имеет свой собственный закон; познать этот закон — обязанность командования.

И совсем вкратце я должен еще отметить, что пассивное отсиживание буров на позициях, несмотря на все их временные успехи, не могло миновать своей участи. В этом, правда, сходятся представители всех направлений; Шлихтинг же принадлежит к людям, которые самым настойчивым образом подчеркивают большое значение этого наблюдения.

Совершенно исключительная ценность сочинений Шлихтинга заключается в том, что он изложил в них свой богатый опыт в области подготовки войск. Я был командиром полка в его армейском корпусе и я сейчас еще вспоминаю с искренним восхищением, как умно он умел вести занятия, как неустанно он добивался того, чтобы действительно убеждать, а не выставлять категорические правила, как внимательно он относился к противоположным взглядам, если они выдвигались и отстаивались доводами, имеющими хотя бы некоторую ценность. Я знаю случай, когда он поздней ночью написал несколько страниц одному штабному офицеру, чтобы еще до своего отъезда завершить обсуждение одного тактического вопроса, которое происходило дважды в течение этого дня. Основным тоном его работы было воспитание самостоятельности на всех ступенях войскового командования. Ничто не было для него более несимпатичным, чем если начальник без нужды ограничивал круг деятельности своих подчиненных. Важнейшую задачу воспитания в мирное время он видел в способствовании росту и оживлении всех духовных сил, принимающих такое решающее участие в боях на поле сражения, — это подтвердят вместе со мною многие сотни сведущих людей, которые занимали командные должности под его начальством. Совершенно напрасна попытка противников его взгляда на подготовку бросить ему упрек, будто бы он стремился создать только *новую схему*. Как на самом деле выглядит схема, это я ясно показал на страницах этой книги. Шлихтинг может, впрочем, утешиться тем, что другой упрек, бросаемый ему с такой же страстностью, сводится к тому, что в нем видят врага всякого порядка на поле сражения, организатора беспорядочной анархии, учение которого делает для полководца невозможным пронизать своей волей все звенья армии вплоть до низших. Оба эти упрека неверны, и вдобавок они взаимно опровергаются.

Советы Шлихтинга об организации подготовки германской армии выходят за рамки настоящей работы. Только на одно из его умозаключений я должен еще указать здесь хотя бы вкратце. Он указывает, что хотя оперативная система Мольтке постепенно завоевала полное господство на военных играх и тактических упражнениях, на учебных выездах и поездках генерального штаба, но в исключительно важной области больших войсковых учений она все еще вынуждена преодолевать серьезные трудности. К сожалению, это явление, когда на маневренном поле к победе ведет не система, рекомендуемая для современных условий, а старая наполеоновская оперативная система, повторяется очень часто. Как бы ясно ни указывалось в Инструкции для высших войсковых начальников, что между двумя соседними дивизиями обязательно должен соблюдаться интервал в 1—1½ мили, однако, кто руководствуется этим в мирное время, тот подвергается опасности быть разбитым. Причина очень проста: на маневрах все бои протекают слишком быстро; отдельная дивизия, наступающая на превосходящего ее противника, потерпит полное поражение раньше, чем она успеет получить поддержку соседней дивизии; эта соседняя дивизия, находящаяся на расстоянии, стратегически рассчитанном правильно, вступит в бой слишком поздно. Поэтому на маневрах неизбежно должен побеждать тот, кто нарушает наставление и держит свои войска более тесно сосредоточенными, и должен терпеть поражение тот, кто действует в соответствии с правильными оперативными принципами.

Уже Клаузевиц рассчитывал на то, что дивизия даже без всяких преимуществ местности в состоянии в течение нескольких часов противодействовать значительно превосходящим ее силам, прежде чем бой закончится для нее неудачей. При теперешней действительности огня сила сопротивления дивизии должна еще значительно повыситься, если только дивизия хотя бы в известной мере правильно действует и не слишком легко дает себя окружить. Если кто-либо хоть сколько-нибудь сомневался в этом, бурская война должна была положить конец сомнениям. Бо́льшая часть наступлений проводилась там настолько ошибочно, что они вообще не достигали цели и кончались полной неудачей, хотя противник осуществлял чистую оборону без каких бы то ни было активных действий. Там же, где наступления вообще удавались, там требовалось весьма значительное время на выполнение задачи.

На маневрах мы постепенно должны притти к тому, чтобы действие огня обороны расценивалось действительно надлежащим образом и чтобы вследствие этого наступление чувствовало себя вынужденным использовать местность с осмотрительностью, безусловно необходимой во время войны, и обеспечивать своим огневым линиям необходимое время для достижения огневого превосходства. Если это сделано, то полностью обеспечивается и правильный оперативный метод, а вредное пристрастие к чрезмерно тесному сосредоточению именно крупных войсковых соединений при этом условии исчезнет. Тогда наступит конец опасному дуализму в общей подготовке войск, и среди командного состава установится то единодушие в основных воззрениях, которое во время войны дает возможность предоставлять отдельному начальнику широкое поле действий и тем самым с пользой применить духовные силы многих.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После того как я закончил свой обзор стратегической мысли целого столетия, мне остается еще сказать несколько слов об избранном мною для этой книги заглавии.

Что стратегия при ее осуществлении является *искусством*, в этом не может быть сомнений. Но можно ли вообще говорить о стратегической *науке?*

Отвечая на этот вопрос, я хочу опираться не на людей, которые в своих всеобъемлющих трудах учебного характера уже высказались определенно в утвердительном смысле, но исключительно на двух великих практиков рассматриваемой нами эпохи.

В мемуарах маршала Гувиона Сен-Сира (Gouvion St. Cyr) сообщается, что в первую неделю сентября 1813 г. Наполеон высказал очень важную мысль. Подчиненные ему командиры потерпели тогда уже всяческие роковые неудачи, и обычно столь мало снисходительный полководец весьма спокойно обсуждал трудности полководческого искусства. При этом он добавил: *если бы когда-нибудь у него оказалось время для этого, он хотел бы написать книгу, в которой он изложит принципы военного искусства в такой определенной форме, что они будут понятны каждому военному и их можно будет изучать так же, как изучают любую науку.* Сен-Сир указывает также на одно место в опубликованных еще до выхода его мемуаров «Воспоминаниях с острова Св. Елены» Лас-Казеса (Las Cases, «Mémorial de St. Helène»), в которых сообщается об аналогичной мысли Наполеона, относящейся к более позднему времени (1816 г.). Согласно этому сообщению, император говорил о величайших полководцах прошлого, что они руководствовались правилами и естественными принципами искусства, что их суждения были правильными, так как средство и цель, усилия и препятствия находились в разумном соответствии.

Они не переставали делать из войны *подлинную науку*, а потому они являются образцами, и в этом им надо подражать. «Мои крупнейшие дела приписывали счастью, а мою неудачу не преминут приписать моим ошибкам. Но если я обрисую свои походы, то с удивлением увидят, что в тех и в других условиях и в каждом отдельном случае, так же как и всегда, мое понимание и мои действия находились в соответствии с *принципами*».

Обещанную учебную книгу, несмотря на то, что у него поневоле оказался досуг, Наполеон все же не написал; тем не менее, в многочисленных своих замечаниях по поводу других сочинений, которые он читал, он в ясной и определенной форме выразил свою теоретическую точку зрения. В соответствии с этими замечаниями он и на острове Св. Елены рассматривал целый ряд принципов в качестве безусловно твердых и действительных на длительное время,— так же как раньше в своей практической полководческой деятельности он часто и охотно употреблял выражение «принцип военного искусства». Все, что Наполеон считает принципом, целиком и полностью совпадает с учением Жомини, и я предполагаю, что он отбросил мысль о написании своего собственного труда учебного характера уже на том основании, что Жомини предупредил его в этом.

Среди упомянутых замечаний особого внимания заслуживает замечание 7-е к учебнику генерала Ронья (Rogniat). Этот современный Наполеону писатель провел различие между завоевательными войнами новейшего времени и методическим ведением войны в прежние эпохи и при этом обнаружил все же определенное пристрастие к уже устаревшим к тому времени взглядам. Наполеон энергично отвергает мысль, будто бы его походы велись не *методически*. «Каждая наступательная война есть война завоевательная, — говорит он, — каждая хорошо веденная война есть война методическая». В доказательство этого положения он развертывает в общих чертах картину походов Александра, Ганнибала, Цезаря, Тюренна и четырнадцати походов, которые он сам провел. Основная мысль в этом очерке заключается в том, что надо держать все силы тесно сосредоточенными для единых действий. Этой картине он противопоставляет в первую очередь французский поход в Германию в 1796 г., когда Журдан и Моро разъединенными армиями перешли через Нижний и Верхний Рейн; он называет этот поход войной, «которая велась по ложным принципам, противоречащим всякому методу». Это выска-

зывание точно совпадает с другим, в котором Наполеон оценивает расчлененное вторжение Фридриха II в Богемию в 1757 г. как ошибочное, так как существует принцип: «*соединение различных армейских корпусов никогда не должно происходить вблизи от противника*».

Не может быть, следовательно, абсолютно никаких сомнений, что многоопытный полководец был не простым импровизатором, разрешающим каждый отдельный вопрос без всякого аппарата научных, учебных понятий, чисто творчески, *только* в зависимости от условий момента, но что в гораздо большей степени он обладал совершенно определенным, лично ему присущим методом действия. Однако, он сознавал, конечно, что на войне все относительно, что иногда даже является вопросом, действительно ли 2×2=4, а потому и замечание 7-е к книге Ронья он закончил несколькими фразами, которые вновь, в известной мере, ослабили весьма категорическое утверждение, содержавшееся в его словах, сказанных Сен-Сиру: «Тактику, эволюции, инженерную и артиллерийскую науку можно изучать по учебникам, как геометрию; однако, знания высшей стратегии можно достигнуть только путем изучения истории войн, путем изучения сражений великих полководцев и на основании опыта. Совершенно определенных, точных правил нет; все зависит от характера, которым природа наделила полководца, от его выдающихся качеств, от его недостатков, от характера войск, техники вооружения, времени года и тысячи обстоятельств, которыми определяется то, что события получают именно такой вид».

Читателям уже известны слова Мольтке, сказанные в Инструкции для высших войсковых начальников: «Уроки стратегии не выходят далеко за пределы основных принципов здравого смысла, и вряд ли можно назвать их наукой; ценность их заключается почти целиком в конкретном применении». Как понимал Мольтке эту фразу, видно из его слов, сказанных почти через десятилетие после этого при обсуждении одной учебной тактической задачи: «Когда хотят ответить на такие вопросы, какие ставились здесь, то охотно обращаются к определенным правилам и положениям. Но подобные принципы может дать только наука, и такой наукой является для нас стратегия. Однако, со стратегией дело обстоит не так, как с отвлеченными науками. В этих науках имеются свои твердые, определенные истины, на которых можно строить дальнейшее изучение, из которых можно делать дальнейшие выводы. Квадрат гипотенузы

всегда равен сумме квадратов обоих катетов; это всегда остается истинным, независимо от того, является ли прямоугольный треугольник большим или малым, обращена ли его вершина на восток или на запад. В теоретических книгах часто приходится читать о преимуществах «операций по внутренней линии». Несмотря на это, в каждом отдельном случае надо ставить перед собой вопрос, что́ именно является самым выгодным. В нашей последней задаче мы тоже стояли на внутренней линии и знали слабость противника у *M;* однако, никому из участников не пришло в голову переправляться через реку у *M*. Стратегия — это есть применение человеческого здравого смысла к ведению войны. Трудность заключается в ее осуществлении, ибо мы зависим от бесконечно большого числа факторов, таких, как ветер и дождь, туман, ложные сведения и т. д. *Если поэтому теоретическая наука сама по себе никогда не ведет нас к победе, то все же мы не должны оставлять ее совсем без внимания. Очень правильно говорит генерал фон-Виллизен: «От знания к умению всегда скачок, но скачок все же от знания, а не от незнания».*

Так много внимания уделяет Мольтке защите понятия *«стратегическая наука»!*

Моя книга, безусловно, показывает, что в течение XIX столетия в этой области происходило весьма существенное *развитие*. Большая часть из того, что действительно для современности, безусловно, подвержена изменению! Пророчества всегда являются своеобразным делом. Но кто усомнится, например, в том, что управляемый воздушный корабль, как полезный инструмент ведения войны, должен был бы внести значительное изменение в тактику и стратегию!